

Научный журнал
Периодическое издание
Издается с 2004 года
Журнал выходит 6 раз в год

16+

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

Журнал включен в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по: биологическим (общая биология, физико-химическая биология); физико-математическим (физика) и филологическим (языкознание, литературоведение) наукам

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

1 (81) 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Н. Николаев, д. б. н.

Заместители главного редактора:

Ю. Г. Данилов, к. г. н.

Ответственный секретарь

М. В. Куличкина

Члены редакционной коллегии:

А. А. Бурыкин, д. филол. н., Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия;

Л. Г. Гольдфарб, проф., Национальный институт неврологических заболеваний (NIH/NINDS)

Национальных институтов здоровья США, г. Вашингтон;

С. А. Карабасов, проф., Лондонский университет имени Королевы Мэри, Великобритания;

Санг-Ву Ким, Ph.D., Пусанский национальный университет, Южная Корея;

В. В. Красных, проф., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

А. А. Петров, д. филол. н., зам. директора Института народов Севера, Санкт-Петербург, Россия;

Л. Д. Раднаева, д. филол. н., БГУ, Улан-Удэ, Россия;

Л. Сальмон, проф., Генуэзский университет, Италия;

Дж. Судзуки, проф., Университет Саппоро, Япония;

А. Н. Тихонов, к. б. н., Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия;

Д. К. Фишер, проф., Мичиганский университет, США;

Ву Сок Хванг, проф., Фонд биотехнологических исследований Soom, Южная Корея;

Коно Кимитоши, проф., Институт РИКЕН, Япония;

Д. А. Таюрский, д.ф.-м.н., Казанский федеральный университет;

В. И. Васильев, д. ф.-м. н., проф.; *Н. Н. Винокуров*, д. б. н.; *Н. Н. Гермогенов*, д. б. н.; *Ю. М. Григорьев*,

д. ф.-м. н., проф.; *Н. Н. Ефремов*, д. филол. н.; *А. П. Исаев*, д. б. н.; *Г. Ф. Крымский*, д. ф.-м. н.,

проф., академик РАН; *И. И. Мордосов*, д. б. н., проф.; *П. В. Сивцева-Максимова*, д. филол. н., проф.;

Н. Г. Соломонов, д. б. н., проф., член-корр. РАН; *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н., проф.

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677005, г. Якутск, ул. Курашова, 30/4, каб. 7

Тел./факс: +7 (4112) 42-28-75

Северо-Восточный федеральный университет

s-vfu.ru/vestnik-svfu/

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 47182

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67401 выдано 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

Academic periodical
Published since 2004
The frequency of publication is 6 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

The periodical is included in the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission (HAC) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on: Biological (General Biology, Physics and Chemistry Biology); Physical and Mathematical (Physics); Philological Studies (Linguistics, Literature Studies)

The periodical is included into the system of Russian Scientific Quotation Index (RSQI)

1 (81) 2021

EDITORIAL BOARD

Head editor

A. B. Nikolaev, Doctor of Biological Sciences

Deputy chief editors:

Yu. G. Danilov, Candidate of Geographical Sciences

Executive editor

M. V. Kulichkina

Members of the editorial board:

A. A. Burykin, Dr. Sci. Philology, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation;

L. G. Goldfarb, Prof., the National Institute of Neurological Diseases (NIH/NINDS) of the National Institutes of Health of the USA, Washington;

S. A. Karabasov, Prof., Queen Mary University of London, Great Britain;

Sang-Woo Kim, Dr. Sci. Philosophy, Pusan National University, Republic of Korea

V. V. Krasnykh, Prof., M. V. Lomonosov Moscow State University, Russian Federation;

A. A. Petrov, Dr. Sci. Philology, Vice Director, Institute of the Peoples of the North, Saint Petersburg, Russian Federation;

L. D. Radnayeveva, Dr. Sci. Philology, Buryat State University, Ulan Ude, Russian Federation;

L. Salmon, Prof., University of Genoa, Italy;

J. Suzuki, Prof., Sapporo University, Japan;

A. N. Tikhonov, Cand. Sci. Biology, RAS Zoological Institute, Saint Petersburg, Russian Federation;

D. C. Fisher, Prof., University of Michigan, USA;

Woo Suk Hwang, Prof., SOOAM Biotech Research Foundation, South Korea;

Kono Kimitoshi, Prof., RIKEN Institute, Japan;

D. A. Tayursky, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Kazan Federal University;

V. I. Vasiliev, Dr. Sci. Physics & Mathematics, Prof.; *N. N. Vinokurov*, Dr. Sci. Biology; *N. N. Germogenov*,

Dr. Sci. Biology; *Yu. M. Grigoriev*, Dr. Sci. Physics & Mathematics, Prof.; *N. N. Yefremov*, Dr. Sci. Philology;

A. P. Isayev, Dr. Sci. Biology; *G. F. Krymskiy*, Dr. Sci. Physics & Mathematics, Acad. RAS, Prof.;

I. I. Mordosov, Dr. Sci. Biology, Prof.; *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Dr. Sci. Philology, Prof.; *N. G. Solomonov*,

Dr. Sci. Biology, Prof., Corr. Member RAS; *G. G. Philippov*, Dr. Sci. Philology, Prof.

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 7 off., 30/4 Kurashova str., Yakutsk, Russia, 677005

Telephone/Fax: +7 (4112) 42-28-75

s-vfu.ru/vestnik-svfu/

Subscription index in the “Rospechat” catalogue 47182

Accreditation certificate ПИ № ФС77-67401 on October, 13, 2016 by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

СОДЕРЖАНИЕ

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Егорова Н. Ю., Сулейманова В. Н.* Распространение и эколого-ценотические особенности *Gutnadenia conopsea* (L.) R.Br. в подзоне южной тайги (Кировская область)..... 5
- Стариков В. П., Старикова Т. М.* Видовой состав и распространение иксодовых клещей (Parasitiformes, Ixodidae) в Курганской области..... 20

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Неустров Е. П., Прокопьев А. Р.* Оптоэлектронные свойства углеродных пленок, полученных методом осаждения в плазме CH_4 и последующей термообработкой..... 34
- Яковлев Б. В.* Гравитационное поле и космологическое расширение..... 43

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Байдашева Э. М.* Метафоры и терминологически устойчивые выражения с колоронимами в медицинской терминологии..... 50
- Бактыбаева А. Т.* Специфика воплощения философско-юмористического мироощущения в творчестве Б. Каирбекова..... 58
- Гусейнов М. А.* Кумыкская драматургия первой половины XX века..... 67
- Сивцева-Максимова П. В.* Источниковедческий анализ работ В. Ф. Трошанского по этнографии якутов в контексте исследований наследия А. Е. Кулаковского..... 78
- Страшкова О. К., Бабенко И. А.* Пародирование кодов классической трагедии в драматургических экспериментах А. В. Сухова-Кобылина и Н. Р. Эрдмана..... 89
- Филитов Г. Г.* О спряжении прошедшего категорического времени в якутском языке..... 98
- Шестакова Е. Ю.* Образ детства в эпопее И. С. Шмелева «Солнце мертвых»..... 106

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ЮБИЛЕИ

- Петров Ю. Д.* Жизнь, связанная с университетом (к 85-летию со дня рождения профессора И. С. Сивцева)..... 115

CONTENT

BIOLOGICAL SCIENCES

<i>Egorova N. Y., Suleymanova V. N.</i> Distribution and ecological and coenotic features of <i>Gymnadenia conopsea</i> (L.) R.Br. in the subzone of the southern taiga (Kirov region).....	5
<i>Starikov V. P., Starikova T. M.</i> Species composition and distribution of ixodid ticks (Parasitiformes, Ixodidae) in the Kurgan oblast.....	20

PHYSICAL AND MATHEMATICAL SCIENCES

<i>Neustroev E. P., Prokopen A. R.</i> Optoelectronic properties of carbon films obtained by deposition in CH ₄ plasma and subsequent heat treatment.....	34
<i>Yakovlev B. V.</i> Gravitational field and cosmological expansion.....	43

PHILOLOGICAL STUDIES

<i>Bajdasheva E. M.</i> Metaphors and terminologically stable expressions with coloronyms in medical terminology.....	50
<i>Baktybaeva A. T.</i> The specificity of the embodiment of the philosophical and humorous attitude in the work of B. Kairbekov.....	58
<i>Guseynov M. A.</i> Kumyk dramaturgy of the first half of the xx century.....	67
<i>Sivtceva-Maksimova P. V.</i> Source analysis of V. F. Troschansky's work on the ethnography of the sakha (yakut) in the context of the heritage studies of A. E. Kulakovsky.....	78
<i>Strashkova O. K., Babenko I. A.</i> Paroding of classical tragedy codes in dramaturgical experiments A. V. Sukhovo-Kobylin and N. R. Erdman.....	89
<i>Filippov G. G.</i> Conjugation of the past categorical tense in the Yakut language.....	98
<i>Shestakova E. Yu.</i> The image of childhood in I. S. Shmelev's epic «Sun of the dead».....	106

DATES, EVENTS, ANNIVERSARIES

<i>Petrov Yu. D.</i> Life associated with the University (To the 85th anniversary of the birth of Professor I. S. Sivtsev).....	115

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 582.5: 581.52

Н. Ю. Егорова^{1,2}, В. Н. Сулейманова^{1,2}

Распространение и эколого-ценотические особенности *Gymnadenia conopsea* (L.) R.Br. в подзоне южной тайги (Кировская область)

¹Всероссийский научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства имени профессора Б.М. Житкова, г. Киров, Россия

²Вятская государственная сельскохозяйственная академия, г. Киров, Россия

Аннотация. Сокращение биоразнообразия считается одной из значимых проблем современности. Одной из причин исчезновения редких видов растений является утрата характерных местообитаний. Поэтому для сохранения таких видов необходимо изучение эколого-ценотических параметров типичных биотопов на всем протяжении ареала и выделение ключевых факторов, лимитирующих их распространение. *Gymnadenia conopsea* (L.) R. Br. (*Orchidaceae*) – вид с сокращающейся численностью, включен в Красные книги многих субъектов РФ, в том числе и Кировской области. Цель настоящего исследования – выявление

ЕГОРОВА Наталья Юрьевна – к. б. н., доцент кафедры экологии и зоологии Вятской государственной сельскохозяйственной академии, с. н. с. отдела экологии и ресурсоведения растений Всероссийского научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства имени профессора Б.М. Житкова.

E-mail: n_chirkova@mail.ru

EGOROVA Natalia Yurievna – Candidate in Biology, leading researcher of the Department of Ecology and Plant Resource Science of the Russian Scientific Research Institute of Hunting and Fur Breeding named after Professor B.M. Zhitkov; Associate Professor of the Department of Ecology and Zoology of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Vyatka State Agricultural Academy».

СУЛЕЙМАНОВА Венера Нурутдиновна – к. б. н., доцент кафедры экологии и зоологии Вятской государственной сельскохозяйственной академии, с. н. с. отдела экологии и ресурсоведения растений Всероссийского научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства имени профессора Б.М. Житкова.

E-mail: venera_su@mail.ru

SULEYMANOVA Venera Nuritdinovna – Candidate in Biology, leading researcher of the Department of Ecology and Plant Resource Science of the Russian Scientific Research Institute of Hunting and Fur Breeding named after Professor B.M. Zhitkov; Associate Professor of the Department of Ecology and Zoology of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Vyatka State Agricultural Academy».

фитоценологических параметров и экологических условий местообитаний *G. conopsea* в пределах южно-таежного фрагмента ареала (Кировская область). Сбор материала проведен в течение вегетационных периодов 2007–2019 гг. Описания растительных сообществ с *G. conopsea* осуществлены согласно общепринятым геоботаническим методам. Оценка экологических условий местообитаний проведена по составу видов в сообществах по десяти амплитудным шкалам Д. Н. Цыганова. Гемеробность определена по составу видов в растительных сообществах, в которых каждый вид имеет индивидуальный спектр толерантности к антропогенным факторам. Показано, что в пределах рассматриваемого фрагмента ареала местообитания *G. conopsea* характеризуются широким спектром типов: ксеро-мезофильные луговые сообщества, опушечные фитоценозы лесо-лугового типа, лесные сообщества из *Pinus sylvestris*. *G. conopsea* относится к мезобионтным видам. Коэффициент экологической валентности в среднем составляет 55%. Вид в изученных фитоценозах реализует от 3,54 до 52,20% своих потенциальных возможностей по изученным факторам. По климатическим факторам вид гемизврибионтен (It–0,66). Максимально реализует свои потенции *G. conopsea* по омброклиматической шкале (15,14%). По всем климатическим шкалам экологические условия изученных местообитаний занимают центральное положение от потенциально возможных. В обобщенном спектре почвенных шкал вид выступает как гемистенобионт (It–0,44). Для *G. conopsea* полученные результаты позволяют расширить на 0,62 ступени влево шкалу кислотности почв и на 1,07 ступени вправо шкалу солевого режима. По остальным шкалам значения экологического пространства *G. conopsea* в изученных биотопах укладываются в диапазоны, приводимые Д. Н. Цыгановым для данного вида. По результатам РСА анализа исследованных ЦП и значений эдафических параметров биотопов установлено, что определяющими параметрами экоареала для *G. conopsea* являются факторы увлажнения и переменности увлажнения почвы. Растительные сообщества с участием *G. conopsea* представлены преимущественно видами с высокой чувствительностью к антропогенному воздействию. Во всех исследуемых фитоценозах выявлена значительная доля участия б-с-р-гемеробов (34,89%), что свидетельствует об относительной устойчивости вида.

Ключевые слова: *Gymnadenia conopsea*, *Orchidaceae*, экологические шкалы, гемеробность, Д. Н. Цыганов, Кировская область, фитоценологическая характеристика, растительные сообщества, ценопопуляция.

DOI 10.25587/r9143-9710-5484-i

N. Y. Egorova^{1,2}, *V. N. Suleymanova*^{1,2}

Distribution and ecological and coenotic features of *Gymnadenia conopsea* (L.) R.Br. in the subzone of the southern taiga (Kirov region)

¹Zhitkov Russian Research Institute of Game Management and Fur Farming, Kirov, Russia

²Vyatka State Agricultural Academy, Kirov, Russia

Abstract. The reduction of biodiversity is considered one of the most significant problems of our time. One of the reasons for the disappearance of rare plant species is the loss of characteristic habitats. Therefore, to preserve such species, it is necessary to study the ecological and cenotic parameters of typical biotopes throughout the range and identify key factors that limit their distribution. *Gymnadenia conopsea* (L.) R. Br. (Orchidaceae) - a species with a declining population, included in the Red books of many subjects of the Russian Federation, including the Kirov region. The purpose of this study is to identify phytocenotic parameters and ecological conditions of *G. conopsea* habitats within the southern taiga fragment of the area (Kirov region). The collection of material is carried out during the vegetation periods of the years 2007–2019. Descriptions of plant communities with *G. conopsea* were carried out according to generally accepted geobotanical methods. Ecological conditions of habitats were assessed by the composition of species in communities using ten amplitude scales of D. N. Tsyganov. Hemerability is

determined by the composition of species in plant communities, in which each species has an individual spectrum of tolerance to anthropogenic factors. It is shown that within the considered fragment of the range, *G. conopsea* habitats are characterized by a wide range of types: xero-mesophilic meadow communities, forest-meadow-type fringe phytocenoses, and forest communities from *Pinus sylvestris*. *G. conopsea* belongs to mesobiont species. The average coefficient of environmental valence is 55%. The species, in the studied phytocenoses, realizes from 3,54 to 52,20% of its potential according to the studied factors. According to climatic factors, the species is hemieuvribionten (It-0,66). *G. conopsea* maximizes its potency on the ombroclimatic scale (15,14%). According to all climate scales, the ecological conditions of the studied habitats occupy a Central position from the potentially possible ones. In the generalized spectrum of soil scales, the species appears as a hemistenobiont (It-0,44). For *G. conopsea* the results obtained allow us to extend the scale of soil acidity by 0,62 steps to the left and the scale of salt regime by 1,07 steps to the right. According to the other scales, the values of the ecological space of *G. conopsea* in the studied biotopes fit into the ranges given by D. N. Tsyganov for this species. Based on the results of PCA analysis of the studied population and values of edaphic parameters of biotopes, it was found that the determining parameters of the ecoareal for *G. conopsea* are factors of moisture and soil moisture variability. Plant communities with the participation of *G. conopsea* is represented mainly by species with high sensitivity to anthropogenic impact. A significant proportion of b-c-p-hemerobes (34,89%) was found in all the studied phytocenoses, which indicates the relative stability of the species.

Keywords: *Gymnadenia conopsea*, Orchidaceae, ecological scales, gemerobnost, D. N. Tsyganov, Kirov region, phytocenotic characteristics, plant communities, coenopopulation.

Введение

Сокращение биоразнообразия считается одной из значимых проблем современности. Важность сохранения редких и уязвимых видов сегодня признана как на международном [1–2], так и государственном уровнях. В связи с этим в Российской Федерации действует «Стратегия сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 г.» [3]. Как отмечает П. Г. Ефимов [4], одной из причин исчезновения редких видов растений является утрата характерных местообитаний. Поэтому для сохранения таких видов необходимы изучение эколого-ценотических параметров типичных биотопов на всем протяжении ареала и выделение ключевых факторов, лимитирующих их распространение.

Gymnadenia conopsea (L.) R. Br. (*Orchidaceae*) – травянистый с пальчато-раздельным клубнем многолетний поликарпик, неклональный, долгоживущий вид [5–6]. Встречается на высоте от 200 до 4700 м над уровнем моря по всей Северной Европе, включая Англию, Ирландию, Россию, а также в умеренных и субтропических зонах стран Азии, включая Непал, Китай, Японию и Корейский полуостров [7–8].

Во многих частях ареала численность вида заметно сокращается под влиянием различного рода факторов [9–10]. В России *G. conopsea* занесен в Красные книги 40 регионов [9], в том числе и Кировской области [11] с категорией редкости – III (редкий малочисленный вид).

К настоящему времени достаточно подробно освещены результаты изучения химического состава, фармакологических свойств [12], антропоэкологии и репродуктивной биологии [13–14], молекулярно-генетических [15–17] и анатомо-физиологических особенностей *G. conopsea* [18]. Однако исследования популяционной биологии и экологии вида в пределах ареала фрагментарны [19–20]. Работы, посвященные орхидеям Кировской области, не многочисленны [21–22]. Исследования, касающиеся *G. conopsea*, единичны [23].

Цель настоящей работы состоит в изучении распространения, эколого-ценотических предпочтений и антропоэкологичности *G. conopsea* в южно-таежной подзоне в пределах Кировской области.

Материал и методы исследования

Материал для исследований собран в 2007–2019 гг. в условиях южно-таежной подзоны в пределах Кировской области (Слободской, Зуевский, Фалёнский районы). Всего изучено 8 ценопопуляций (ЦП) в различных биотопах (табл. 1). Описание исследованных растительных сообществ осуществляли в соответствии с общепринятыми геоботаническими методами и подходами [24]. Латинские названия растений приведены согласно базе данных Plants of the World Online [25].

Таблица 1

**Фитоценотическая характеристика изученных ценопопуляций
Gymnadenia conopsea (L.) R.Br. в Кировской области**

№ ЦП	Тип фитоценоза	Таксационные параметры древесного яруса	Подлесок	Травяно-кустарничковый ярус
1	Зрастающие сосной, ивой и разнотравьем отвалы старого отработанного известкового карьера	5С5И; сомкнутость крон древостоя 0,1–0,3; возраст древостоя 25 лет	<i>Salix caprea</i> , <i>Chamaecytisus ruthenicus</i> , <i>Frangula alnus</i> , <i>Sorbus aucuparia</i>	Общее проективное покрытие – 25%: <i>Pyrola rotundifolia</i> , <i>Trifolium repens</i> , <i>Calamagrostis langsdorffii</i> , <i>Orthilia secunda</i> , <i>Pimpinella saxifraga</i> , <i>Platanthera bifolia</i> , <i>Listera ovata</i> , <i>Epipactis atrorubens</i> и др.
2	Опушка сосняка бобово-разнотравного	7С2ЕОс; сомкнутость крон древостоя 0,2; возраст древостоя 35 лет	<i>Chamaecytisus ruthenicus</i> , <i>Rosa acicularis</i> , <i>Sorbus aucuparia</i>	Общее проективное покрытие – 30%: <i>Trifolium hybridum</i> , <i>Lathyrus pratensis</i> , <i>Pyrola rotundifolia</i> , <i>Trifolium repens</i> , <i>Taraxacum officinale</i> , <i>Centaurea phrygia</i> , <i>Fragaria vesca</i> , <i>Solidago virgaurea</i> , <i>Rubus saxatilis</i> , <i>Veronica longifolia</i> , <i>Medicago sativa</i> и др.
3	Поляна в сосняке костянично-бобово-травяном	7С2ЕОс; сомкнутость крон древостоя 0–0,1; возраст древостоя 30 лет		Общее проективное покрытие – 35%: <i>Trifolium hybridum</i> , <i>Rubus saxatilis</i> , <i>Centaurea phrygia</i> , <i>Galium mollugo</i> , <i>Fragaria vesca</i> , <i>Medicago falcata</i> , <i>Lathyrus pratensis</i> , <i>Leucanthemum vulgare</i> , <i>Ranunculus polyanthemus</i> , <i>Artemisia vulgaris</i> , <i>Chamaenerion angustifolium</i> , <i>Veronica longifolia</i> и др.
4	Сосняк с примесью ели и осины грушанково-разнотравный	7С2ЕОс; сомкнутость крон древостоя 0,5; возраст древостоя 35 лет	<i>Sorbus aucuparia</i> , <i>Rosa acicularis</i>	Общее проективное покрытие – 25%: <i>Platanthera bifolia</i> , <i>Galium mollugo</i> , <i>Pyrola rotundifolia</i> , <i>Epipactis atrorubens</i> , <i>Medicago sativa</i> , <i>Chamaenerion angustifolium</i> , <i>Trifolium hybridum</i> , <i>Trifolium repens</i> , <i>Centaurea phrygia</i> , <i>Leucanthemum vulgare</i> и др.
5	Разнотравно-бобово-злаковый луг		<i>Rosa majalis</i>	Общее проективное покрытие – 65%: <i>Trifolium pratense</i> , <i>Trifolium medium</i> , <i>Ranunculus acris</i> , <i>Fragaria vesca</i> , <i>Medicago sativa</i> , <i>Veronica spicata</i> , <i>Origanum vulgare</i> , <i>Bromopsis inermis</i> , <i>Phleum pratense</i> , <i>Lathyrus pratensis</i> , <i>Poa pratensis</i> , <i>Convolvulus arvensis</i> и др.

6	Разнотравный луг			Общее проективное покрытие – 75%: <i>Cirsium arvense</i> , <i>Tanacetum vulgare</i> , <i>Equisetum pratense</i> , <i>Taraxacum officinale</i> , <i>Galium mollugo</i> , <i>Achillea millefolium</i> , <i>Phleum pratense</i> , <i>Pimpinella saxifrage</i> , <i>Dactylis glomerata</i> , <i>Geranium pratense</i> , <i>Poa pratensis</i> и др.
7	Опушка сосняка заболоченного	8С2Е+Б, сомкнутость крон древостоя 0,2; возраст древостоя 60 лет	<i>Salix caprea</i>	Общее проективное покрытие – 65%: <i>Filipendula ulmaria</i> , <i>Pyrola rotundifolia</i> , <i>Calamagrostis arundinacea</i> , <i>Galium aparine</i> , <i>Cirsium palustre</i> , <i>Equisetum fluviatile</i> , <i>Anthriscus sylvestris</i> и др.
8	Разнотравно-злаковый луг			Общее проективное покрытие – 85%: <i>Festuca pratensis</i> , <i>Dactylis glomerata</i> , <i>Phleum pratense</i> , <i>Trifolium pratense</i> , <i>Hypericum maculatum</i> , <i>Pimpinella saxifraga</i> , <i>Tussilago farfara</i> , <i>Leucanthemum vulgare</i> , <i>Achillea millefolium</i> , <i>Prunella vulgaris</i> и др.

Для выявления экологических предпочтений *G. conopsea* проведена обработка геоботанических описаний по индикационным экологическим шкалам Д. Н. Цыганова [26]: Тм – термоклиматической, Кп – континентальности климата, Ом – омброклиматической аридности-гумидности, Сг – криоклиматической, Нд – увлажнения почвы, Тг – солевого режима почв, Nt – богатства почв азотом, Rc – кислотности почв, fH – переменности увлажнения, Lc – освещенности/затенения с использованием программы EcoScaleWin [27].

Экологическую валентность и толерантность вида определяли в соответствии с методикой, предложенной Л. А. Жуковой и др. [28]. Для оценки приспособленности ценопопуляции (ЦП) вида к изменению одного экологического фактора рассчитывали потенциальную экологическую валентность (PEV) по формуле:

$$PEV = (A_{\max} - A_{\min} + 1) / n, \quad (1)$$

где $A_{\max}$ и $A_{\min}$ – максимальные и минимальные значения ступеней шкалы, занятых видом, n – общее число ступеней в шкале. По результатам PEV определяли 5 фракций валентности (стено-, гемистено-, мезо-, гемизври-, эвривалентная). Реализованную экологическую валентность определяли по формуле:

$$REV = (A_{\max} - A_{\min} + 0.01) / n, \quad (2)$$

где $A_{\max}$ и $A_{\min}$ – максимальные и минимальные значения ступеней шкалы, занятые конкретными ЦП; n – общее число ступеней в шкале. Для выявления степени использования экологических потенциалов вида определяли коэффициент экологической эффективности (Кес. eff.) как отношение реализованной экологической валентности к потенциальной. Индекс толерантности (It) вида или его меру стено-эврибионтности определяли по формуле:

$$It = \sum PEV / \sum \text{шкал рассматриваемых факторов}. \quad (3)$$

Рис. 1. *Gymnadenia conopsea* (L.) R.Br. на зарастающих сосной, елью, осиной и разнотравьем отвалах старого отработанного известкового карьера

Гемеробность *G. conopsea* в растительных сообществах устанавливали по составу видов с использованием 4-балльной шкалы: 1) очень высокая чувствительность (преобладают а-, о-гемеробы); 2) высокая чувствительность (преобладают о, т-гемеробы); 3) средняя чувствительность (преобладают т, в-гемеробы); 4) низкая чувствительность (преобладают в, с, р, т-гемеробы) [29].

Статистический анализ проведен с применением программного обеспечения PAST 3.15 [30] и Microsoft Excel.

Результаты исследования и их обсуждение

Gymnadenia conopsea (рис. 1) – вид с широким фитоценоотическим ареалом. Растет на различного типа лугах (суходольных, низинных, пойменных, субальпийских), по окраинам осоково-сфагновых болот, в разреженных лесах, по опушкам и лесным полянам, в зарослях кустарников [7, 9].

В Кировской области *G. conopsea* встречается редко, по влажным полянам и опушкам хвойных и смешанных лесов, заболоченных лугах, зарослях кустарников [31].

Исследованные ЦП *G. conopsea* приурочены к ксеро-мезофильным луговым сообществам (ЦП 5, 6, 8), лесо-луговым экотонным биотопам (ЦП 2, 3, 7), лесным

фитоценозам (ЦП 4), а также техногенным участкам, замещающимся лесными сообществами (ЦП 1).

Покров травяно-кустарничкового яруса (ТКЯ) варьирует в достаточно широких пределах – от 25 до 85%. Всего в изученных местообитаниях *G. conopsea* выявлено 110 видов, в том числе 102 вида в составе ТКЯ. Видовое разнообразие ТКЯ исследуемых ЦП варьирует от 17 до 42 видов сосудистых растений.

Древостой типичных для исследуемого вида фитоценозов сформирован преимущественно *Pinus sylvestris*, в качестве примеси встречаются *Picea abies*, *Betula pendula*, *Populus tremula*. В подлеске отмечаются единичные экземпляры *Sorbus aucuparia*, *Chamaecytisus ruthenicus*, *Rosa acicularis*, *Rosa majalis*, *Salix caprea*, *Frangula alnus*.

В луговых сообществах наиболее представлены такие виды, как *Ranunculus acris*, *Cirsium arvense*, *Trifolium pratense*, *Trifolium medium*, *Taraxacum officinale*, *Festuca pratensis*, *Dactylis glomerata*, *Phleum pratense*, *Lathyrus pratensis*, *Bromopsis inermis*, *Poa pratensis*, *Geranium pratense*, *Achillea millefolium* и др.

В результате фитоиндикации исследуемых местообитаний *G. conopsea* получены экологические характеристики по десяти шкалам Д. Н. Цыганова (табл. 2., рис. 2, 3). *G. conopsea* по отношению к комплексу всех экологических факторов является мезовалентом (МВ) ($It_{\text{общее}} = 0,55$) и имеет средний уровень лабильности по отношению к рассматриваемым факторам среды.

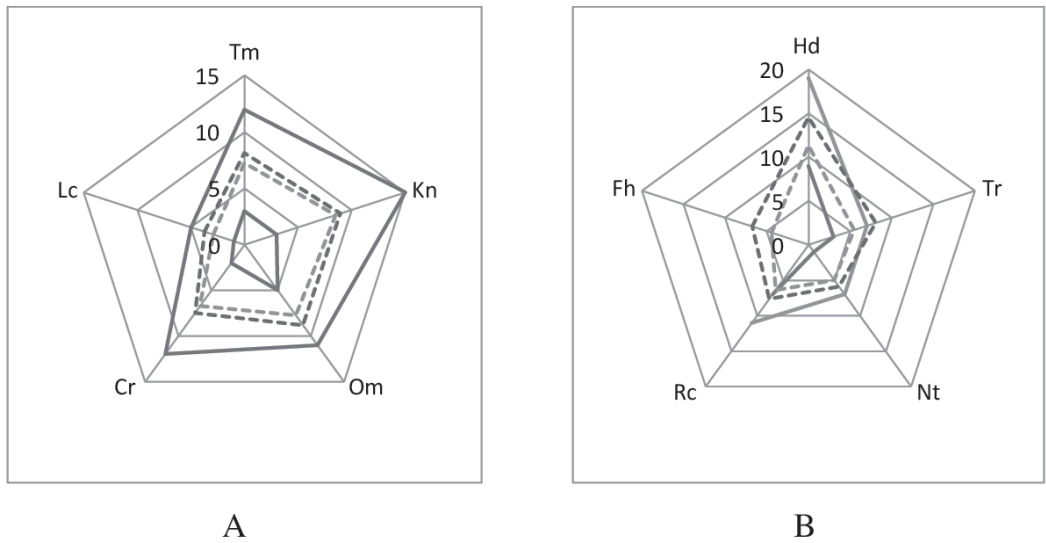
По данным различных авторов [9, 32–34], *G. conopsea* произрастает на хорошо освещенных местах, но иногда выдерживает значительное затенение (до 50% от полного освещения). Предпочитает умеренно увлажненные участки, где бывает обилён, но может расти на сухих и сырых (даже заболоченных) местах.

Таблица 2

Характеристика экологических условий местообитаний *Gymnadenia conopsea* (L.) R.Br.

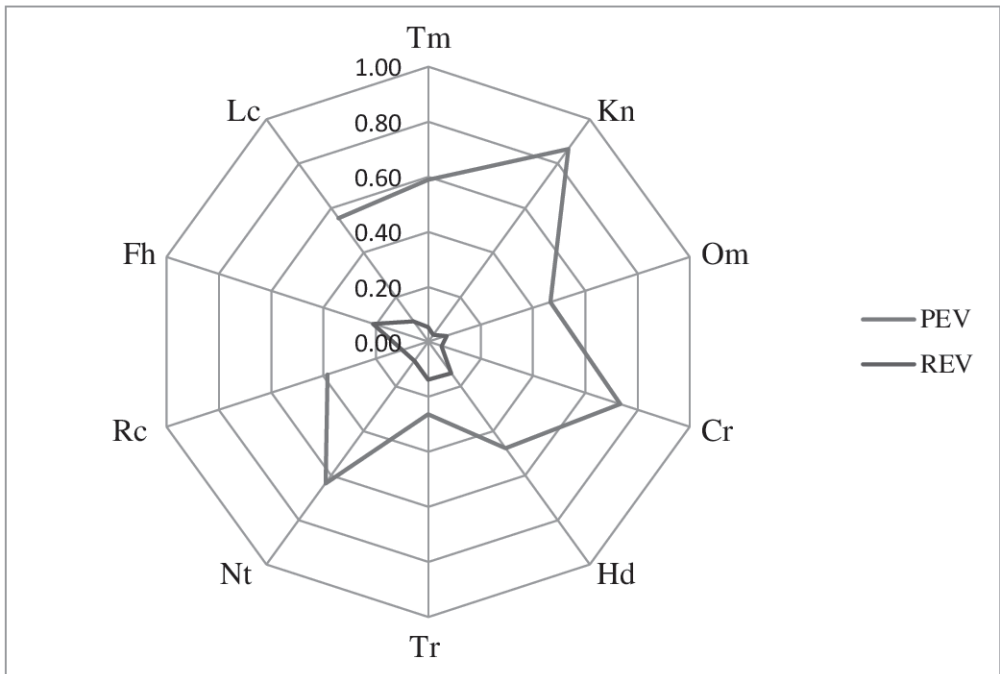
Экологические шкалы		Экологическая позиция вида по шкале фактора	PEV	Реализованная экологическая позиция изученных ЦП	REV	Кес. eff. %
Климатические шкалы	Tm	3–12	0,59	7,22–8,14	0,05	9,30
	Kn	3–15	0,87	8,50–8,95	0,03	3,54
	Om	5–11	0,47	7,76–8,81	0,07	15,14
	Cr	2–12	0,73	6,72–7,46	0,05	6,82
Почвенные шкалы	Hd	9–19	0,48	11,36–14,57	0,14	29,27
	Tr	3–7	0,26	5,47–8,07	0,14	52,20
	Nt	1–7	0,64	5,0–5,93	0,09	13,43
	Rc	7–11	0,38	6,38–7,64	0,10	25,40
	Fh	–	–	4,44–6,75	0,21	–
Шкала освещенности-затенения	Lc	1–5	0,56	2,93–3,75	0,09	16,60

Примечание: PEV – потенциальная экологическая валентность; REV – реализованная экологическая валентность; Кес. eff. – коэффициент эффективности, %; «–» – данные отсутствуют.

Рис. 2. Фрагмент экологической ниши *Gymnadenia conopsea* (L.) R.Br. в Кировской области по шкалам Д.Н. Цыганова (1983)

А – климатические шкалы и шкала освещенности-затенения; В – почвенные шкалы.
 ----- – экологическая позиция вида в изученных фитоценозах по шкалам;
 ———— – экологическая позиция вида по шкалам

Рис. 3. Потенциальная и реализованная экологические валентности изученных ценопопуляций *Gymnadenia conopsea* (L.) R.Br.

К богатству почв *G. conopsea* не требователен, может расти на довольно бедных (особенно минеральным азотом), чаще нейтральных и щелочных почвах (никогда на сильно кислых). Встречается на разных типах почв: дерновых, дерново-подзолистых, торфянисто-болотных, горно-луговых, на мелах и известняках. Избегает песчаные почвы, обычно растет на плохо аэрируемых почвах. Не боится низких температур, может расти в районах с суровым климатом.

По совокупности климатических факторов *G. conopsea* является гемизвравалентом (ГЭВ). Коэффициент экологической эффективности (Кес. eff) колеблется незначительно – от 3,54 до 15,14%.

По термоклиматическому фактору (Тм), показывающему распределение тепла, *G. conopsea* обитает в условиях суббореального типа режима (7,22–8,14 балла).

По шкале континентальности климата (Кн) потенциальные диапазоны *G. conopsea* колеблются от 3 до 15 баллов и характеризуются эвравалентной позицией. Изученные ЦП отличаются очень узким реальным диапазоном (REV=0,03) и относятся к зоне умеренно-континентального климата (субматериковый, материковый вид) с диапазоном 8,50–8,95 балла.

По омброклиматической шкале, показывающей соотношение осадков и испарения, полученные экологические амплитуды *G. conopsea* соответствуют потенциальным диапазонам Д. Н. Цыганова. Вид в пределах исследуемой территории обитает в условиях от субаридного (Om=7,76 балла) до субгумидного (Om=8,81 балла) климата.

По криоклиматической шкале (Сг), отражающей наличие и продолжительность морозных дней с низкими температурами, *G. conopsea* встречается в условиях довольно суровых зим / умеренных зим (Сг=6,72–7,46 баллов).

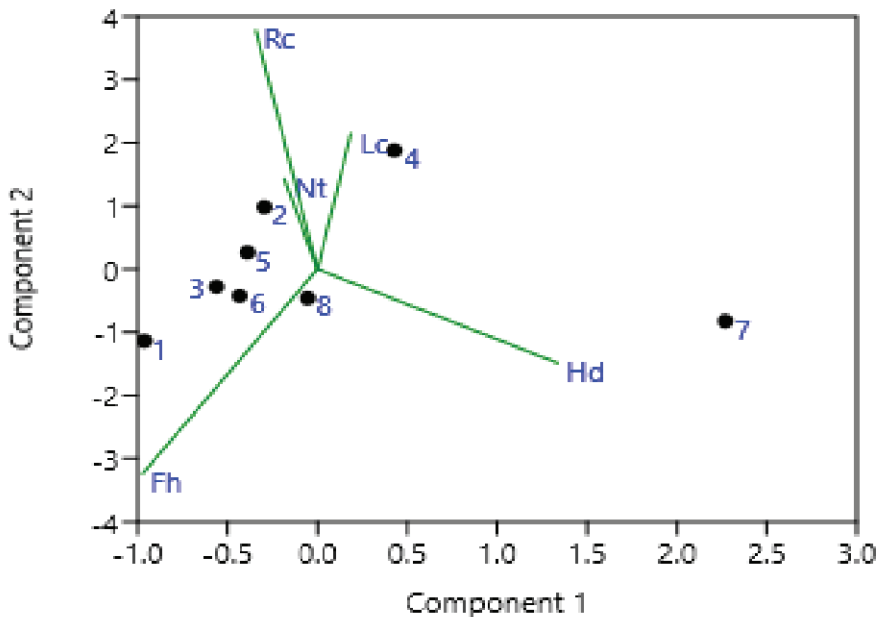
По климатическим факторам отмечены низкие значения показателей реализованной экологической валентности (REV=0,03-0,07) и коэффициента экологической эффективности (Кес. eff.=3,54–15,14%). Это указывает на то, что изученные ЦП *G. conopsea* используют очень незначительную часть потенциальной экологической амплитуды климатических шкал при достаточно широкой их потенциальной амплитуде (REV=0,47–0,87). В целом по данным факторам исследованные ЦП занимают центральную часть шкалы и находятся в пределах потенциальных диапазонов, указанных Д. Н. Цыгановым (рис. 2 А).

По отношению к комплексу почвенных факторов *G. conopsea* является гемистеновалентом (ГСВ) (It = 0,44) (табл. 2). Коэффициент экологической эффективности (Кес. eff) по данным шкалам очень сильно варьирует от 13,43 до 52,20%. По большинству почвенных шкал диапазон изученных местообитаний не выходит за потенциально возможные границы (рис. 2 В), за исключением фактора солевого режима почв.

По шкале увлажнения почвы (Нд) *G. conopsea* является мезовалентным видом. Потенциальные диапазоны исследуемого вида по этой шкале составляют от 9 до 19 баллов. Показатели реализованной экологической позиции находятся в пределах от сухолесолугового до влажно-лесолугового типов режима (11,36–14,57 балла).

По шкале солевого режима почв (Тг) *G. conopsea* является стеновалентом, что свидетельствует об ограниченном спектре возможных местообитаний по данному фактору. Потенциальные диапазоны *G. conopsea* варьируют от 3 до 7 баллов; на исследуемой территории вид встречается в диапазоне значений от 5,47 до 8,07 баллов (небогатых почв и довольно богатых почв / богатых почв). Диапазон эдафических условий по данному фактору смещен в сторону более богатых почв – на 1,07 ступени вправо. По данной шкале выявлено максимальное значение показателя коэффициента экологической эффективности (Кес. eff=52,20%).

Геометрический образ фундаментальной и реализованной экологических ниш представлен на рис. 3.

Рис. 4. Положение исследованных ценопопуляций *Gymnadenia conopsea* (L.) R.Br. в системе первых двух главных компонент (PCA – Principal Components Analysis)
 Примечание: цифры соответствуют порядковым номерам ценопопуляций в табл. 1.

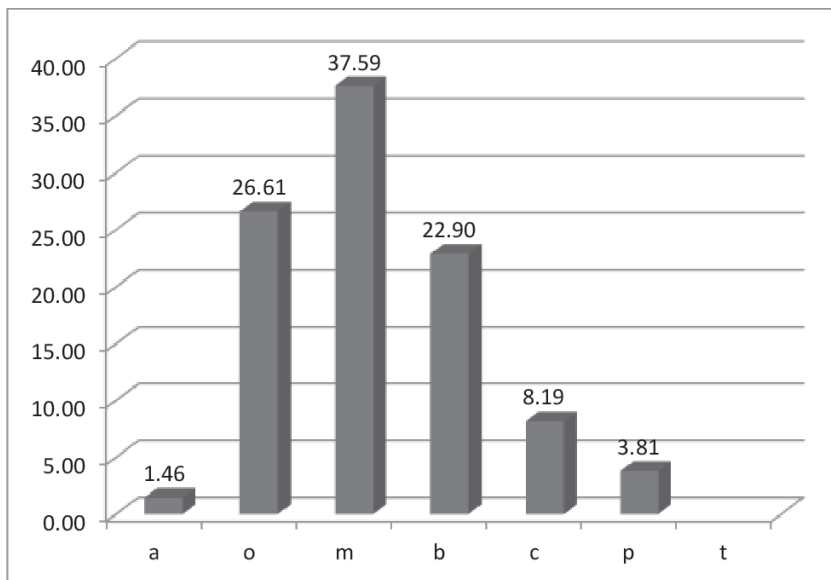
По шкале богатства почв азотом (Nt) *G. conopsea* характеризуется как гемизэввалентный вид (PEV=0,64). Реализованный диапазон составляет от 5,0 до 5,93 баллов (бедные азотом почвы). По данной шкале зарегистрировано минимальное значение коэффициента экологической эффективности (Кес. eff=13,43%).

По шкале кислотности почв (Rc) изучаемый вид относится к гемистеновалентам. Потенциальный диапазон варьирует от 7 до 11 баллов. Реализованный диапазон колеблется от кислых (6,38 балла) до слабокислых почв (7,64 балла). Полученные значения кислотности почв смещены на 0,62 балла влево, что соответствует более кислым почвам.

Данные по шкале переменности увлажнения почвы для *G. conopsea* отсутствуют. На исследуемой территории реализованная экологическая позиция находится в пределах от 4,44 до 6,75 баллов, что соответствует режимам от относительно устойчивого до слабо переменного увлажнения. По шкале переменности увлажнения почвы выявлено максимальное значение показателей реализованной экологической валентности (REV=0,21).

По шкале освещенности/затенения (Lc) значение потенциальной экологической валентности составляет 0,56 – вид мезовалентен. Реализованный диапазон занимает от 2,93 до 3,75 баллов: условия от открытых до полуоткрытых пространств. Коэффициент экологической эффективности низкий (Кес. eff=16,60%).

Результаты PCA анализа исследованных ЦП *G. conopsea* и значений эдафических параметров биотопов представлены на рис. 4. Выявлены две главные компоненты, которые берут на себя соответственно 83,72 и 7,28% общей дисперсии и определяют 91,0% дисперсии. Первая главная компонента объясняет как можно больше общей дисперсии и интерпретирована как комплексный градиент влажности (Hd). Максимально положительная факторная нагрузка на увлажнение выявлена в ЦП 7 (опушка сосняка

Рис. 5. Спектр гемеробии сообществ с *Gymnadenia conopsea* (L.) R.Br. в Кировской области

Примечание: по оси абсцисс – уровни гемеробии (a – агемеробные виды; o – олигогемеробные виды; m – мезогемеробные виды; b – эугемеробные виды; c – эугемеробные виды; p – полигемеробные виды; t – метагемеробные виды); по оси ординат доля a-o-m-b-c-p-t – гемеробии, %.

заболоченного) – 2,27; максимально отрицательная – ЦП 1 (отвал старого отработанного известкового карьера) – 0,97. Вторая компонента интерпретирована как переменность увлажнения почвы (Fh). Максимально положительная нагрузка данного фактора установлена в ЦП 2, изученной на опушке сосняка бобово-разнотравного (1,90). Максимально отрицательная факторная нагрузка выявлена в ЦП 8 – 1,22, описанной в условиях разнотравно-злакового лугового фитоценоза.

Проведенный анализ экологических параметров исследуемых местообитаний показал, что в условиях рассматриваемого экоареала вида наиболее важную роль для *G. conopsea* играют факторы увлажнения и переменности увлажнения почвы.

Для оценки антропоустойчивости *G. conopsea* использовали показатель гемеробии (рис. 5). Растительные сообщества с участием *G. conopsea* представлены преимущественно мезогемеробными видами – 37,59%, т. е. видами полуестественных сообществ, устойчивых к экстенсивным влияниям. Достаточно высокий процент занимают эугемеробные виды – 22,90%. Это, преимущественно виды далеких от естественных сообществ, устойчивых к интенсивному использованию. Около 27% составляют олигогемеробы – виды сообществ, близких к естественным и полуестественным: *Campanula patula*, *Senecio jacobaea*, *Hypericum maculatum*, *Coronaria flos-cuculi*, *Vaccinium myrtillus*, *V. vitis-idaea*, *Maianthemum bifolium*, *Trientalis europaea*, *Luzula pilosa*, *Rubus saxatilis*.

На долю участия сорных видов природных и антропогенных сообществ, переносящих регулярные сильные нарушения, приходится 8,19% (с – эугемеробные виды); доля специализированных сорных видов интенсивных культур составляет 3,81% (р – полигемеробные виды). Наименьший процент приходится на агемеробы – виды естественных сообществ, не выносящих антропогенного влияния (1,46%). Во всех изученных фитоценозах метагемеробные виды (виды полностью нарушенных экосистем) не выявлены.

В спектре гемеробии сообществ с *G. conopsea* доминируют антропофобные виды (m-гемеробы): от 34,43 до 41,86%. Доля антропотолерантных видов достаточно высокая и варьирует от 24,59 до 44,62%, в среднем составляя 34,89%. Широкий диапазон антропотолерантности *G. conopsea* отмечает и И. В. Суюндуков [35], относя вид к относительно устойчивым.

Заключение

В условиях таёжной зоны в пределах Кировской области местообитания *G. conopsea* характеризуются широким спектром типов: ксеро-мезофильные луговые сообщества, опушечные фитоценозы лесо-лугового типа, лесные сообщества из *Pinus sylvestris*. По отношению к комплексу всех экологических шкал Д. Н. Цыганова *G. conopsea* относится к мезобионтным видам (It=0,55) и имеет средний уровень лабильности по отношению к рассматриваемым факторам среды. По криоклиматической шкале, по шкале континентальности вид эвривалентен; по термоклиматическому фактору и шкале богатства почв азотом *G. conopsea* характеризуется как гемизэвривалент; по омброклиматической шкале и по шкале освещенности/затенения – мезовалент; по шкале кислотности почв изучаемый вид является гемистеновалентом. Только по шкале солевого режима почв *G. conopsea* относится к стеновалентам, что свидетельствует о весьма ограниченном диапазоне возможных местообитаний по данному фактору. Для *G. conopsea* полученные результаты позволяют расширить на 0,62 ступени влево шкалу кислотности почв и на 1,07 ступени вправо шкалу солевого режима. По остальным шкалам значения экологического пространства изученных ЦП укладываются в диапазоны, приводимые Д. Н. Цыгановым для данного вида. В пределах рассматриваемого фрагмента распространения эдафические условия *G. conopsea* по шкале увлажнения почв соответствуют режимам от сухолесолугового до влажно-лесолугового; по фактору солевого режима почв – от небогатых до богатых почв; кислотности почв – от кислых до слабокислых почв; богатства почв азотом – бедным азотом почвам; переменности увлажнения – почвам с относительно устойчивым и слабо переменным увлажнением. Определяющими параметрами экоареала для *G. conopsea* являются факторы увлажнения и переменности увлажнения почвы. Растительные сообщества с участием *G. conopsea* представлены преимущественно видами с высокой чувствительностью к антропогенному воздействию. Доля антропотолерантных видов достаточно высокая – 34,89%, что свидетельствует об относительной устойчивости вида.

Литература

1. Конвенция о биологическом разнообразии. ЮНЕП. – № 92-7809. Рио-де Жанейро. – 1992. – С. 31.
2. A sustainable Future for Europe; the European Strategy for Plant Conservation 2008–2014. – Planta Europa. – 2008. – 64 p.
3. Распоряжение Правительства РФ от 17 февраля 2014 г. N 212-р «О Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 г.» – URL: consultant.ru (дата обращения 21.01.2021)
4. Ефимов П. Г. Сохранение орхидных (Orchidaceae Juss.) как одна из задач охраны биоразнообразия // Междисциплинарный научный и прикладной журнал «Биосфера». Естественные науки. – Изд-во Фонд научных исследований «XXI век» (Санкт-Петербург). – 2010. – Т. 2. – № 1. – С. 50–58.
5. Вахрамеева М. Г., Виноградова И. О, Татаренко И. В., Цепляева О. В. Кокушник комарниковый. Биологическая флора Московской области. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – № 9. – С. 51–64.
6. Øien D-I, Moen A. Flowering and survival of *Dactylorhiza lapponica* and *Gymnadenia conopsea* in the Sølendet Nature Reserve, Central Norway. In: Kindlmann P, Willems JH, Whigham DF, eds. Trends and fluctuations and underlying mechanisms in terrestrial orchid populations. – Leiden, the Netherlands: Backhuys Publishers. – 2002. – P. 3–22.
7. Смольянинова Л. А. *Orchidaceae* // Флора европейской части. – Л.: Наука, 1976. – Т. 2. – С. 10–59.

8. Hulten E., Fries M. Atlas of north European vascular plants (North of the Tropic of Cancer). – Vols. I-III. – Königstein, Germany: Koeltz Scientific Books. – 1986.
9. Вахрамеева М. Г., Варлыгина Т. И., Татаренко И. В. Орхидные России (биология, экология и охрана). – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014. – 437 с.
10. Kettunen T., Uotila P. Morphological variation and a new variety of *Gymnadenia conopsea* (Orchidaceae) in Finland // Memoranda Soc. Fauna Flora Fennica 95. – 2019. – P. 89–99.
11. Красная книга Кировской области: Животные, растения, грибы. – Киров: ООО Кировская областная типография, 2014. – 336 с.
12. Shang X., Guo X., Liu Y., Pan H., Miao X. and Zhang J. *Gymnadenia conopsea* (L.) R. Br.: A Systemic Review of the Ethnobotany, Phytochemistry, and Pharmacology of an Important Asian Folk Medicine. Front. Pharmacol. – 2017. – Vol. 8. – № 24. – P. 1–17. doi: 10.3389/fphar.2017.00024
13. Кириллова И. А., Кириллов Д. В. Особенности репродуктивной биологии *Gymnadenia conopsea* (L.) R. Br. (Orchidaceae) на северной границе ареала // Сибирский экологический журнал. – 2015. – № 4. – С. 617–629. DOI: 10.15372/SEJ20150413
14. Chapurlat E., Agren J., Anderson J., Friberg M., Sletvold N. Conflicting selection on floral scent emission in the orchid *Gymnadenia conopsea* // New Phytologist. – 2019. – № 222. – P. 2009–2022. doi: 10.1111/nph.15747
15. Marhold K., Jongepierova I., Krahulcova A. & Kučera J. Morphological and karyological differentiation of *Gymnadenia densiflora* and *G. conopsea* in the Czech Republic and Slovakia. – Preslia, Praha, 77. – 2005. – P. 159–176.
16. Ефимов П. Г. Криптические виды кокушников (*Gymnadenia*: Orchidaceae, Magnoliophyta) России // Генетика. – 2013. – Т. 49. – № 3. – С. 343–354. DOI: 10.7868/S0016675813020045
17. Тетерюк Л. В., Пылина Я. И., Шадрин Д. М., Чадин И. Ф., Валуевских О. Е. Генетическая дифференциация *Gymnadenia conopsea* (Orchidaceae) на известняках Европейского Северо-Востока России // Охрана и культивирование орхидей: материалы X Международной научно-практической конференции (1-5 июня 2015 г. Минск, Беларусь). – Минск: А. Н. Варакин, 2015. – С. 240–243.
18. Лушникова Т. А. Некоторые анатомические и физиологические особенности клубневых орхидей *Gymnadenia conopsea* и *Platanthera bifolia* в условиях Южного Зауралья // Вестник КГУ. Серия «Естественные науки». – 2015. – № 4. – Вып. 8. – С. 28–31.
19. Вахрушева Л. П., Патлис М. В. Характеристика современного состояния ценопопуляции *Gymnadenia conopsea* на Долгоруковской Яйле (Крым) // Экосистемы, их оптимизация и охрана. – 2012. – Вып. 7. – С. 217–222.
20. Барлыбаева М. Ш., Ишмуратова М. М. Особенности биологии, мониторинг состояния ценопопуляций *Gymnadenia conopsea* (L.) R. Br. (Orchidaceae) в Южно-Уральском заповеднике // Труды Южно-Уральского государственного природного заповедника. – 2014. – Вып. 2. – С. 16–27.
21. Чупракова Е. И., Савиных Н. П. Структура особей *Calypso bulbosa* (L.) Oakes и *Epipactis palustris* (L.) Crantz с позиции модульной организации // Ярославский педагогический вестник. Естественные науки. – 2012. – № 4. – Т. 3. – С. 97–102.
22. Егорова Н. Ю., Сулейманова В. Н. Оценка состояния ценопопуляций *Cypripedium calceolus* L. на выходах известняковых пород по склонам долины реки Вятка // Вестник Томского государственного университета. Биология. – 2019. – № 47. – С. 40–58. Doi: 10.17223/19988591/47/3.
23. Егорова Н. Ю., Сулейманова В. Н., Егошина Т. Л. *Gymnadenia conopsea* (L.) R. Br. на выходах известняковых пород по склонам долины р. Вятки. Проблемы ботаники Южной Сибири и Монголии». – 2019. – № 18. – С. 485–488. Doi: 10.14258/pbssm.2019101
24. Методы изучения лесных сообществ. – СПб.: НИИХимии СПбГУ, 2002. – 240 с.
25. Plantarium. Open on-line atlas and key to plants and lichens of Russia and neighbouring countries. 2020. <https://www.plantarium.ru/page/view/item/12398.html>
26. Цыганов Д. Н. Фитоиндикация режимов в подзоне хвойно-широколиственных лесов. – М.: Наука. – 1983. – 198 с.
27. Компьютерная обработка геоботанических описаний по экологическим шкалам с помощью программы EcoScaleWin. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, Пущинский гос. ун-т. – 2008. – 96 с.

28. Жукова Л. А., Дорогова Ю. А., Турмухаметова Н. В., Гаврилова М. Н., Полянская Т. А. Экологические шкалы и методы анализа экологического разнообразия растений. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2010. – 368 с.
29. Frank D., Klotz S. Biologisch-okologisch Daten zur Flora der DDR. – Halle (Saale), 1990. – 167 p.
30. Hammer, Ø., Harper, D.A.T., Ryan, P.D. 2001. PAST: Paleontological statistics software package for education and data analysis // *Palaeontologia Electronica*. – 2001. – Vol. 4. – № 1. – 9 p.
31. Тарасова Е. М. «Флора Вятского края. Часть 1. Сосудистые растения». – Киров: ОАО Кировская областная типография, 2007. – 440 с.
32. Landolt E. Okologische Zeigerwerte zur Schweizer Flora. Veroff. Geob. Inst. ETH. – 1977. – H.64. – 211 p.
33. Раменский Л. Г. Цаценкин И. А., Чижииков О. Н., Антипин Н. А. Экологическая оценка кормовых угодий по растительному покрову. – М.: Сельхозгиз, 1956. – 472 с.
34. Ellenberg H. Zeigerwerte der Gefasspflanzen Mitteleuropas. Göttingen. – 1974. – 97 p.
35. Суюндуков И. В. Устойчивость некоторых видов семейства *Orchidaceae* к антропогенным воздействиям на Южном Урале // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. – 2011. – Т. 13. – № 5 (3). – С. 108-112.

References

1. Konvencija o biologičeskom raznoobrazii. YUNEP. – № 92-7809. Rio-de Zhaneiro. – 1992. – S. 31.
2. A sustainable Future for Europe; the European Strategy for Plant Conservation 2008–2014. – *Planta Europa*. – 2008. – 64 p.
3. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 17 fevralya 2014 g. N 212-r «O Strategii sohraneniya redkih i nahodyashchihysya pod ugrozoi ischeznoveniya vidov zhivotnyh, rastenij i gribov v Rossijskoj Federacii na period do 2030 g.» – URL: consultant.ru (data obrashcheniya 21.01.2021)
4. Efimov P. G. Sohranenie orhidnyh (*Orchidaceae* Juss.) kak odna iz zadach ohrany bioraznoobraziya // *Mezhdisciplinarnyj nauchnyj i prikladnoj zhurnal «Biosfera». Estestvennye nauki*. – Izd-vo Fond nauchnyh issledovanij «XXI vek» (Sankt-Peterburg). – 2010. – Т. 2. – № 1. – S. 50–58.
5. Vahrameeva M. G., Vinogradova I. O., Tatarenko I. V., Ceplyaeva O. V. Kokushnik komarnikovyy. *Biologicheskaya flora Moskovskoj oblasti*. – М.: Izd-vo MGU, 1993. – № 9. – S. 51–64.
6. Øien D-I, Moen A. Flowering and survival of *Dactylorhiza lapponica* and *Gymnadenia conopsea* in the Sølendet Nature Reserve, Central Norway. In: Kindlmann P, Willems JH, Whigham DF, eds. *Trends and fluctuations and underlying mechanisms in terrestrial orchid populations*. – Leiden, the Netherlands: Backhuys Publishers. – 2002. – P. 3–22.
7. Smol'yaninova L. A. *Orchidaceae* // *Flora evropejskoj chasti*. – L.: Nauka, 1976. – Т. 2. – S. 10–59.
8. Hulten E., Fries M. *Atlas of north European vascular plants (North of the Tropic of Cancer)*. – Vols. I-III. – Königstein, Germany: Koeltz Scientific Books. – 1986.
9. Vahrameeva M. G., Varlygina T. I., Tatarenko I. V. *Orhidnye Rossii (biologiya, ekologiya i ohrana)*. – М.: Tovarišchestvo nauchnyh izdanij KMK, 2014. – 437 s.
10. Kettunen T., Uotila P. Morphological variation and a new variety of *Gymnadenia conopsea* (*Orchidaceae*) in Finland // *Memoranda Soc. Fauna Flora Fennica* 95. – 2019. – P. 89–99.
11. *Krasnaya kniga Kirovskoj oblasti: Zhivotnye, rasteniya, griby*. – Киров: ООО Кировская областная типография, 2014. – 336 s.
12. Shang X., Guo X., Liu Y., Pan H., Miao X. and Zhang J. *Gymnadenia conopsea* (L.) R. Br.: A Systemic Review of the Ethnobotany, Phytochemistry, and Pharmacology of an Important Asian Folk Medicine. *Front. Pharmacol.* – 2017. – Vol. 8. – № 24. – P. 1–17. doi: 10.3389/fphar.2017.00024
13. Kirillova I. A., Kirillov D. V. Osobennosti reproduktivnoj biologii *Gymnadenia conopsea* (L.) R. Br. (*Orchidaceae*) na severnoj granice areala // *Sibirskij ekologičeskij zhurnal*. – 2015. – № 4. – S. 617–629. DOI: 10.15372/SEJ20150413
14. Chapurlat E., Agren J., Anderson J., Friberg M., Sletvold N. Conflicting selection on floral scent emission in the orchid *Gymnadenia conopsea* // *New Phytologist*. – 2019. – № 222. – P. 2009–2022. doi: 10.1111/nph.15747

15. Marhold K., Jongepierova I., Krahulcova A. & Kučera J. Morphological and karyological differentiation of *Gymnadenia densiflora* and *G. conopsea* in the Czech Republic and Slovakia. – *Preslia*, Praha, 77. – 2005. – P. 159–176.
16. Efimov P. G. Kripticheskie vidy kokushnikov (*Gymnadenia*: Orchidaceae, Magnoliophyta) Rossii // *Genetika*. – 2013. – Т. 49. – № 3. – S. 343–354. DOI: 10.7868/S0016675813020045
17. Teteryuk L. V., Pylina Ya. I., Shadrin D. M., Chadin I. F., Valujskih O. E. Geneticheskaya differenciaciya *Gymnadenia conopsea* (Orchidaceae) na izvestnyakah Evropejskogo Severo-Vostoka Rossii // *Ohrana i kul'tivirovanie orhidej: materialy H Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (1-5 iyunya 2015 g. Minsk, Belarus')*. – Minsk: A. N. Varaksin, 2015. – S. 240–243.
18. Lushnikova T. A. Nekotorye anatomicheskie i fiziologicheskie osobennosti klubnykh orhidej *Gymnadenia conopsea* i *Platanthera bifolia* v usloviyah Yuzhnogo Zaural'ya // *Vestnik KGU. Seriya «Estestvennye nauki»*. – 2015. – № 4. – Vyp. 8. – S. 28–31.
19. Vahrusheva L. P., Patlis M. V. Harakteristika sovremennogo sostoyaniya cenopopulyacii *Gymnadenia conopsea* na Dolgorukovskoj Yajle (Krym) // *Ekosistemy, ih optimizaciya i ohrana*. – 2012. – Vyp. 7. – S. 217–222.
20. Barlybaeva M. Sh., Ishmuratova M. M. Osobennosti biologii, monitoring sostoyaniya cenopopulyacij *Gymnadenia conopsea* (L.) R. Br. (Orchidaceae) v Yuzhno-Ural'skom zapovednike // *Trudy Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo prirodnogo zapovednika*. – 2014. – Vyp. 2. – S. 16–27.
21. Chuprakova E. I., Savinyh N. P. Struktura osobej *Calypso bulbosa* (L.) Oakes i *Epipactis palustris* (L.) Crantz s pozicii modul'noj organizacii // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Estestvennye nauki*. – 2012. – № 4. – Т. 3. – S. 97–102.
22. Egorova N. Yu., Sulejmanova V. N. Ocenka sostoyaniya cenopopulyacij *Cypripedium calceolus* L. na vyhodah izvestnyakovykh porod po sklonam doliny reki Vyatka // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya*. – 2019. – № 47. – S. 40–58. Doi: 10.17223/19988591/47/3.
23. Egorova N. Yu., Sulejmanova V. N., Egoshina T. L. *Gymnadenia conopsea* (L.) R. Br. na vyhodah izvestnyakovykh porod po sklonam doliny r. Vyatki. *Problemy botaniki Yuzhnoj Sibiri i Mongolii*. – 2019. – № 18. – S. 485–488. Doi: 10.14258/pbssm.2019101
24. *Metody izucheniya lesnykh soobshchestv*. – SPb.: NIIHimii SPbGU, 2002. – 240 s.
25. Plantarium. Open on-line atlas and key to plants and lichens of Russia and neighbouring countries. 2020. <https://www.plantarium.ru/page/view/item/12398.html>
26. Cyganov D. N. Fitoindikaciya rezhimov v podzone hvojno-shirokolistvennykh lesov. – M.: Nauka. – 1983. – 198 s.
27. Komp'yuternaya obrabotka geobotanicheskikh opisaniy po ekologicheskim shkalam s pomoshch'yu programmy EcoScaleWin. – Joshkar-Ola: Mar. gos. un-t, Pushchinskij gos. un-t. – 2008. – 96 s.
28. Zhukova L. A., Dorogova Yu. A., Turmuhametova N. V., Gavrilova M. N., Polyanskaya T. A. *Ekologicheskie shkaly i metody analiza ekologicheskogo raznoobraziya rastenij*. – Joshkar-Ola: MarGU, 2010. – 368 s.
29. Frank D., Klotz S. *Biologisch-okologisch Daten zur Flora der DDR*. – Halle (Saale), 1990. – 167 p.
30. Hammer, Ø., Harper, D.A.T., Ryan, P.D. 2001. PAST: Paleontological statistics software package for education and data analysis // *Palaeontologia Electronica*. – 2001. – Vol. 4. – № 1. – 9 p.
31. Tarasova E. M. «Flora Vyatskogo kraja. Chast' 1. Sosudistye rasteniya». – Kirov: OAO Kirovskaya oblastnaya tipografiya, 2007. – 440 s.
32. Landolt E. *Okologische Zeigerwerte zur Schweizer Flora*. Veroff. Geob. Inst. ETH. – 1977. – H.64. – 211 p.
33. Ramenskij L. G. Cacenkin I. A., Chizhikov O. N., Antipin N. A. *Ekologicheskaya ocenka kormovykh udogij po rastitel'nomu pokrovu*. – M.: Sel'hozgiz, 1956. – 472 s.
34. Ellenberg H. *Zeigerwerte der Gefasspflanzen Mitteleuropas*. Gottingen. – 1974. – 97 p.
35. Suyundukov I. V. Ustojchivost' nekotorykh vidov semejstva Orchidaceae k antropogennym vozdeystviyam na Yuzhnom Urale // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. – 2011. – Т. 13. – № 5 (3). – S. 108–112.

УДК 595.421:599.32+599.36/.38

В. П. Стариков, Т. М. Старикова

Видовой состав и распространение иксодовых клещей (Parasitiformes, Ixodidae) в Курганской области

Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия

Аннотация. Исследования, проведённые в XX в. академиком Е. Н. Павловским и его многочисленными учениками, доказали большое значение иксодовых клещей не только как переносчиков, но и как длительных хранителей возбудителей ряда опасных инфекций человека и домашних животных. Поэтому представляет определенный интерес изучение видового состава, распределения этих паразитических членистоногих конкретной территории, некоторых особенностей экологии клещей в районах, слабо затронутых прежде исследованиями подобного рода. Иксодовые клещи Курганской области в фаунистическом отношении являются недостаточно изученной группой паразитических членистоногих. Настоящая работа предпринята с целью обобщить имеющиеся данные по иксодовым клещам Курганской области. В задачи входило уточнение видового состава иксодовых клещей, их географического распределения по территории области, выявление основных хозяев-прокормителей. Учёт преимагинальных фаз иксодовых клещей осуществляли по общепринятым методикам – путём очёсывания зверьков и осмотра внутренних сторон мешочков, куда индивидуально помещали мелких млекопитающих. Всего паразитологической оценке подвергнуто 25 видов мелких млекопитающих, с которых снято 733 личинки и нимфы иксодид. Широко по территории Курганской области встречаются *Ixodes persulcatus*, *Ixodes apronophorus*, *Dermacentor reticulatus* и *Dermacentor marginatus*. Из них наибольший круг хозяев-прокормителей имеют *Ixodes persulcatus* и *Dermacentor reticulatus*. В исследуемый период основными прокормителями иксодовых клещей в Курганской области были обыкновенная и тундрная бурозубки, лесная мышовка, красная и узкочерепная полевки. Преимущественно по югу Курганской области распространен клещ *Dermacentor silvarum*. Очень редок клещ *Ixodes trianguliceps*, зарегистрированный лишь однажды. Клещи *Ixodes ricinus* (имаго) сняты преимущественно с домашних животных. Фауна иксодид Курганской области может быть пополнена за счёт находок *Ixodes lividus* и *Ixodes crenulatus*. Хозяева-прокормители (береговая ласточка *Riparia riparia* Linnaeus, 1758, рыжеватый суслик *Spermophilus major* Pallas, 1779, краснощекий суслик *Spermophilus erythrogenys* Brandt, 1841, байбак *Marmota bobak* Müller, 1776, корсак *Vulpes corsac* Linnaeus, 1768, обыкновенная лисица *Vulpes vulpes* Linnaeus, 1758, азиатский барсук *Meles leucurus* Hodgson, 1847, степной хорь *Mustela eversmanii* Lesson, 1827) этих клещей сравнительно широко распространены в Курганской области.

СТАРИКОВ Владимир Павлович – д. б. н., профессор кафедры биологии и биотехнологии Сургутского государственного университета.

E-mail: vp_starikov@mail.ru

STARIKOV Vladimir Pavlovich – doctor of biological sciences, professor, Department of Biology and Biotechnology, Surgut State University.

СТАРИКОВА Татьяна Михайловна – к. п. н., доцент кафедры биологии и биотехнологии Сургутского государственного университета.

STARIKOVA Tat'iana Mikhailovna – candidate of pedagogical sciences, associate professor, Department of Biology and Biotechnology, Surgut State University.

Ключевые слова: иксодовые клещи, видовой и доминирующий состав, распространение, мелкие млекопитающие, хозяева-прокормители, Южное Зауралье, Курганская область.

DOI 10.25587/b9109-8666-3535-u

V. P. Starikov, T. M. Starikova

Species composition and distribution of ixodid ticks (Parasitiformes, Ixodidae) in the Kurgan oblast

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. Numerous works carried out in the XX century by Academician E. N. Pavlovsky and his numerous pupils proved the great importance of ixodid ticks not only as carriers, but also as long-term keepers of pathogens of a number of extremely dangerous infections of humans and domestic animals. Therefore, it is of some interest to study the composition, distribution of these parasitic arthropods in a particular territory, some peculiarities of tick ecology in areas that have been weakly affected before by studies of this kind. Ixodid ticks of Kurgan oblast in faunistic respect insufficiently studied group of parasitic arthropods. This work has been undertaken with the purpose of summarizing the available data on ixodid ticks in the Kurgan oblast. The goals included specification of species composition of ixodid ticks, their geographical distribution on the territory of the Kurgan oblast, identification of the main hosts-feeders. The accounting of the preimaginal phases of ixodid ticks was carried out according to generally accepted methods - by brushing animals and examining the inner sides of the bags, where small mammals were individually placed. In total, 25 species of small mammals were subjected to parasitological evaluation, from which 733 larvae and nymphs ixodid ticks were removed. *Ixodes persulcatus*, *Ixodes apronophorus*, *Dermacentor reticulatus* and *Dermacentor marginatus* are found widely throughout the territory of the Kurgan oblast. Of these, the largest ranges of hosts have *Ixodes persulcatus* and *Dermacentor reticulatus*. In the study period, the main feeders of ixodid ticks in the Kurgan oblast were common and tundra shrews, northern birch mouse, northern red-backed vole and narrow-headed vole. The *Dermacentor silvarum* is prevalent mainly in the south of the Kurgan oblast. Very rare *Ixodes trianguliceps*, registered only once. *Ixodes ricinus* (imago) were removed mainly from domestic animals. The fauna of ixodids of the Kurgan oblast can be replenished by the finds of *Ixodes lividus* and *Ixodes crenulatus*. Host-feeders these ticks are relatively widespread in the Kurgan oblast (sand martin *Riparia riparia* Linnaeus, 1758, Russet ground squirrel *Spermophilus major* Pallas, 1779, red-cheeked ground squirrel *Spermophilus erythrogenys* Brandt, 1841, bobak marmot *Marmota bobak* Müller, 1776, corsac fox *Vulpes corsac* Linnaeus, 1768, red fox *Vulpes vulpes* Linnaeus, 1758, Asian badger *Meles leucurus* Hodgson, 1847, steppe polecat *Mustela eversmanii* Lesson, 1827).

Keywords: ixodid ticks, species composition, predominant composition, distribution, small mammals, host-feeders, the South Trans-Ural region, Kurgan oblast.

Введение

Иксодовые клещи – одна из важнейших групп паразитических членистоногих. Многие из них участвуют в хранении и передаче возбудителей ряда природноочаговых инфекций, в том числе микст-инфекций [1-3]. Это облигатные временные эктопаразиты с длительным питанием. Паразитируют на млекопитающих, птицах, пресмыкающихся и в единичных случаях на земноводных [4]. В Западной Сибири обнаружен ряд заболеваний, связанных с иксодовыми клещами. К их числу относятся: клещевой энцефалит, болезнь Лайма, омская геморрагическая лихорадка, туляремия, клещевой сыпной тиф Северной Азии, лихорадка Ку, бруцеллёз, ящур, пироплазмоз, нутталиоз, эризипелоид, листериоз, лептоспироз [5–7]. В той или иной степени эти заболевания регистрируются и на территории Курганской области [8]. Отсюда возникает необходимость располагать информацией о современном видовом составе этих паразитических членистоногих, распространении клещей по территории области и некоторых других особенностях их биологии.

Иксодовые клещи Западной Сибири изучены сравнительно полно и всесторонне. Это касается большинства отдельных её субъектов [7, 9–21], а также территории в целом [22–28]. Анализ указанных источников позволяет заключить, что 12 видов – *Ixodes apronophorus* Schulze, 1924, *Ixodes persulcatus* Schulze, 1930, *Ixodes crenulatus* Koch, 1844, *Ixodes lividus* Leach, 1915, *Ixodes pavlovskyi* Pomerantzev, 1946, *Ixodes trianguliceps* Birula, 1895, *Haemaphysalis concinna* Koch, 1844, *Haemaphysalis pospelovashstromae* Hoogstraal, 1966, *Dermacentor reticulatus* (Fabricius, 1794), *Dermacentor marginatus* (Sulzer, 1776), *Dermacentor nuttalli* Olenov, 1928, *Dermacentor silvarum* Olenov, 1931 – можно рассматривать как элементы местной фауны. В то же время имеются и завозные, заносные формы, не образующие стойких популяций.

В юго-западной части Западной Сибири (Курганская область) состояние изученности этой группы паразитических членистоногих уступает многим субъектам Российской Федерации, расположенным в Западной Сибири и это, несмотря на то, что первые сведения по иксодовым клещам получены, когда современная Курганская область была ещё частью Челябинской области. А. В. Кочетков [29] в Южном Зауралье исследовал заклещевлённость сельскохозяйственных животных и в частности изучал пироплазмоз домашних животных. В фаунистическом отношении итог этих исследований – установление трёх видов иксодовых клещей для данной территории – *I. persulcatus*, *D. marginatus* и *D. silvarum*. Кроме указанных иксодовых клещей А. В. Кочетков приводил сведения ещё по двум видам – *Rhipicephalus bursa* Canestrini et Fanzago, 1877 и *Hyalomma volgense* = *H. sculense* Schulze, 1919. Однако, по мнению редактора этой статьи, автор имел дело с единичными заносными экземплярами. Уже после разукрупнения Челябинской области (1943 г.) и образования Курганской области изучение иксодовых клещей в Тоболо-Ишимском междуречье выполнено Л. А. Гибет и Л. П. Никифоровым [30]. Основные исследования авторами были проведены в районе станции Макушино (южная полоса подзоны лесостепи степной зоны). Здесь на мелких млекопитающих зарегистрировано три вида иксодид – *I. apronophorus*, *Dermacentor pictus* Hermann, 1804 (по современной трактовке – *Dermacentor reticulatus* Fabricius, 1794) и *D. marginatus*. Более 80% в сборах иксодовых клещей приходилось на последний вид. Этими же авторами был учтён клещ *Ixodes ricinus* (Linnaeus, 1758) (по одному экземпляру с людей и собак). По характеру географического распространения *I. ricinus* относится к средиземноморско-европейским формам [31]. Также в 1950-х гг. М. Я. Марвин [32] указывал, что в лесных районах Урала и лесостепного Зауралья с 15 видов млекопитающих им зарегистрировано четыре вида иксодовых клещей, в том числе 826 экземпляров *I. ricinus* (обнаружены на лошадях, коровах и телятах). Находки представителей этого вида на Южном Урале отмечали П. И. Христиановский с соавторами [33]. В работе

Н. А. Филипповой [34] на рис. 1 чётко обозначено наличие *I. ricinus* в Исетско-Миасском, Тоболо-Миасском и Тоболо-Ишимском междуречьях (Курганская область).

В 1960–1980-е гг. изучением паразитических членистоногих занимались сотрудники Курганской областной санитарно-эпидемиологической станции Г. Е. Логиновский [35–38] и А. В. Новикова [39]. На территории Курганской области они отмечали по 3–4 вида иксодовых клещей (*I. persulcatus*, *I. apronophorus*, *D. pictus* и *D. marginatus*). В сферу научных интересов указанных зоологов входило также изучение распространения клещей по территории области, сезонного хода активности некоторых из них, их экологии.

Наши исследования иксодовых клещей мелких млекопитающих Курганской области проведены в 1980–1990-е гг. [40–43]. Подавляющая часть публикаций за некоторым исключением носила тезисный характер либо характеризовала комплекс эктопаразитов отдельных видов мелких млекопитающих. В представленной работе с учётом предыдущих исследований коллег и наших данных поставлена цель обобщить материал по иксодовым клещам Курганской области. В работе приводится современный видовой состав этой группы паразитических членистоногих, указаны особенности их распространения по территории области, приуроченность к определенному виду хозяина-прокормителя, перспективы нахождения новых для Курганской области видов.

Территория исследования (Курганская область) характеризуется следующим. Область простирается в пределах между 54–57° с. ш. и 61–69° в. д., на западе граничит с Челябинской и Свердловской областями, на севере и северо-востоке – с Тюменской областью, на юге и юго-востоке – с Казахстаном. Территория Южного Зауралья расположена на границе леса и степи. В соответствии со схемой геоботанического районирования Западной Сибири [44] с севера на юг в Курганской области сменяются 4 полосы растительности. Для подтаёжной подзоны бореальной (таёжной) зоны, выделяемой на севере области, наиболее характерны мелколиственные и сосновые леса в сочетании с практически полным отсутствием степей и солончаковых сообществ. Участки леса здесь обширнее, гуще, с высоким древостоем и относительно более увлажнены, чем на юге области. Болотная растительность подтайги представлена обширными по занимаемой площади лесными низинными и верховыми (сфагновыми) болотами. Большая часть территории Курганской области относится к подзоне лесостепи степной зоны [45]. Характерная особенность лесостепи – наличие двух зональных типов растительности – луговых степей и колючих мелколиственных лесов. Значительны по занимаемой площади солонцовые и солончаковые сообщества, болота, сообщества водной и прибрежной растительности; высокие террасы речных долин заняты сосновыми лесами. Достаточно условно по соотношению площадей лесной и безлесной растительности Зауральская лесостепь делится на полосы северной и южной лесостепи. Подзона разнотравно-дерновинно-злаковых степей охватывает юг Курганской области, отличается резким сокращением лесов и мезофитных лугов, практически полным отсутствием верховых болот и значительным усилением роли степей и солончаков в сложении растительного покрова.

Материал и методика

В основу нашей работы положены материалы и наблюдения, накопленные в 1980–1990-е гг. на территории Курганской области. Мелких млекопитающих (насекомоядных, грызунов, мелких хищных) отлавливали с помощью конусов с направляющими системами [46, 47] и метода ловушко-линий [48]. Учёт рукокрылых проводили в сумеречное и ночное время. Для их обнаружения использовали гетеродинный ультразвуковой детектор D-100 Petersson Electronic АВ. Поимку рукокрылых осуществляли посредством стационарных паутинных сетей. Русские и латинские названия видов млекопитающих приведены по И. Я. Павлинову и А. А. Лисовскому [49]. Учёт преимагинальных фаз иксодовых клещей проводили

по общепринятым методикам [50, 51]. Пойманного зверька помещали в отдельный белый бязевый мешочек, вкладывали туда временную этикетку (с указанием места сбора, биотопа, даты). Осмотр животного на наличие эктопаразитов проводили не сразу, а по истечении 3-4 часов, когда эктопаразиты покидали шерсть остывшего зверька. Часть из них перемещалась на внутренние стороны мешочка, где они становились хорошо заметными на белом фоне. Всех собранных клещей помещали в микропробирки, фиксировали в 70%-ом процентном спирте. При изготовлении постоянных препаратов клещей помещали в жидкость Фора-Берлезе. Всего паразитологической оценке подвергнуто 25 видов мелких млекопитающих, с которых снято 733 личинки и нимфы иксодид. Определение иксодовых клещей проводили по Б. И. Померанцеву [31], Н. А. Филипповой [52]. Латинские названия видов иксодовых клещей указаны в соответствии с представлениями Н. А. Филипповой [53].

Результаты и обсуждение

Представление о видовом составе иксодовых клещей мелких млекопитающих Курганской области можно получить из табл. 1 и 2. Всего нами зарегистрировано 6 видов. На всей территории области встречался *D. Reticulatus*. Он, наряду с *I. persulcatus* и *I. apronophorus*, входил в группу доминирующих видов. На долю этих трёх видов приходилось более 85% от числа всех учтенных иксодид. Наиболее полно видовой состав клещей представлен в полосе южной лесостепи (все 6 видов). При движении к северу и к югу от этой полосы видовое разнообразие иксодовых клещей уменьшалось в два раза (табл. 1). В северной половине области из состава иксодид выпадали *D. silvarum*, *D. marginatus* и *I. trianguliceps* (этот клещ для территории Курганской области приводится впервые). В то же время Г. Е. Логиновский [35] *D. marginatus* относил к широко распространенным видам (встречался во всех районах области). Общие тенденции в распространении преобладающих видов клещей (*I. persulcatus*, *I. apronophorus*, *D. reticulatus* и *D. marginatus*) в степной и южной части бореальной (таёжной) зон Южного Зауралья в целом характерны и для других территорий этих зон Западной Сибири [7, 13]. Среди отмеченных видов клещей наибольший круг хозяев-прокормителей имели *I. persulcatus* и *D. reticulatus* (табл. 2). Основными прокормителями иксодовых клещей в Курганской области в исследуемый период были обыкновенная *Sorex araneus* Linnaeus, 1758 и тундряная *Sorex tundrensis* Merriam, 1900, бурозубки, лесная мышовка *Sicista betulina* Pallas, 1779, красная *Myodes rutilus* Pallas, 1779, и узкочерепная *Lasiopodomys gregalis* Pallas, 1779 полевки. Водяных полевок *Arvicola amphibius* Linnaeus, 1758 – основных носителей гнездово-норового клеща *I. apronophorus* обследовано мало (численность этого зверька была невысокой) и этот клещ большей частью паразитировал на обыкновенной бурозубке и тёмной полевке *Microtus agrestis* Linnaeus, 1761.

В целом проведённые исследования подтверждают относительную бедность видового состава иксодовых клещей Курганской области. На наш взгляд, это определяется не столько естественной бедностью состава клещей, сколько недостаточной изученностью этой группы паразитических членистоногих.

Таблица 1

Распределение иксодовых клещей мелких млекопитающих Южного Зауралья (Курганская область)

Вид	Бореальная (таёжная) зона	Степная зона			Всего
	подзона подтайги	подзона лесостепи		подзона разнотравно-дерновинно-злаковых степей	
		полоса северной лесостепи	полоса южной лесостепи		

<i>Ixodes persulcatus</i> Schulze, 1930	$\frac{55}{40,15}$	$\frac{216}{78,55}$	$\frac{23}{9,91}$	-	$\frac{294}{40,11}$
<i>Ixodes apronophorus</i> Schulze, 1924	$\frac{54}{39,42}$	$\frac{39}{14,18}$	$\frac{24}{10,34}$	-	$\frac{117}{15,96}$
<i>Ixodes trianguliceps</i> Birula, 1895	-	-	$\frac{1}{0,43}$	-	$\frac{1}{0,14}$
<i>Dermacentor reticulatus</i> Fabricius, 1794	$\frac{28}{20,43}$	$\frac{14}{5,09}$	$\frac{161}{69,40}$	$\frac{14}{15,73}$	$\frac{217}{29,60}$
<i>Dermacentor silvarum</i> Olenev, 1931	-	-	$\frac{1}{0,43}$	$\frac{43}{48,31}$	$\frac{44}{6,00}$
<i>Dermacentor marginatus</i> Sulzer, 1776	-	$\frac{6}{2,18}$	$\frac{22}{9,49}$	$\frac{32}{35,96}$	$\frac{60}{8,19}$
Всего	$\frac{137}{100}$	$\frac{275}{100}$	$\frac{232}{100}$	$\frac{89}{100}$	$\frac{733}{100}$

Примечание: в числителе – количество учтённых личинок и нимф, в знаменателе – %.

Таблица 2

Иксодовые клещи мелких млекопитающих Южного Зауралья (Курганская область)

Вид прокормителя		Иксодовые клещи					
		I. persulcatus	I. apronophorus	I. trianguliceps	D. reticulatus	D. marginatus	D. silvarum
1	<i>Erinaceus roumanicus</i> Barrett-Hamilton, 1900	+++			+		
2	<i>Neomys fodiens</i> Pennant, 1771	++					
3	<i>Sorex araneus</i> Linnaeus, 1758	+++	+++		+++	+	+
4	<i>Sorex tundrensis</i> Merriam, 1900				+++	+	++
5	<i>Sorex caecutiens</i> Laxmann, 1785	++	++		+		
6	<i>Sorex minutissimus</i> Zimmerman, 1780			+			
7	<i>Sorex minutus</i> Linnaeus, 1766	+			++		
8	<i>Myotis dasycneme</i> Boie, 1825						+
9	<i>Spermophilus major</i> Pallas, 1779						+
10	<i>Sicista betulina</i> Pallas, 1776	+++	++				

11	<i>Sicista subtilis</i> Pallas, 1773						+
12	<i>Ondatra zibethicus</i> Linnaeus, 1766	+	+				
13	<i>Myodes glareolus</i> Schreber, 1780	+					
14	<i>Myodes rutilus</i> Pallas, 1779	++	++		+++		+
15	<i>Ellobius talpinus</i> Pallas, 1770				+	+	
16	<i>Lagurus lagurus</i> Pallas, 1773				+	+	
17	<i>Arvicola amphibius</i> Linnaeus, 1758		+			+	
18	<i>Lasiopodomys gregalis</i> Pallas, 1779				+++	+++	++
19	<i>Alexandromys oeconomus</i> Pallas, 1776	++	+		+	+	
20	<i>Microtus arvalis</i> Pallas, 1778	+	+		++	+	
21	<i>Microtus agrestis</i> Linnaeus, 1761	++	+++				
22	<i>Micromys minutus</i> Pallas, 1771		+				+
23	<i>Sylvaemus uralensis</i> Pallas, 1811	+			+		+
24	<i>Apodemus agrarius</i> Pallas, 1771	+			++	++	
25	<i>Mustela nivalis</i> Linnaeus, 1766						++
Всего видов		14	10	1	13	9	10

Примечание: + вид редкий, ++ обычный, +++ многочисленный.

Из учтённых нами клещей особого внимания заслуживают *D. silvarum* и *I. trianguliceps*. По своему распространению *D. silvarum* является восточной формой [31]. Б. И. Померанцев отмечал, что его ареал охватывает Приморский край, Приамурье, восточное Забайкалье, западный берег озера Байкал, окрестности Иркутска, Кемеровскую область, восточный Алтай. В последующие годы наряду с Кемеровской областью Алтаем он был зарегистрирован и в других точках Западной Сибири [22, 23], в том числе в Курганской области [29, 42]. Нами *D. silvarum* обнаружен на прудовой ночнице *Myotis dasycneme* Voie, 1825, отловленной в окрестностях г. Кургана в 1987 г., и в том же году близ села Усть-Уйское Целинного района этот клещ встречался в учётах ещё на 9 видах мелких млекопитающих. Таким образом, можно считать, что этот вид в своём распространении на запад практически достиг Урала. Для Западной Сибири *I. trianguliceps* впервые указал В. М. Попов [6]. Здесь этот клещ имеет мозаичное распространение и встречается в небольшом количестве [54]. Нами он отмечен лишь однажды в 1987 г., учтена одна личинка на крошечной бурозубке *Sorex minutissimus* Zimmermann, 1780. Многие авторы [55, 56] подчеркивают особую роль землероек-бурозубок в прокормлении вида, что вполне согласуется с его биологическими особенностями. В разных частях ареала в качестве основных прокормителей могут выступать и другие виды [57, 58]. Всего же список прокормителей *I. trianguliceps* насчитывает 53 вида [59].

Заключение

Итак, на территории Курганской области в современных её границах встречаются представители 7 видов иксодовых клещей (*Ixodes ricinus* – по литературным данным). Ядро сообщества клещей составляют 4 вида. Повсеместно распространён луговой клещ *Dermacentor reticulatus*. Таёжный клещ *Ixodes persulcatus* выпадает из сообщества клещей юга области и, наоборот, степной клещ *Dermacentor marginatus* не характерен для севера Курганской области. Влаголюбивый клещ *Ixodes apronophorus* в условиях области более свойствен для северной лесостепи и особенно подтайги, где обводнённость территории значительно выше в сравнении с югом области, основной прокормитель

– водяная полёвка встречается чаще. Наибольший круг хозяев-прокормителей имеют клещи *I. persulcatus* и *D. reticulatus*. Среди основных прокормителей иксодовых клещей в Курганской области отмечены виды, приуроченные к облесённым местообитаниям (обыкновенная бурозубка, красная полёвка, лесная мышовка), а также придерживающиеся полуоткрытых и открытых биотопов (тундряная бурозубка, узкочерепная полёвка).

Полученные материалы в определённой степени позволяют судить об основных прокормителях иксодовых клещей, паразитологических особенностях Курганской области в её зонально-подзональном аспектах, что может оказаться весьма полезным при проведении здесь соответствующих профилактических мероприятий. Тем не менее, на наш взгляд, описание фауны иксодид Курганской области далеко от завершения. Основной ареал *I. ricinus* находится в европейской части страны и на Урале. Ближайшим местом контакта этого вида в Западной Сибири является Южное Зауралье. Указания о наличии этого вида здесь имеются. Из других иксодовых клещей, свойственных территории Западной Сибири, несомненно, в Южном Зауралье могут быть обнаружены *I. lividus* и *I. crenulatus*. Хозяева-прокормители (береговая ласточка *Riparia riparia* Linnaeus, 1758, рыжеватый суслик *Spermophilus major* Pallas, 1779, краснощекий суслик *Spermophilus erythrogeus* Brandt, 1841, байбак *Marmota bobak* Müller, 1776, корсак *Vulpes corsac* Linnaeus, 1768, обыкновенная лисица *Vulpes vulpes* Linnaeus, 1758, азиатский барсук *Meles leucurus* Hodgson, 1847, степной хорь *Mustela eversmanii* Lesson, 1827) этих клещей сравнительно широко распространены в Курганской области.

Л и т е р а т у р а

1. Балашов Ю. С. Иксодовые клещи – паразиты и переносчики инфекций. – СПб: Наука, 1998. – 287 с.
2. Коренберг Э. И. Инфекции, передающиеся иксодовыми клещами в лесной зоне, и стратегия их профилактики: изменение приоритетов // Эпидемиология и вакцинопрофилактика. – 2013. – № 5. – С. 7–17.
3. Коренберг Э. И., Помелова В. Г., Осин Н. С. Природноочаговые инфекции, передающиеся иксодовыми клещами. – М.: ООО Коментарий, 2013. – 464 с.
4. Балашов Ю. С. Паразито-хозяйинные отношения членистоногих с наземными позвоночными. – Л.: Наука, 1982. – 320 с.
5. Карпов С. П., Попов В. М. Членистоногие Западной Сибири как резервуары и переносчики заболеваний человека // Труды Томского государственного университета. – Томск, 1956. – Т. 142. – С. 341–344.
6. Попов В. М. Иксодовые клещи Западной Сибири и заболевания с природной очаговостью // Природноочаговые заболевания. Труды научной конференции. – М., 1958. – Т. 8. – С. 25–31.
7. Давыдова М. С., Лукин А. М. Ландшафтно-географическое распределение иксодовых клещей // Биологическое районирование Новосибирской области (в связи с проблемой природноочаговых инфекций). – Новосибирск: Наука, 1969. – С. 250–264.
8. Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Курганской области в 2018 году». – Курган, 2019. – 175 с.
9. Коклягина А. Т. Фауна иксодовых клещей Алтайского края // Клещевой энцефалит в Алтайском крае. – Барнаул, 1963. – С. 19–25.
10. Фёдоров В. Г. Материалы к фауне иксодовых клещей Омской области // Природноочаговые болезни. – Тюмень, 1963. – С. 86–88.
11. Вершинина Г. П. Клещ *Ixodes apronophorus* P. Sch. (1924) в Шегарском районе Томской области // Зоологический журнал. – 1964. – Т. 43, Вып. 12. – С. 1873–1874.
12. Столбов Н. М., Малюшина Е. П., Белан А. А., Галимов В. Р. Распределение иксодовых клещей по ландшафтными зонами Тюменской области // Первое акарологическое совещание (тезисы докладов.). – М.-Л.: Наука, 1966. – С. 205.

13. Попов В. В. О фауне иксодовых клещей (Ixodidae) Тюменской области // Зоологический журнал. – 1967. – Т. 46, Вып. 2. – С. 200–207.
14. Чигирик Е. Д., Плешивцева-Ерошкина Е. А. Иксодовые клещи Кемеровской области. Сообщение 2. // Медицинская паразитология и паразитарные болезни. – 1969. – Т. 38, № 5. – С. 729–733.
15. Чигирик Е. Д., Истраткина С. В., Бирюкова М. П., Некрасова А. В. Находки клещей *Ixodes pavlovskyi* Rom. (Ixodoidea, Ixodidae) в Кемеровской области // Паразитология. – 1972. – Т. 6, № 3. – С. 305–306.
16. Сапегина В. Ф. Иксодовые клещи Северо-Восточного Алтая: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 1972. – 24 с.
17. Малюшина Е. П., Колчанова Л. П. Экология иксодовых клещей (Ixodidae) Тюменской области // Экология животных и фаунистика. Сборник научных трудов. – Тюмень: ТюмГУ, 2008. – С. 158–167.
18. Глазунов Ю. В., Глазунова Л. А. Взаимоотношения личинок и нимф иксодовых клещей (Ixodidae, Parasitiformes) с мелких млекопитающих в Зауралье // Фундаментальные исследования. Биологические науки. – 2015. – № 2. – С. 5588–5593.
19. Романенко В. Н., Соколенко В. В., Максимова Ю. В. Локальное формирование высокой численности клещей *Dermacentor reticulatus* (Parasitiformes, Ixodidae) в Томске // Паразитология. – 2017. – Т. 51, № 4. – С. 345–353.
20. Ковалевский А. В., Зубко К. С., Ефимова Л. Р., Лучникова Е. М., Дроздова О. М. Распространение и некоторые особенности биологии иксодовых клещей (Parasitiformes, Ixodidae) в Кузнецко-Салаирской горной области (Кемеровская область, Россия) // Паразитология. – 2018. – Т. 52, № 5. – С. 403–416.
21. Карташов М. Ю., Микрюкова Т. П., Кривошеина Е. И., Кузнецов А. И., Романенко В. Н., Москвитина Н. С., Терновой В. А., Локтев В. Б. Генотипирование возбудителей клещевых инфекций в клещах *Dermacentor reticulatus*, собранных в городских биотопах г. Томска // Паразитология. – 2019. – Т. 53, № 5. – С. 355–369.
22. Попов В. М. Иксодовые клещи Западной Сибири (систематика, характеристика, экология и географическое распространение отдельных видов эпидемиологическое и эпизоотологическое значение, борьба с иксодовыми клещами). – Томск: Издательство Томского университета, 1962. – 259 с.
23. Нецкий Г. И. Эколого-фаунистические комплексы иксодовых клещей и их значение в природной очаговости арбовирусных инфекций Западной Сибири // Первое акарологическое совещание (тезисы докладов). – М.-Л.: Наука, 1966. – С. 145–146.
24. Фёдоров В. Г. Клещи надсемейства Ixodoidea Западной Сибири // Проблемы паразитологии. – Киев: Наукова думка, 1969. – Ч. 2. – С. 176–178.
25. Богданов И. И. Сравнительно-эволюционная характеристика жизненных схем иксодовых клещей Западной Сибири // Зоологические проблемы Сибири (материалы IV совещания зоологов Сибири). – Новосибирск: Наука, 1972. – С. 47–48.
26. Иголкин Н. И. Комплексы эктопаразитов мелких млекопитающих юго-восточной части Западной Сибири. – Томск: Издательство Томского университета, 1978. – 240 с.
27. Малькова М. Г., Якименко В. В., Танцев А. К. Изменение границ ареалов пастбищных иксодовых клещей рода *Ixodes* на территории Западной Сибири // Паразитология. – 2012. – Т. 46, № 5. – С. 369–383.
28. Якименко В. В., Малькова М. Г., Шпынов С. Н. Иксодовые клещи Западной Сибири: фауна, экология, основные методы исследования. – Омск: ООО «Омский научный вестник», 2013. – 240 с.
29. Кочетков А. В. Клещи семейства Ixodidae в Зауралье // Труды Всесоюзного института экспериментальной ветеринарии. Т. XI. Протозойные заболевания. Серия XIV Ветеринария. Вып. 2. – М.-Л.: Издательство Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина, 1935. – С. 124–127.
30. Гибет Л. А., Никифоров Л. П. Материалы по иксодовым клещам лесостепи Западной Сибири // Зоологический журнал. – 1959. – Т. 38, Вып. 12. – С. 1806–1812.

31. Померанцев Б. И. Фауна СССР. Паукообразные. Иксодовые клещи (Ixodidae). – Т. IV, Вып. 2. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 224 с.
32. Марвин М. Я. Иксодовые клещи млекопитающих Среднего Урала и Зауралья // Тезисы докладов совещания зоологов Сибири. – Новосибирск, 1957. – С. 56–57.
33. Христиановский П. И., Белименко В. В., Быстров И. В., Новосад Е. В. Фенология иксодовых клещей на Южном Урале // Российский паразитологический журнал. – 2016. – Т. 36, вып. 2. – С. 141–147.
34. Филиппова Н. А. Симпатрия близкородственных видов иксодовых клещей и её возможная роль в паразитарных системах природных очагов трансмиссивных болезней // Паразитология. – 1999. – Т. 33, № 3. – С. 223–241.
35. Логиновский Г. Е. Заболеваемость клещевым энцефалитом и распространение иксодовых клещей в Курганской области // Природноочаговые болезни. – Тюмень, 1963. – С. 83–86.
36. Логиновский Г. Е. Распространение и сезонный ход активности *Ixodes persulcatus* в Курганской области // Медицинская паразитология и паразитарные болезни. – М.: Медицина, 1965. – № 4. – С. 487–488.
37. Логиновский Г. Е. К экологии клеща *Dermacentor pictus* Herm. в Курганской области // Фауна и экология членистоногих Сибири. – Новосибирск: Наука, 1966. – С. 148–150.
38. Логиновский Г. Е. Об иксодовых клещах Курганской области // Фауна и экология членистоногих Сибири (материалы V совещания энтомологов Сибири). – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 239–240.
39. Новикова А. В. К фауне гамазовых и иксодовых клещей, как эктопаразитов грызунов и землероек Курганской области // Информационные материалы Института экологии растений и животных. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1974. – С. 8–10.
40. Стариков В. П. Ландшафтно-географическая характеристика иксодовых клещей мелких млекопитающих Южного Зауралья // XI Всесоюзная конференция по природной очаговости болезней. Тезисы докладов (18–20 сентября 1984 г., Тюмень). – М., 1984. – С. 161–162.
41. Стариков В. П., Сапегина В. Ф. Эктопаразиты мелких млекопитающих лесостепного Зауралья // Известия Сибирского отделения академии наук СССР. Серия биологических наук. Вып. 3. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 76–82.
42. Стариков В. П., Милов С. С., Попова И. Ф., Вершинин Е. А., Ромашева Т. П. Материалы к зоолого-паразитологической характеристике Курганской области // Млекопитающие в экосистемах. – Свердловск: УрО АН СССР, 1990. – С. 50–51.
43. Стариков В. П., Вершинин Е. А. Паразитические членистоногие обыкновенной слепушонки *Ellobius talpinus* Pallas, 1770 Южного Зауралья (Курганская область) // Паразитология. – 2020. – Т. 54, № 2. – С. 152–162.
44. Ильина И. С., Лапшина Е. И., Махно В. Д., Романова Е. А. Геоботаническое районирование. Врезка на карте «Растительность Западно-Сибирской равнины. – М.: ГУГК, 1976.
45. Науменко Н. И. Растительность // География Курганской области: краеведческое пособие. – Курган: Изд-во КГУ, 2019. – С. 80–104.
46. Наумов Н. П. Изучение подвижности и численности мелких млекопитающих с помощью ловчих канавок // Вопросы краевой, общей и экспериментальной паразитологии и медицинской зоологии. – М., 1955. – Т. 9. – С. 179–202.
47. Охотина М. В., Костенко В. А. Полиэтиленовая плёнка – перспективный материал для изготовления ловчих заборчиков // Фауна и экология позвоночных животных юга Дальнего Востока СССР. – Владивосток, 1974. – С. 193–196.
48. Кучерук В. В. Новое в методике количественного учёта грызунов и землероек // Организация и методика учёта птиц и вредных грызунов. – М.: Издательство АН СССР, 1963. – С. 159–184.
49. Павлинов И. Я., Лисовский А. А. Млекопитающие России: систематико-географический справочник. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. – 604 с.
50. Павловский Е. Н. Наставления к собиранию и исследованию клещей (Ixodoidea). – Л.: Издательство АН СССР, 1928. – 104 с.

51. Таёжный клещ *Ixodes persulcatus* Schulze (Acarina, Ixodidae): морфология, систематика, экология, медицинское значение. – Л.: Наука, 1985. – 416 с.
52. Филиппова Н. А. Иксодовые клещи подсемейства Ixodinae // Фауна СССР. Паукообразные. – Л.: Наука, 1977. – Т. IV, вып. 4. – 396 с.
53. Филиппова Н. А. Особенности биоразнообразия европейской фауны иксодовых клещей (Acari, Ixodidae) как переносчиков возбудителей природноочаговых инфекций // Паразитология. – 2011. – Т. 45, № 3. – С. 161–181.
54. Малюшина Е. П. Распространение *Ixodes* (Eohalpigier) *trianguliceps* Bir. в Западной Сибири // Первое акарологическое совещание (тезисы докладов). – М.-Л.: Наука, 1966. – С. 129.
55. Бойко В. А., Рубцов Б. И. Клещи *I. trianguliceps* в природных очагах клещевого энцефалита Татарской АССР. Материалы итоговой научной конференции Казанского научно-исследовательского института эпидемиологии, микробиологии и гигиены. – 1965. – С. 112–113.
56. Сапегина В. Ф. *Ixodes trianguliceps* Bir. – норовый клещ // Первое акарологическое совещание (тезисы докладов). – М.-Л.: Наука, 1966. – С. 180–181.
57. Лыков В. А. Распространение и некоторые вопросы экологии клеща *Ixodes trianguliceps* Bir. на Южном Урале // Паразитология. – 1975. – Т. 9, № 4. – С. 348–351.
58. Беспятова Л. А., Бугмырин С. В., Кутенков С. А., Никонорова И. А. Численность иксодовых клещей (Acari: Ixodidae) на мелких млекопитающих в лесных биотопах среднетаёжной подзоны Карелии // Паразитология. – 2019. – Т. 53, №6. – С. 463–473.
59. Korenberg E. I., Lebedeva N. N. Distribution and some General Features of the Ecology of *Ixodes trianguliceps* Bir. in the Soviet Union // Folia Parasitologica (Praha). – 1969. – V. 16. – PP. 143–152.

References

- Balashov Yu. S. Iksodovye kleshchi – parazity i perenoschiki infekcij. – SPb: Nauka, 1998. – 287 s.
- Korenberg E. I. Infekcii, peredayushchiesya iksodovymi kleshchami v lesnoj zone, i strategiya ih profilaktiki: izmenenie prioritetov // Epidemiologiya i vakcinoprofilaktika. – 2013. – № 5. – S. 7–17.
- Korenberg E. I., Pomelova V. G., Osin N. S. Prirodnoochagovye infekcii, peredayushchiesya iksodovymi kleshchami. – М.: ООО Кomentarij, 2013. – 464 s.
- Balashov Yu. S. Parazito-hozyainnye otnosheniya chlenistonogih s nazemnymi pozvonochnymi. – L.: Nauka, 1982. – 320 s.
- Karpov S. P., Popov V. M. CHlenistonogie Zapadnoj Sibiri kak rezervuary i perenoschiki zabolevanij cheloveka // Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – Tomsk, 1956. – Т. 142. – S. 341–344.
- Popov V. M. Iksodovye kleshchi Zapadnoj Sibiri i zabolevaniya s prirodnoj ochagovost'yu // Prirodnoochagovye zabolevaniya. Trudy nauchnoj konferencii. – М., 1958. – Т. 8. – S. 25–31.
- Davydova M. S., Lukin A. M. Landshaftno-geograficheskoe raspredelenie iksodovyh kleshchej // Biologicheskoe rajonirovanie Novosibirskoj oblasti (v svyazi s problemoj prirodnoochagovyh infekcij). – Novosibirsk: Nauka, 1969. – S. 250–264.
- Gosudarstvennyj doklad «O sostoyanii sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya v Kurganskoj oblasti v 2018 godu». – Kurgan, 2019. – 175 s.
- Koklyagina A. T. Fauna iksodovyh kleshchej Altajskogo kraja // Kleshchevoj encefalit v Altajskom krae. – Barnaul, 1963. – S. 19–25.
- Fyodorov V. G. Materialy k faune iksodovyh kleshchej Omskoj oblasti // Prirodnoochagovye bolezni. – Tyumen', 1963. – S. 86–88.
- Vershinina G. P. Kleshch *Ixodes apronophorus* P. Sch. (1924) v Shegarskom rajone Tomskoj oblasti // Zoologicheskij zhurnal. – 1964. – Т. 43, Vyp. 12. – S. 1873–1874.
- Stolbov N. M., Malyushina E. P., Belan A. A., Galimov V. R. Raspredelenie iksodovyh kleshchej po landshaftnym zonam Tyumenskoj oblasti // Pervoe akarologicheskoe soveshchanie (tezisy dokladov.). – М.-Л.: Nauka, 1966. – S. 205.
- Popov V. V. O faune iksodovyh kleshchej (Ixodidae) Tyumenskoj oblasti // Zoologicheskij zhurnal. – 1967. – Т. 46, Vyp. 2. – S. 200–207.

14. Chigirik E. D., Pleshivceva-Eroshkina E. A. Iksodovye kleshchi Kemerovskoj oblasti. Soobshchenie 2. // *Medicinskaya parazitologiya i parazitarnye bolezni.* – 1969. – Т. 38, № 5. – С. 729–733.
15. Chigirik E. D., Istratkina S. V., Biryukova M. P., Nekrasova A. V. Nahodki kleshchej Ixodes pavlovskiy Pom. (Ixodoidea, Ixodidae) v Kemerovskoj oblasti // *Parazitologiya.* – 1972. – Т. 6, № 3. – С. 305–306.
16. Sapegina V. F. Iksodovye kleshchi Severo-Vostochnogo Altaya: avtoref. dis. ... kand. biol. nauk. – Novosibirsk, 1972. – 24 s.
17. Malyushina E. P., Kolchanova L. P. Ekologiya iksodovyh kleshchej (Ixodidae) Tyumenskoj oblasti // *Ekologiya zhivotnyh i faunistika. Sbornik nauchnyh trudov.* – Tyumen': TyumGU, 2008. – С. 158–167.
18. Glazunov Yu. V., Glazunova L. A. Vzaimootnosheniya lichinok i nimf iksodovyh kleshchej (Ixodidae, Parasitiformes) s melkih mlekopitayushchih v Zaural'e // *Fundamental'nye issledovaniya. Biologicheskie nauki.* – 2015. – № 2. – С. 5588–5593.
19. Romanenko V. N., Sokolenko V. V., Maksimova Yu. V. Lokal'noe formirovanie vysokoj chislennosti kleshchej *Dermacentor reticulatus* (Parasitiformes, Ixodidae) v Tomske // *Parazitologiya.* – 2017. – Т. 51, № 4. – С. 345–353.
20. Kovalevskij A. V., Zubko K. S., Efimova L. R., Luchnikova E. M., Drozdova O. M. Rasprostranenie i nekotorye osobennosti biologii iksodovyh kleshchej (Parasitiformes, Ixodidae) v Kuznecko-Salairskoj gornoj oblasti (Kemerovskaya oblast', Rossiya) // *Parazitologiya.* – 2018. – Т. 52, № 5. – С. 403–416.
21. Kartashov M. Yu., Mikryukova T. P., Krivosheina E. I., Kuznecov A. I., Romanenko V. N., Moskvitina N. S., Ternovoj V. A., Loktev V. B. Genotipirovanie vozбудitelej kleshchevyh infekcij v kleshchah *Dermacentor reticulatus*, sobrannyh v gorodskih biotopah g. Tomska // *Parazitologiya.* – 2019. – Т. 53, № 5. – С. 355–369.
22. Popov V. M. Iksodovye kleshchi Zapadnoj Sibiri (sistematika, harakteristika, ekologiya i geograficheskoe rasprostranenie ot del'nyh vidov epidemiologicheskoe i epizootologicheskoe znachenie, bor'ba s iksodovymi kleshchami). – Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1962. – 259 s.
23. Neckij G. I. Ekologo-faunisticheskie komplekсы iksodovyh kleshchej i ih znachenie v prirodnoj ochagovosti arbovirusnyh infekcij Zapadnoj Sibiri // *Pervoe akarologicheskoe soveshchanie (teziy dokladov).* – M.-L.: Nauka, 1966. – С. 145–146.
24. Fyodorov V. G. Kleshchi nadsemejstva Ixodoidea Zapadnoj Sibiri // *Problemy parazitologii.* – Kiev: Naukova dumka, 1969. – Ch. 2. – С. 176–178.
25. Bogdanov I. I. Sravnitel'no-evolyucionnaya harakteristika zhiznennyh skhem iksodovyh kleshchej Zapadnoj Sibiri // *Zoologicheskie problemy Sibiri (materialy IV soveshchaniya zoologov Sibiri).* – Novosibirsk: Nauka, 1972. – С. 47–48.
26. Igolkin N. I. Komplekсы ektoparazitov melkih mlekopitayushchih yugo-vostochnoj chasti Zapadnoj Sibiri. – Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1978. – 240 s.
27. Mal'kova M. G., Yakimenko V. V., Tancev A. K. Izmenenie granic arealov pastbishchnyh iksodovyh kleshchej roda *Ixodes* na territorii Zapadnoj Sibiri // *Parazitologiya.* – 2012. – Т. 46, № 5. – С. 369–383.
28. Yakimenko V. V., Mal'kova M. G., Shpynov S. N. Iksodovye kleshchi Zapadnoj Sibiri: fauna, ekologiya, osnovnye metody issledovaniya. – Omsk: ООО «Omskij nauchnyj vestnik», 2013. – 240 s.
29. Kochetkov A. V. Kleshchi semejstva Ixodidae v Zaural'e // *Trudy Vsesoyuznogo instituta eksperimental'noj veterinarii. T. XI. Protozoiynye zabolevaniya. Seriya XIV Veterinariya. Vyp. 2.* – M.-L.: Izdatel'stvo Vsesoyuznoj akademii sel'skohozyajstvennyh nauk im. V.I. Lenina, 1935. – С. 124–127.
30. Gibet L. A., Nikiforov L. P. Materialy po iksodovym kleshcham lesostepi Zapadnoj Sibiri // *Zoologicheskij zhurnal.* – 1959. – Т. 38, Vyp. 12. – С. 1806–1812.
31. Pomerancev B. I. Fauna SSSR. Paukoobraznye. Iksodovye kleshchi (Ixodidae). – Т. IV, Vyp. 2. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. – 224 s.
32. Marvin M. Ya. Iksodovye kleshchi mlekopitayushchih Srednego Urala i Zaural'ya // *Teziy dokladov soveshchaniya zoologov Sibiri.* – Novosibirsk, 1957. – С. 56–57.

33. Hristianovskij P. I., Belimenko V. V., Bystrov I. V., Novosad E. V. Fenologiya iksodovyh kleshchej na Yuzhnom Urale // Rossijskij parazitologicheskij zhurnal. – 2016. – T. 36, vyp. 2. – S. 141–147.
34. Filippova N. A. Simpatriya blizkorodstvennyh vidov iksodovyh kleshchej i eyo vozmozhnaya rol' v parazitarnyh sistemah prirodnyh ochagov transmissivnyh boleznej // Parazitologiya. – 1999. – T. 33, № 3. – S. 223–241.
35. Loginovskij G. E. Zabolevaemost' kleshchevym encefalitom i rasprostranenie iksodovyh kleshchej v Kurganskoj oblasti // Prirodnoochagovye bolezni. – Tyumen', 1963. – S. 83–86.
36. Loginovskij G. E. Rasprostranenie i sezonnyj hod aktivnosti Ixodes persulcatus v Kurganskoj oblasti // Medicinskaya parazitologiya i parazitarnye bolezni. – M.: Medicina, 1965. – № 4. – S. 487–488.
37. Loginovskij G. E. K ekologii kleshcha Dermacentor pictus Herm. v Kurganskoj oblasti // Fauna i ekologiya chlenistonogih Sibiri. – Novosibirsk: Nauka, 1966. – S. 148–150.
38. Loginovskij G. E. Ob iksodovyh kleshchah Kurganskoj oblasti // Fauna i ekologiya chlenistonogih Sibiri (materialy V soveshchaniya entomologov Sibiri). – Novosibirsk: Nauka, 1981. – S. 239–240.
39. Novikova A. V. K faune gamazovyh i iksodovyh kleshchej, kak ektoparazitov gryzunov i zemleroek Kurganskoj oblasti // Informacionnye materialy Instituta ekologii rastenij i zhivotnyh. – Sverdlovsk: UNC AN SSSR, 1974. – S. 8–10.
40. Starikov V. P. Landshaftno-geograficheskaya karakteristika iksodovyh kleshchej melkih mlekopitayushchih Yuzhnogo Zaural'ya // XI Vsesoyuznaya konferenciya po prirodnoj ochagovosti boleznej. Tezisy dokladov (18–20 sentyabrya 1984 g., Tyumen'). – M., 1984. – S. 161–162.
41. Starikov V. P., Sapegina V. F. Ektoparazity melkih mlekopitayushchih lesostepnogo Zaural'ya // Izvestiya Sibirskogo otdeleniya akademii nauk SSSR. Seriya biologicheskikh nauk. Vyp. 3. – Novosibirsk: Nauka, 1986. – S. 76–82.
42. Starikov V. P., Milov S. S., Popova I. F., Vershinin E. A., Romasheva T. P. Materialy k zoologo-parazitologicheskoy karakteristike Kurganskoj oblasti // Mlekopitayushchie v ekosistemah. – Sverdlovsk: UrO AN SSSR, 1990. – S. 50–51.
43. Starikov V. P., Vershinin E. A. Paraziticheskie chlenistonogie obyknovnoj slepushonki Ellobius talpinus Pallas, 1770 Yuzhnogo Zaural'ya (Kurganskaya oblast') // Parazitologiya. – 2020. – T. 54, № 2. – S. 152–162.
44. Il'ina I. S., Lapshina E. I., Mahno V. D., Romanova E. A. Geobotanicheskoe rajonirovanie. Vrezka na karte «Rastitel'nost' Zapadno-Sibirskoj ravniny. – M.: GUGK, 1976.
45. Naumenko N. I. Rastitel'nost' // Geografiya Kurganskoj oblasti: kraevedcheskoe posobie. – Kurgan: Izd-vo KGU, 2019. – S. 80–104.
46. Naumov N. P. Izuchenie podvizhnosti i chislennosti melkih mlekopitayushchih s pomoshch'yu lovchih kanavok // Voprosy kraevoj, obshchej i eksperimental'noj parazitologii i medicinskoj zoologii. – M., 1955. – T. 9. – S. 179–202.
47. Ohotina M. V., Kostenko V. A. Polietilenovaya plynka – perspektivnyj material dlya izgotovleniya lovchih zaborchikov // Fauna i ekologiya pozvonochnyh zhivotnyh yuga Dal'nego Vostoka SSSR. – Vladivostok, 1974. – S. 193–196.
48. Kucheruk V. V. Novoe v metodike kolichestvennogo uchyota gryzunov i zemleroek // Organizaciya i metodika uchyota ptic i vrednyh gryzunov. – M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963. – S. 159–184.
49. Pavlinov I. Ya., Lisovskij A. A. Mlekopitayushchie Rossii: sistematiko-geograficheskij spravochnik. – M.: Tovarishchestvo nauchnyh izdanij KMK, 2012. – 604 s.
50. Pavlovskij E. N. Nastavleniya k sobiraniyu i issledovaniyu kleshchej (Ixodoidea). – L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1928. – 104 s.
51. Tayozhnyj kleshch Ixodes persulcatus Schulze (Acarina, Ixodidae): morfologiya, sistematika, ekologiya, medicinskoe znachenie. – L.: Nauka, 1985. – 416 s.
52. Filippova N. A. Iksodovye kleshchi podsemejstva Ixodinae // Fauna SSSR. Paukoobraznye. – L.: Nauka, 1977. – T. IV, vyp. 4. – 396 s.
53. Filippova N. A. Osobennosti bioraznoobraziya evropejskoj fauny iksodovyh kleshchej (Acari, Ixodidae) kak perenoschikov vozбудitelej prirodnoochagovyh infekcij // Parazitologiya. – 2011. – T. 45, № 3. – S. 161–181.

54. Malyushina E. P. Rasprostranenie Ixodes (Exopalpiger) trianguliceps Bir. v Zapadnoj Sibiri // Pervoe akarologicheskoe soveshchanie (tezisy dokladov). – M.-L.: Nauka, 1966. – S. 129.

55. Bojko V. A., Rubcov B. I. Kleshchi I. trianguliceps v prirodnyh ochagah kleshchevogo encefalita Tatarskoj ASSR. Materialy itogovoj nauchnoj konferencii Kazanskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta epidemiologii, mikrobiologii i gigieny. – 1965. – S. 112–113.

56. Sapegina V. F. Ixodes trianguliceps Bir. – norovyy kleshch // Pervoe akarologicheskoe soveshchanie (tezisy dokladov). – M.-L.: Nauka, 1966. – S. 180–181.

57. Lykov V. A. Rasprostranenie i nekotorye voprosy ekologii kleshcha Ixodes trianguliceps Bir. na Yuzhnom Urale // Parazitologiya. – 1975. – T. 9, № 4. – S. 348–351.

58. Bespyatova L. A., Bugmyrin S. V., Kutenkov S. A., Nikonorova I. A. Chislennost' iksodovyh kleshchej (Acari: Ixodidae) na melkih mlekopitayushchih v lesnyh biotopah srednetayozhnoj podzony Karelii // Parazitologiya. – 2019. – T. 53, №6. – S. 463–473.

59. Korenberg E. I., Lebedeva N. N. Distribution and some General Features of the Ecology of Ixodes trianguliceps Bir. in the Soviet Union // Folia Parasitologica (Praha). – 1969. – V. 16. – PP. 143–152.

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 533.924, 538.911

Е. П. Неустроев, А. Р. Прокопьев

Оптоэлектронные свойства углеродных пленок, полученных методом осаждения в плазме CH_4 и последующей термообработкой

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Пленки толщиной в несколько десятков нанометров формировались осаждением атомов углерода в плазме метана на подложках SiO_2 с последующей термообработкой при температуре от 650 °С до 800 °С. Методы атомно-силовой и электронной микроскопии, ИК- и УФ-спектроскопии, спектроскопии комбинационного рассеяния и измерения силы тока в зависимости от освещения были использованы для исследования оптических и электрических свойств полученных пленок. Анализ результатов оптических исследований показал, что пленки имеют полосы поглощения в УФ- и дальней ИК-областях. Результаты воздействия освещения галогеновой лампой, имеющей широкий спектральный диапазон, показали изменение фототока до 1,85 мА при напряжении на образце 8 В. Величина фототока зависит от напряжения, и при достижении 10 В наступает насыщение. Фоточувствительность синтезированных углеродных плёнок объяснено фотогенерацией носителей заряда при освещении. Зависимость от напряжения связана с эффективным разделением фотогенерируемых носителей заряда электрическим полем. Сделан вывод, что полученные пленки могут быть использованы в качестве фотосенсоров дневного освещения.

Ключевые слова: плазма метана, термообработка, синтез углеродных пленок, фототок.

DOI 10.25587/k1396-1824-9367-e

НЕУСТРОЕВ Ефим Петрович – к.ф.-м.н., доцент кафедры радиофизики и электронных систем ФТИ СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: neustr@mail.ru

NEUSTROEV Efim Petrovich – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of Radiophysics and Electronic Systems of the Institute of Physics and Technology M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ПРОКОПЬЕВ Айсен Русланович – аспирант, вед. инженер департамента цифровых технологий СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: aisenprokopiev@mail.ru

PROKOPEV Aisen Ruslanovich – graduate student, head engineer, department of IT of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

E. P. Neustroev, A. R. Prokopen

Optoelectronic properties of carbon films obtained by deposition in CH_4 plasma and subsequent heat treatment

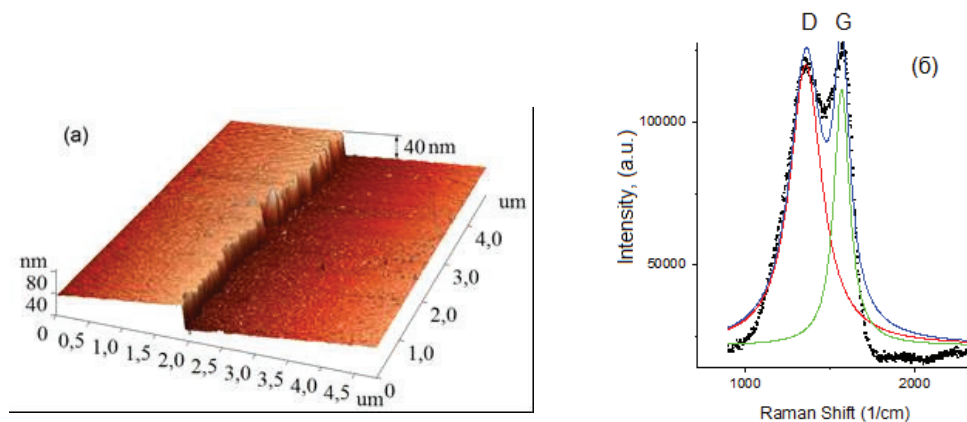
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University. Yakutsk, Russia

Abstract. The films several tens of nm thick were formed by the deposition of carbon atoms in methane plasma on SiO_2 substrates followed by heat treatment at temperatures from 650 °C to 800 °C. Atomic force and electron microscopy, IR and UV spectroscopy, Raman spectroscopy and current measurements by a two-probe method were used to study the optical and electrical properties of the obtained films. Analysis of the results of optical studies showed that the films have bands of absorption in the UV- and IR regions. The results of exposure to illumination of a halogen lamp, which has a wide spectral range, showed a change in the photocurrent up to 1.85 mA at a voltage across the sample of 8 V. The magnitude of the photocurrent depends on the voltage and saturation occurs when 10 V is reached. The photosensitivity of the synthesized carbon films is explained by the photogeneration of charge carriers under illumination. The voltage dependence is associated with the effective separation of photogenerated charge carriers by an electric field. It was concluded that the films obtained can be used as daylight photosensors.

Keywords: methane plasma, heat treatment, synthesis of carbon films, photocurrent.

Введение

Возможность создания двумерных (2D) материалов значительно подняла интерес исследователей всего мира к тонким углеродным пленкам [1–3]. В настоящее время используются различные методы синтеза 2D-углеродных пленок [4–6]. Одним из таких методов является неравновесная низкотемпературная плазма, которая широко используется для получения наночастиц [7] и графеновых плёнок [8]. В низкотемпературной плазме температура электронов (T_e) значительно больше температуры (T_i) тяжелых частиц (ионов и свободных радикалов) в плазме из-за неэффективного обмена энергией при неупругом столкновении с нейтральными частицами [9]. T_e , в большинстве случаев, составляет 10^5 - 10^6 °K, в то время как T_i бывает близка к температуре окружающей среды [9], что предотвращает разогрев обрабатываемых материалов в процессе плазменной обработки. Кроме того, в условиях невысокой энергии электронов (от 1 эВ до 10 эВ) скорость генерации свободных радикалов значительно превышает скорость образования ионов [10]. Радикалы легко осаждаются на поверхности, образуют связи с другими адсорбированными частицами и таким образом обеспечивают рост и формирование углеродных пленок. В микро- и наноэлектронике используются плазмохимические реакторы с использованием плазмы высокочастотного (ВЧ) разряда с емкостным или индукционным возбуждением. Плазменные индукционные реакторы низкого давления отличаются высокой концентрацией электронов, небольшим потенциалом относительно стенок реакционной камеры, что позволяет избежать повреждения обрабатываемой поверхности и формируемой пленки высокоэнергетичными ионами [11]. Осаждение углерода в данной работе проведено в индукционной плазменной камере при комнатной температуре и в дальнейшем проведена постплазменная термообработка в атмосфере аргона, как описано в предыдущих работах [12–14]. Данная работа является логическим продолжением этих работ, целью ее стало исследование оптоэлектронных свойств полученных углеродных пленок.

Рис. 1. Высота ступеньки на границе раздела синтезированной углеродной пленки ($T=725\text{ }^{\circ}\text{C}$, 30 мин) и SiO_2 -подложки (а) и спектры комбинационного рассеяния для этого же образца (б)

Материалы и методы

Углеродные пленки толщиной несколько десятков нанометров (нм) были синтезированы в двухэтапном процессе [12–14]. На первом этапе проводилось осаждение атомов углерода в индуктивно-связанной плазме метана (CH_4) на очищенные поверхности SiO_2 -подложек при температурах, близких к комнатным. Мощность радиочастотной плазмы (13,56 МГц) составляла 200 Вт, время выдержки в плазме от 6 до 9 мин, скорость потока метана $30\text{ см}^3/\text{мин}$, давление в реакционной камере $0,04\text{ мбар}$. На втором этапе образцы подвергались термообработке при температурах от $650\text{ }^{\circ}\text{C}$ до $800\text{ }^{\circ}\text{C}$ длительностью от 15 до 45 мин в атмосфере аргона.

Исследования углеродных пленок были проведены методами атомно-силовой микроскопии (АСМ) и спектроскопии комбинационного рассеяния (КРС) (“Ntegra Spectra”), сканирующей электронной микроскопии (СЭМ) и рентгеновской энергодисперсионной спектроскопии (ЭДС) (“JEOL 7800F”), спектроскопии в ультрафиолетовой (УФ) и видимой областях (“Lambda 750S”) и инфракрасной (ИК) области (PerkinElmer “Spotlight 200i”). Измерения вольт-амперных характеристик проведены двухзондовым методом в диапазоне напряжений от -13 до $+13\text{ В}$. При проведении электрических измерений для формирования контактов использовалась серебряная паста, которая наносилась на поверхность пленок и высушивалась при температуре $120\text{ }^{\circ}\text{C}$ в течение 20 мин.

Результаты и обсуждение

Измерения толщин пленок проводились методом АСМ. На рис. 1а показана высота ступеньки на границе раздела синтезированной углеродной ($725\text{ }^{\circ}\text{C}$, 30 мин) и SiO_2 -подложки. Толщины других пленок находились в пределах от 40 до 70 нм в зависимости от времени обработки в плазме. На рис. 1б показан спектр комбинационного рассеяния света (КРС) для образца, термообработанного при $725\text{ }^{\circ}\text{C}$. В спектрах отчетливо проявляются D- и G- пики в окрестности частот 1350 см^{-1} и 1580 см^{-1} , соответственно.

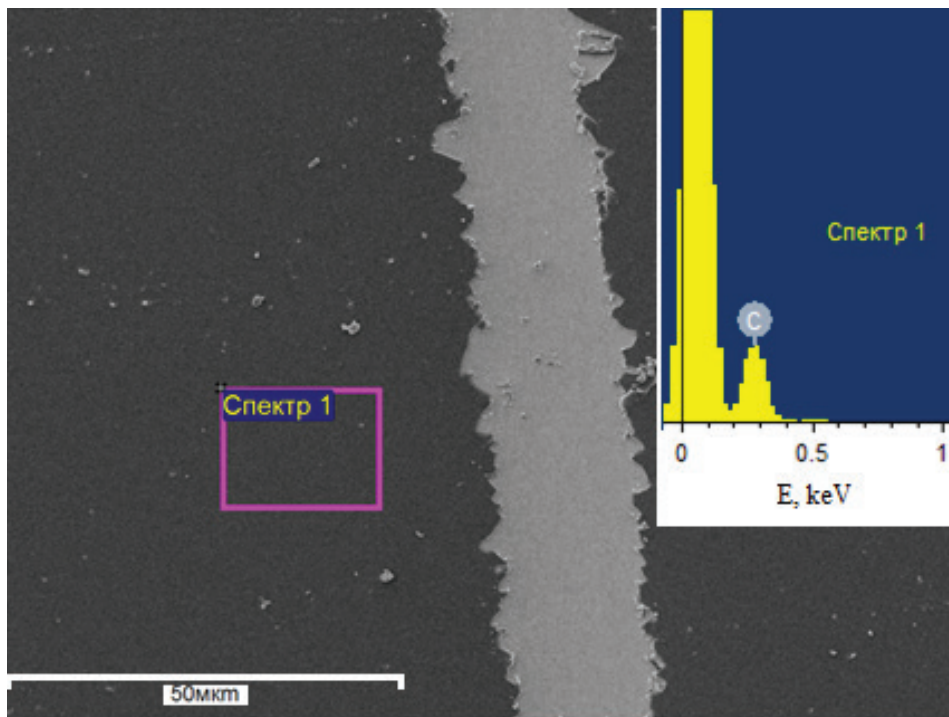
Природа данных пиков связана с наличием дефектов в плоской гексагональной структуре графена (D-пик) и «дыхательных» колебаний в ячейке графена (G-пик) [15, 16]. Появление этих полос в спектрах КРС подтверждает формирование кристаллической углеродной структуры по типу графита. Из отношения интегральных интенсивностей (I_D и I_G) этих пиков с помощью формулы, приведенной в [17, 18], следует:

$$L_a(\text{nm}) = 2,4 \times 10^{-10} \lambda_L^4 \left(\frac{I_D}{I_G} \right)^{-1}, \quad (1)$$

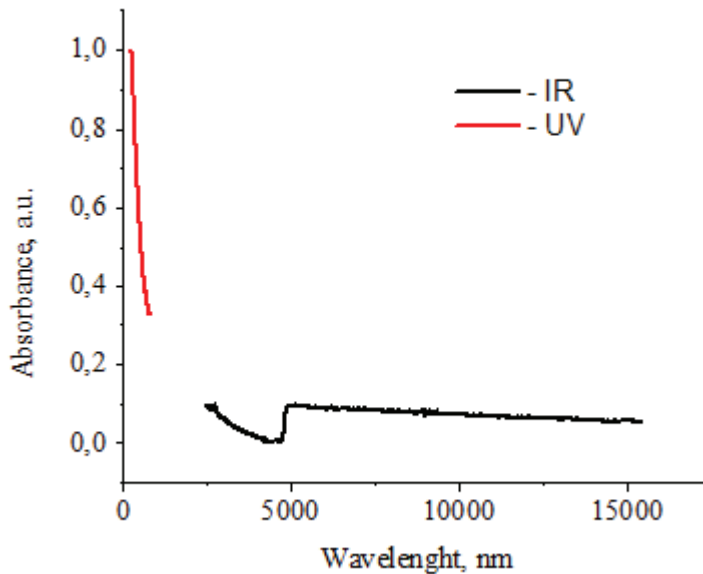
где λ_L – длина излучения лазера в нм, можно определить размеры графитовых нанокристаллов, из которых состоит кристаллическая структура пленки. Оценки показали, что размеры нанокристаллов графита лежат в пределах от 5 до 10 нм. Эти величины согласуются с ранее полученными результатами, определёнными из температурных зависимостей электропроводностей [19].

На рис. 2 представлено изображение поверхности углеродной пленки, термообработанной при $T = 650$ °С длительностью 30 мин, полученное методом СЭМ. Изображение показывает область царапины, проведенной для определения толщины плёнки. Исследование методом рентгеновской ЭДС показало, что в спектрах ЭДС (рис. 2) формируемая пленка практически на 100% состоит из атомов углерода. Исследование химического состава проведено в области, обозначенной на рис. 2 как «Спектр 1».

Результаты подтверждают полученные ранее результаты, что осаждением атомов углерода в плазме метана и последующей термообработкой в диапазоне от 650 °С до 750 °С можно получить поликристаллические углеродные структуры. При увеличении температуры до 800 °С углеродные пленки не формируются на поверхности SiO_2 (испаряются и спекаются с подложкой в процессе термообработки). Толщина синтезированных пленок зависит от времени экспозиции в плазме и условий термообработки (температуры и времени).

Рис. 2. Изображение поверхности углеродной пленки ($T = 650$ °С, 30 мин), полученной методом сканирующей электронной микроскопии. На вставке рисунка показаны спектры рентгеновской энергодисперсионной спектроскопии

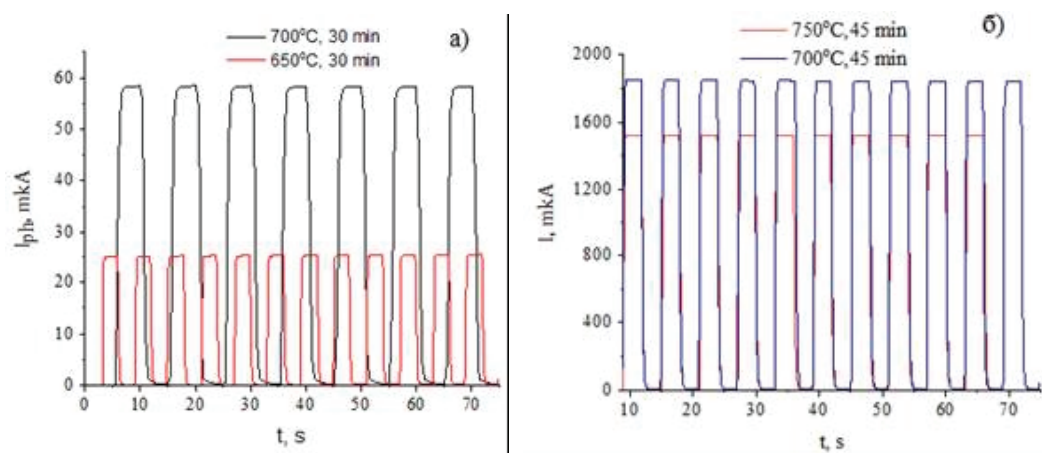
Рис. 3. Спектры поглощения углеродных пленок, сформированных на кварцевых подложках в плазме метана мощностью 200 Вт (6 мин) с последующей термообработкой при $T = 650\text{ }^{\circ}\text{C}$ длительностью 30 мин

Для измерения спектров поглощения в УФ, видимой и ИК-областях, были приготовлены углеродные пленки, сформированные на поверхности кварцевых подложек при таких же параметрах плазменной обработки и термообработанные при $T = 650\text{ }^{\circ}\text{C}$ в течение 30 мин. Результаты измерений представлены на рис. 3, из которых следует, что максимум поглощения образцов приходится на УФ-область на длины волн в окрестности $\sim 250\text{ nm}$ (рис. 3). В ИК-области происходит небольшой скачок поглощения в области $\sim 5 \cdot 10^3\text{ nm}$ и далее слабо спадает с увеличением длины волны. Вследствие широкого диапазона оптической чувствительности полученных пленок (от УФ до дальнего ИК) для исследования влияния освещения на электропроводность были использованы галогеновые лампы, излучающие в широком спектральном диапазоне. Из разности токов при включенном и выключенном освещении были рассчитаны величины фототока:

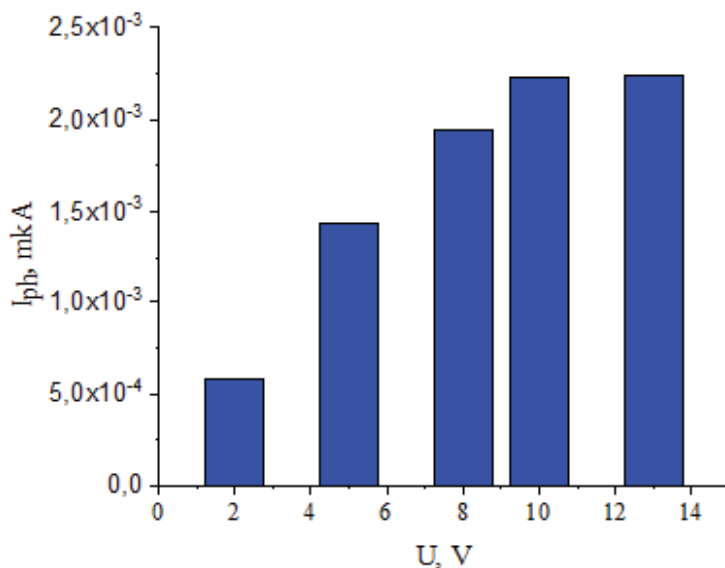
$$I_{ph} = I_L - I_D \quad (2)$$

где I_{ph} – величина силы тока при освещении, I_D – сила тока при отсутствии освещения (темновой ток). На рис. 4 показаны пульсации тока при включении и выключении освещения для образцов, подвергнутых постплазменной обработке при $T = 650\text{ }^{\circ}\text{C}$ и $T = 700\text{ }^{\circ}\text{C}$ в течение времени $t=30$ мин. Как видно из рисунка, пульсации фототока составляли в максимуме $\sim 58\text{ }\mu\text{A}$. При увеличении температуры термообработки до $T = 750\text{ }^{\circ}\text{C}$ величина фототока незначительно снижалась. В то же время при увеличении времени термообработки до 45 мин фототок значительно возрастал и достигал $\sim 1850\text{ }\mu\text{A}$ (рис. 4б). При проведенных исследованиях фототока на образцы подавалось напряжение 8 В. При изменении напряжения величина фототока также изменялась. На рис. 5 показаны зависимости фототока от напряжения.

Как видно из рисунка, значение фототока увеличивалось при повышении напряжения на образце до 10 В и составляет $\sim 2230\text{ }\mu\text{A}$ (рис. 5). При дальнейшем увеличении напряжения до $U=13\text{ V}$ I_{ph} достигает насыщения.

Рис.4. Зависимости изменения фототока при включении и выключении освещения для пленок, подвергнутых постплазменной термообработке при 650 °С и 700 °С в течение 30 мин (а) и 700 °С и 750 °С в течение 45 мин (б)

Рис. 5. Зависимости изменения фототока от напряжения для углеродных пленок, подвергнутых постплазменной термообработке при 700 °С в течение 45 мин.

Следует отметить, что время нарастания импульса (фронт импульса) фототока при включении освещения составляло $\sim 0,3$ с, время спада (срез импульса) – $\sim 0,25$ с, что несколько превышает время включения лампы накаливания (меньше 0,1 с) [20].

Наблюдаемую фоточувствительность синтезированных углеродных плёнок можно объяснить фотогенерацией носителей заряда (электронов и дырок) при освещении. Зависимость I_{ph} от напряжения обусловлена более эффективным разделением фотогенерируемых носителей заряда электрическим полем, возникающем при подаче напряжения на образец. За счет этого уменьшается интенсивность рекомбинационных

процессов электронно-дырочных пар, что приводит к увеличению фототока. Насыщение фототока при увеличении напряжения обуславливается тем, что практически все генерируемые при освещении носители заряда достигают электродов и дальнейшее его повышение не приводит к росту тока. Увеличение температуры постплазменной термообработки от 650 °С до 700 °С, так и времени обработки до 45 мин приводит к увеличению I_{ph} . Возможно, что это связано с более эффективным формированием упорядоченных кристаллических структур углерода на подложке SiO₂, что приводит к возрастанию фототока.

Заключение

Таким образом, из полученных результатов следует, что в тонких углеродных пленках, полученных методом плазменного осаждения и последующей термообработки, наблюдается зависимость фототока от освещения. Данный эффект объясняется фотогенерацией носителей заряда (электронов и дырок) при освещении. Зависимость I_{ϕ} от напряжения обусловлена более эффективным разделением фотогенерируемых носителей заряда электрическим напряжением. За счет этого уменьшается интенсивность рекомбинационных процессов электронно-дырочных пар. Полученные в ходе работы результаты позволяют сделать вывод, что синтезированные пленки могут быть использованы в качестве фотосенсоров дневного освещения.

Литература

1. Geim A. K. Graphene: status and prospects // *Science*. – 2009. – V. 324. – No 5934. – P. 1530–1534.
2. Chen Y., Xie Y., Yan X., Cohen M. L., Zhang S. Topological carbon materials: A new perspective // *Physics Reports*. – 2020. – V. 868. – P. 1–32.
3. Kumar R., Joanni E., Singh R. K., Singh D. P., Moshkalev S. A. Recent advances in the synthesis and modification of carbon-based 2D materials for application in energy conversion and storage // *Progress in Energy and Combustion Science*. – 2018. – V. 67. – P. 115–157.
4. Lee X. J. et al. Review on graphene and its derivatives: Synthesis methods and potential industrial implementation // *Journal of the Taiwan Institute of Chemical Engineers*. – 2019. – V. 98. – P. 163–180.
5. Kirchner E. M., Hirsch T. Recent developments in carbon-based two-dimensional materials: synthesis and modification aspects for electrochemical sensors // *Microchimica Acta*. – 2020. – V. 187. – № 8. – P. 1–21.
6. Kumar R., Joanni E., Singh R. K., Singh D. P., Moshkalev, S. A. Recent advances in the synthesis and modification of carbon-based 2D materials for application in energy conversion and storage // *Progress in Energy and Combustion Science*. – 2018. – V. 67. – P. 115–157.
7. Sankaran R. M. Plasma processing of nanomaterials / Boca-Raton, Florida: CPC Press, 2011. – P. 416.
8. Wang Q., Wang X., Chai Z., Hu W. Low-temperature plasma synthesis of carbon nanotubes and graphene based materials and their fuel cell applications // *Chemical Society Reviews*. – 2013. – V. 42. – No 23. – P. 8821–8834.
9. Chu P. K., Lu X. P. Low temperature plasma technology: methods and applications/ Boca-Raton, Florida: CPC Press, 2013. – P. 474.
10. Ивановский Г. Ф., Петров В. И. Ионно-плазменная обработка материалов // М.: Радио и связь. – 1986. – С. 232.
11. Кралькина Е. А. Индуктивный высокочастотный разряд низкого давления и возможности оптимизации источников плазмы на его основе // *Успехи физических наук*. – 2008. – Т. 178. – № 5. – С. 519–540.
12. Неустроев Е. П., Прокопьев А. Р. Свойства нанографита, образованного плазменным осаждением и последующей термообработкой / Межвузовский сборник научных трудов «Физико-химические аспекты изучения кластеров, наноструктур и наноматериалов». – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019. – Вып. 11. – С. 629–635.
13. Neustroev E. P., Popov V. I., Prokopiev A. R., Davydova Z. Y., Semenov S. O. Formation of nanographite on SiO₂ substrate by plasma deposition of carbon and subsequent annealing // *AIP Conference Proceedings*. – 2019. – V. 2179. – P. 020019 (1–8).

14. Неустроев Е. П., Прокопьев А. Р. Механизм проводимости нанографита, образованного осаждением в плазме метана и последующей термообработкой // *Радиоэлектроника, наносистемы, информационные технологии*. – 2019. – Т. 11. – № 3. – С. 315–320.

15. López-Díaz D., López Holgado M., García-Fierro J. L., Velázquez M. M. Evolution of the Raman spectrum with the chemical composition of graphene oxide // *The Journal of Physical Chemistry C*. – 2017. – V. 121. – No 37. – P. 20489–20497.

16. Wu J. B., Lin M. L., Cong X., Liu H. N., Tan P. H. Raman spectroscopy of graphene-based materials and its applications in related devices // *Chemical Society Reviews*. – 2018. – V. 47. – No 5. – P. 1822–1873.

17. Pimenta M. A., Dresselhaus G., Dresselhaus M. S., Cancado L. G., Jorio A., Saito R. Studying disorder in graphite-based systems by Raman spectroscopy // *Physical chemistry chemical physics*. – 2007. – V. 9. – No 11. – P. 1276–1290.

18. Beams R., Cançado L. G., Novotny L. Raman characterization of defects and dopants in graphene // *Journal of Physics: Condensed Matter*. – 2015. – V. 27. – No 8. – P. 083002.

19. Neustroev E. P., Prokopiev A. R., Popov V. I. Influence of Substrates on Conductivity of Thin Carbon Films Deposited by Methane Plasma and Subsequent Annealed // *Journal of Physics: Conference Series*. – IOP Publishing, 2020. – V. 1611. – No 1. – P. 012006.

20. Chitturi M. V., Benekohal R. F., Girianna M. Turn-On and Turn-Off Characteristics of Incandescent and Light-Emitting Diode Signal Modules // *ITE JOURNAL*. – 2005. – V. 69. – P. 69–72.

References

1. Geim A. K. Graphene: status and prospects // *Science*. – 2009. – V. 324. – No 5934. – P. 1530–1534.

2. Chen Y., Xie Y., Yan X., Cohen M. L., Zhang S. Topological carbon materials: A new perspective // *Physics Reports*. – 2020. – V. 868. – P. 1–32.

3. Kumar R., Joanni E., Singh R. K., Singh D. P., Moshkalev S. A. Recent advances in the synthesis and modification of carbon-based 2D materials for application in energy conversion and storage // *Progress in Energy and Combustion Science*. – 2018. – V. 67. – P. 115–157.

4. Lee X. J. et al. Review on graphene and its derivatives: Synthesis methods and potential industrial implementation // *Journal of the Taiwan Institute of Chemical Engineers*. – 2019. – V. 98. – P. 163–180.

5. Kirchner E. M., Hirsch T. Recent developments in carbon-based two-dimensional materials: synthesis and modification aspects for electrochemical sensors // *Microchimica Acta*. – 2020. – V. 187. – No 8. – P. 1–21.

6. Kumar R., Joanni E., Singh R. K., Singh D. P., Moshkalev, S. A. Recent advances in the synthesis and modification of carbon-based 2D materials for application in energy conversion and storage // *Progress in Energy and Combustion Science*. – 2018. – V. 67. – P. 115–157.

7. Sankaran R. M. Plasma processing of nanomaterials / Boca-Raton, Florida: CPC Press, 2011. – P. 416.

8. Wang Q., Wang X., Chai Z., Hu W. Low-temperature plasma synthesis of carbon nanotubes and graphene based materials and their fuel cell applications // *Chemical Society Reviews*. – 2013. – V. 42. – No 23. – P. 8821–8834.

9. Chu P. K., Lu X. P. Low temperature plasma technology: methods and applications/ Boca-Raton, Florida: CPC Press, 2013. – P. 474.

10. Ivanovskij G. F., Petrov V. I. Ionno-plazmennaya obrabotka materialov // *M.: Radio i svyaz'*. – 1986. – S. 232.

11. Kral'kina E. A. Induktivnyj vysokochastotnyj razryad nizkogo davleniya i vozmozhnosti optimizacii istochnikov plazmy na ego osnove // *Uspekhi fizicheskikh nauk*. – 2008. – T. 178. – No 5. – S. 519–540.

12. Neustroev E. P., Prokop'ev A. R. Svoystva nanografita, obrazovannogo plazmennym osazhdeniem i posleduyushchej termoobrabotkoj / *Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov «Fiziko-himicheskie aspekty izucheniya klasterov, nanostruktur i nanomaterialov»*. – Tver': Tver. gos. un-t, 2019. – Vyp. 11. – S. 629–635.

13. Neustroev E. P., Popov V. I., Prokopiev A. R., Davydova Z. Y., Semenov S. O. Formation of nanographite on SiO₂ substrate by plasma deposition of carbon and subsequent annealing // *AIP Conference Proceedings*. – 2019. – V. 2179. – P. 020019 (1–8).

14. Neustroev E. P., Prokop'ev A. R. Mekhanizm provodimosti nanografita, obrazovannogo osazhdeniem v plazme metana i posleduyushchej termooobrabotkoj // Radioelektronika, nanosistemy, informacionnye tekhnologii. – 2019. – T. 11. – № 3. – S. 315–320.
15. López-Díaz D., López Holgado M., García-Fierro J. L., Velázquez M. M. Evolution of the Raman spectrum with the chemical composition of graphene oxide // The Journal of Physical Chemistry C. – 2017. – V. 121. – No 37. – P. 20489–20497.
16. Wu J. B., Lin M. L., Cong X., Liu H. N., Tan P. H. Raman spectroscopy of graphene-based materials and its applications in related devices // Chemical Society Reviews. – 2018. – V. 47. – No 5. – V. 1822–1873.
17. Pimenta M. A., Dresselhaus G., Dresselhaus M. S., Cancado L. G., Jorio A., Saito R. Studying disorder in graphite-based systems by Raman spectroscopy // Physical chemistry chemical physics. – 2007. – V. 9. – No 11. – S. 1276–1290.
18. Beams R., Cançado L. G., Novotny L. Raman characterization of defects and dopants in graphene // Journal of Physics: Condensed Matter. – 2015. – V. 27. – No 8. – P. 083002.
19. Neustroev E. P., Prokopiev A. R., Popov V. I. Influence of Substrates on Conductivity of Thin Carbon Films Deposited by Methane Plasma and Subsequent Annealed // Journal of Physics: Conference Series. – IOP Publishing, 2020. – V. 1611. – No 1. – P. 012006.
20. Chitturi M. V., Benekohal R. F., Girianna M. Turn-On and Turn-Off Characteristics of Incandescent and Light-Emitting Diode Signal Modules // ITE JOURNAL. – 2005. – V. 69. – P.69–72.

Б. В. Яковлев

Гравитационное поле и космологическое расширение

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В фундаментальных теориях, где априори вводятся понятия пространства и времени, возникает противоречие. Согласно реляционной концепции пространства и времени, последние не должны рассматриваться отдельно от материи. Данная концепция обусловлена общей теорией относительности. Экспериментальные исследования, проведенные с целью проверки неравенства Белла доказали, что в фундаментальной структуре реальности имеет место квантовая нелокальность, т. е. некоторая целостная структура. Это означает, что каждая частица имеет некоторую таинственную связь с окружением, что также согласуется с реляционной концепцией пространства–времени. Поэтому при исследовании фундаментальной структуры реальности мы опирались на представление, согласно которому физическая реальность проявляется в результате наложений независимых систем. Это представление отличается тем, что оно согласуется с реляционной концепцией пространства-времени. В конце двадцатого столетия было обнаружено ускоренное расширение пространства нашей Вселенной. Это открытие способствовало появлению представления о наличии темной энергии. Ускоренное расширение пространства обусловлено законом возрастания энтропии замкнутой системы. На основе концепции наложения систем было определено условие замкнутости системы, из которого следуют закон возрастания энтропии и расширение пространства Минковского. В настоящей работе рассматривается гравитационное поле, индуцированное ускоренным расширением пространства по закону Хаббла. Показано, что при экспоненциальном расширении пространства индуцируется радиальное гравитационное поле. Расчеты показали, что это поле соответствует гравитационному полю равномерно распределенных по объему пространства источников поля. При этом каждый объект имеет массу и свойство, притягивающее другие объекты. Представлена космологическая модель вселенной, имеющая подобные объекты. В ней вселенная ограничена горизонтом событий и является замкнутой системой. Разработанная математическая модель позволяет рассчитать распределение гравитационного потенциала предложенной модели. Получена формула Эйнштейна $\langle\langle E_{qn} \rangle\rangle$, которая представляет потенциальную энергию объекта.

Ключевые слова: нелокальность, энтропия, второй закон термодинамики, темная энергия, ускоренное расширение пространства, закон Хаббла, замкнутая система, пространство Минковского, формула Эйнштейна, реляционная концепция пространства–времени, гравитационный потенциал.

DOI 10.25587/m9368-0528-0511-o

ЯКОВЛЕВ Борис Васильевич – д. ф.-м. н., профессор кафедры теоретической физики Физико-технического института СВФУ им. М.К. Аммосова.

YAKOVLEV Boris Vasilyevich – Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor of the Department Theoretical Physics Institute of Physics and Technology of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

B. V. Yakovlev

Gravitational field and cosmological expansion

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. In fundamental theories, where the concepts of space and time are introduced a priori, a contradiction arises. According to the relational concept of space and time, the latter should not be considered separately from matter. This concept is due to the general theory of relativity. Experimental studies carried out in order to check Bell's inequality have proved that quantum nonlocality takes place in the fundamental structure of reality, i.e. some holistic structure. This means that each particle has some mysterious connection with its environment, which is also consistent with the relational concept of spacetime. Therefore, in the study of the fundamental structure of reality, we relied on the idea that physical reality manifests itself as a result of the superposition of independent systems. This view differs in that it is consistent with the relational concept of space-time. At the end of the twentieth century, an accelerated expansion of the space of our universe was discovered. This discovery contributed to the emergence of the idea of the presence of dark energy. The accelerated expansion of space is due to the law of increasing entropy of a closed system. On the basis of the concept of superposition of systems, the condition of the closedness of the system was determined, from which the law of increasing entropy and expansion of the Minkowski space follow. In this paper, we consider the gravitational field induced by the accelerated expansion of space according to the Hubble law. It is shown that with the exponential expansion of space, a radial gravitational field is induced. Calculations have shown that this field corresponds to the gravitational field of field sources uniformly distributed over the volume of space. Moreover, each object has a mass and a property that attracts other objects. A cosmological model of the universe with similar objects is presented. In it, the universe is limited by the event horizon and is a closed system in it. The developed mathematical model allows calculating the distribution of the gravitational potential of the proposed model. Einstein's formula $E = mc^2$ is obtained, which represents the potential energy of an object.

Keywords: nonlocality, entropy, second law of thermodynamics, dark energy, accelerated expansion of space, Hubble's law, closed system, Minkowski space, Einstein's formula, relational concept of space-time, gravitational potential.

Введение

Основой математического аппарата квантовой механики является принцип суперпозиции. Наложение независимых систем описывается принципом суперпозиции. Поэтому исследование замкнутых систем имеет большое значение при изучении фундаментальной структуры физического мира. В работе [1] выявляется условие замкнутости системы, согласно которому определяется направление физических процессов, совпадающих с направлением возрастания энтропии процессов. Исследования, проведенные в [2] показали связь между законом возрастания энтропии замкнутых систем с принципом наименьшего действия и единство основ этих законов. Обобщение пространства Минковского [3] позволило связать классическую локализацию частицы в пространстве–времени с ее квантовой природой. То есть концепция, согласно которой проявление реальности происходит в результате наложения

независимых систем, объясняет ряд фундаментальных законов физики и согласуется с реляционной концепцией пространства–времени. Возникает естественный вопрос: как связаны эти законы с гравитацией? В настоящей работе рассматриваются эффекты, которые обусловлены космологическим расширением нашей Вселенной.

Обуславливает ли космологическое расширение закон всемирного тяготения?

Согласно предложенному в [3] представлению при переходах из одной подсистемы в другую внутри последней образуется пространство Минковского. При этом образованное пространство расширяется согласно закону Хаббла [1]. Известно, что ускоренное движение некоторой системы индуцирует внутри системы силы инерции. То же самое происходит при ускоренном расширении сферической поверхности. Например, если расширение сферы происходит с ускорением свободного падения, то на поверхности сферы гравитационное поле будет, как у земли. Можно показать, что радиальному расширению пространства по экспоненциальному закону [1]:

$$r(t) = r(0)e^{\chi t} \tag{1}$$

соответствует изотропное и однородное распределение источников поля в пространстве.

Из (1) имеем закон Хаббла:

$$\dot{r} = \chi r, \tag{2}$$

где $\dot{r}$ – скорость удаления галактики, r – расстояние до галактики, $\chi = c/R$ – постоянная Хаббла, c – скорость света в вакууме, R – наблюдаемый радиус Вселенной.

Согласно (1) и (2) вторая производная по времени от расстояния до объекта, т. е. ускорение расширения пространства, имеет линейную зависимость от расстояния – размера:

$$a = \frac{d^2 r}{dt^2} = \frac{dv}{dt} = \dot{r} = \chi^2 \cdot r. \tag{3}$$

Как видно из (3), расширение пространства происходит с ускорением. Возможно, с этим связано ускоренное разбегание галактик – эффект, с которым связывают наличие темной энергии во Вселенной [4].

Ускоренное расширение пространства обуславливает наличие радиального векторного поля a , которое, согласно принципу ле Шателье–Брауна [5], можно рассматривать как распределение напряженности гравитационного поля с источниками сил притяжения. Несложные вычисления с использованием теории поля показывают, что источниками поля являются некоторые объекты, распределенные равномерно, а именно:

$$a = -\nabla\varphi. \tag{4}$$

Воздействуя оператором дивергенции на (4)

$$\Delta\varphi = \text{div}\nabla\varphi = -\text{div}a = -\frac{1}{r^2} \frac{d}{dr} r^2 a = -3\chi^2, \tag{5}$$

получаем соотношение типа уравнения Пуассона, с равномерным распределением источников поля.

Сравнивая (5) с известным соотношением для потенциала гравитационного поля

$$\Delta\varphi = -4\pi\gamma\rho_0, \tag{6}$$

получаем

$$3\chi^2 = 4\pi\gamma\rho_0, \tag{7}$$

где γ – гравитационная постоянная, ρ_0 – средняя плотность масс во Вселенной. Полученное выражение для плотности:

$$\rho_0 = 3\chi^2 / 4\pi\gamma \quad (8)$$

– постоянная величина, возможно, с этим связан космологический принцип, согласно которому имеет место изотропность и однородность распределения масс в глобальном масштабе Вселенной [6].

Рассмотрим изотропную и однородную модель Вселенной. На некотором расстоянии r от точки наблюдения напряженность гравитационного поля равна

$$a = \chi^2 \cdot r = 4\pi\gamma\rho_0 r / 3. \quad (9)$$

Из-за сферической симметрии на поверхности сферы радиуса r напряженность гравитационного поля везде одинакова.

В теории поля сила, действующая со стороны поля на пробную частицу с массой m , равна произведению массы на напряженность поля, т. е.:

$$F = ma = m \frac{4\pi\gamma\rho_0 r}{3}, \quad (10)$$

Правую часть соотношения (10) умножаем и делим на r^2 и получаем закон всемирного тяготения:

$$F = m \frac{4\pi\gamma\rho_0 r^3}{3r^2} = \gamma \frac{M \cdot m}{r^2}, \quad (11)$$

где

$$M = \rho_0 V = \rho_0 \frac{4\pi r^3}{3} \quad (12)$$

масса частиц заключенных внутри объема шара радиуса r .

Таким образом, в изотропной и однородной Вселенной объекты обладают массой, которые являются источниками гравитационного поля, и имеют свойство притягивать другие объекты с массой.

Здесь мы рассмотрели прямую задачу определения гравитационного поля, т. е. решение сферически симметричного уравнения Пуассона с равномерно распределенными источниками поля. Однако обратная задача для уравнения Пуассона с определенным распределением напряженности гравитационного поля допускает множество решений для распределения источников поля. То есть неравномерное распределения масс тоже может создать аналогичное поле. Отметим, что однородность и изотропность распределения вещества в глобальном масштабе Вселенной согласуется с космологическим принципом.

Вывод формулы $E = mc^2$

Из закона Хаббла следует, что нашу Вселенную, ограниченную горизонтом частиц (событий), можно рассматривать как замкнутую систему. Области в Мире в целом, разделенные расстояниями больше размера горизонта частиц [7], не зависят друг от друга и являются изолированными системами. Вселенные, разделенные расстоянием $2R$, можно рассматривать как изолированные системы. Поэтому при составлении космологической модели будем учитывать это расстояние, т. е. на расстоянии R (R – горизонт частиц или радиус физически наблюдаемой части нашей Вселенной) от горизонта событий гравитационный потенциал нашей Вселенной должен равняться нулю (см. рис. 1).

Обозначим потенциал внутри Вселенной через φ_1 , вне Вселенной – φ_2 , тогда имеем:

$$\Delta\varphi_1 = -3\chi^2, \quad (13)$$

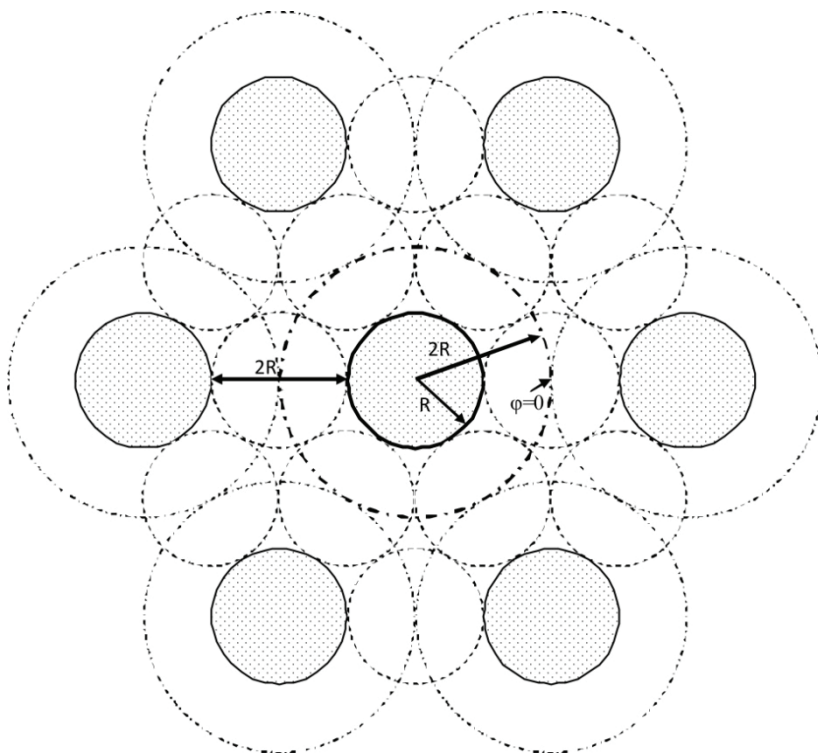

Рис. 1. Схема космологической модели Вселенной

$$\Delta\varphi_2 = 0, \tag{14}$$

с граничными условиями:

$$\varphi_1|_{r=R} = \varphi_2|_{r=R}, \tag{15}$$

$$\varphi_2|_{r=2R} = 0, \tag{16}$$

$$\frac{\partial\varphi_1}{\partial r}\Big|_{r=R} = \frac{\partial\varphi_2}{\partial r}\Big|_{r=R}, \tag{17}$$

которые следуют из непрерывности потенциалов и их первых производных, т. е. напряженностей гравитационного поля, и равенства нулю потенциала Вселенной на расстоянии $2R$ от центра нашей Вселенной (рис. 1).

Решения уравнения Пуассона (13) и уравнения Лапласа (14) имеют вид:

$$\varphi_1 = C_1 + \frac{C_2}{r} - \frac{\chi^2 r^2}{2}, \tag{18}$$

$$\varphi_2 = C_3 + \frac{C_4}{r}. \tag{19}$$

В силу непрерывности потенциала $C_2 = 0$.

Константы интегрирования C_1, C_3, C_4 определяются из граничных условий (15–17):

$$C_1 = \chi^2 R^2, \tag{20}$$

$$C_3 = -\frac{\chi^2 R^2}{2}, \tag{21}$$

$$C_4 = \chi^2 R^3. \tag{22}$$

Итак, получаем решение уравнений (13) и (14):

$$\varphi_1 = \chi^2 R^2 - \frac{\chi^2 r^2}{2}, \tag{23}$$

$$\varphi_2 = -\frac{\chi^2 R^2}{2} + \frac{\chi^2 R^3}{r}. \tag{24}$$

Около горизонта событий скорость расширения Вселенной стремится к скорости света c , из закона Хаббла в этом случае получаем:

$$R = \lim_{v \rightarrow c} r = \lim_{v \rightarrow c} \frac{v}{\chi} = \frac{c}{\chi}. \tag{25}$$

Отсюда

$$A = \chi R. \tag{26}$$

Подставляя (26) в решение (23) для потенциала Вселенной получаем выражение:

$$\varphi_1 = c^2 - \frac{\chi^2 r^2}{2}, \tag{27}$$

$$\varphi_2 = \frac{c^2 R}{r} - \frac{c^2}{2}. \tag{28}$$

На рис. 2 представлен график распределения потенциала Вселенной согласно (27) и (28).

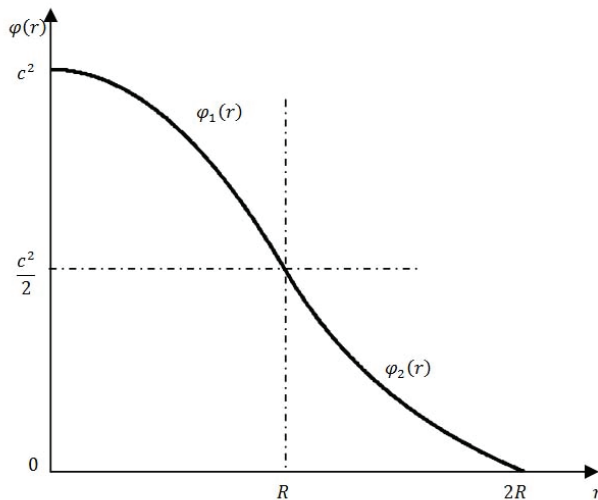

Рис. 2. Распределение потенциала Вселенной

Если рассматривается область, близкая к нашей галактике, то вторым членом в (27) можно пренебречь, т. к. $\chi \sim 10^{-18} \frac{1}{A}$. Тогда потенциал нашей Вселенной в этой области пространства будет равен:

$$\varphi_0 = c^2. \quad (29)$$

Отсюда получаем потенциальную энергию пробной частицы с массой m :

$$E = m\varphi_0 = mc^2. \quad (30)$$

То есть известную формулу Эйнштейна для энергии покоя частицы [8].

Заключение

Таким образом, с изолированностью нашей Вселенной, на наш взгляд, связаны не только космологическая стрела времени и закон возрастания энтропии Вселенной, но и наличие массы у тел. Последовательные переходы из одной подсистемы в другую в направлении возрастания количества возможных состояний приводят к возникновению в подсистеме однородного и изотропного пространства, однородного времени, т. е. пространства Минковского с объектами, имеющими массу. Другими словами, в результате этих переходов происходит проявление реальности.

Литература

1. Яковлев Б. В. Условие замкнутости системы. // Вестник СВФУ. – 2018. – № 5 (67). – С.65–71.
2. Яковлев Б. В. Физический смысл принципа наименьшего действия. // Вестник СВФУ. – 2019. – № 2 (70). – С.51–60.
3. Яковлев Б. В. Обобщение пространства Минковского. // Вестник СВФУ. – 2019. – № 3 (77). – С. 20–34.
4. Блинные С. И., Долгов А. Д. Космологическое ускорение // УФН, 2019. – Т. 189. – С. 561–602.
5. Ландау Л. Д., Лифшиц Е. М. Теоретическая физика. – Т. 5. – Статистическая физика. 1 ч. – М.:Физматлит, 1976. – 284 с.
6. Мизнер Ч., Торн К., Уилер Дж. Гравитация. – М.: Мир, 1977. – Т. 2. – С. 384.
7. Зельдович Я. Б., Новиков И. Д. Строение и эволюция Вселенной. – М.: Наука, 1975. – 736 с.
8. Ландау Л. Д., Лифшиц Е. М. Теоретическая физика. – Т. 2. – Теория поля. – М.: Физматлит, 2006.

References

1. Yakovlev B. V. Uslovie zamknutosti sistemy. // Vestnik SVFU. – 2018. – № 5 (67). – S.65–71.
2. Yakovlev B. V. Fizicheskij smysl principa naimen'shego dejstviya. // Vestnik SVFU. – 2019. – № 2 (70). – S.51–60.
3. Yakovlev B. V. Obobshchenie prostranstva Minkovskogo. // Vestnik SVFU. – 2019. – № 3 (77). – S. 20–34.
4. Blinnikov S. I., Dolgov A. D. Kosmologicheskoe uskorenije // UFN, 2019. – T. 189. – S. 561–602.
5. Landau L. D., Lifshic E. M. Teoreticheskaya fizika. – T. 5. – Statisticheskaya fizika. 1 ch. – M.: Fizmatlit, 1976. – 284 s.
6. Mizner CH., Torn K., Uiler Dzh. Gravitaciya. – M.: Mir, 1977. – T. 2. – S. 384.
7. Zel'dovich YA. B., Novikov I. D. Stroenie i evolyuciya Vselennoj. – M.: Nauka, 1975. – 736 s.
8. Landau L. D., Lifshic E. M. Teoreticheskaya fizika. – T. 2. – Teoriya polya. – M.: Fizmatlit, 2006.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.161.1

Э. М. Байдашева

Метафоры и терминологически устойчивые выражения с колоронимами в медицинской терминологии

Астраханский государственный медицинский университет, г. Астрахань, Россия

Аннотация. В данной статье рассматриваются термины-метафоры и терминологически устойчивые выражения с колоронимами в медицинской терминологии. Актуальность исследования автора определяется интересом к проблематике, связанной с теоретическим и практическим изучением метафорического термина и терминологически устойчивого выражения с колоронимами и их использования в языке медицины. Целью представленного исследования является изучение метафорических терминов и терминологически устойчивых выражений с колоронимами в медицинской терминологии. Материалом для исследования являлись цветовые наименования симптомов, органов и их частей, включенные в медицинские энциклопедические словари и справочники. Доказано, что метафорические термины способны выразить связь языка нации с языком науки за счет определения образов и ассоциаций, которые присущи метафоре. Рассмотрено, что метафоры и терминологически устойчивые выражения в медицине определяют свое значение с употреблением цветовых окрасок кожи, описания заболевания и симптомов болезни. Выявлено, что возможны различные типы сходства цвета и болезни в медицинской терминологии. Доказано, что каждый из метафорических терминов связан с другими терминами логическими и ассоциативными отношениями с помощью цвета. Термины-метафоры и терминологически устойчивые выражения придают особый смысл и уникальность медицинской терминологии. Рассмотрены метафоры и терминологически устойчивые выражения в медицине с колоронимами белого и красного цветов. Выявлено, что термины-метафоры и терминологически устойчивые выражения с колоронимами являются неотъемлемой частью лексики медицинской терминологии русского и английского языков.

Ключевые слова: метафора, колороним, терминология, терминосистема, термин, устойчивые выражения, медицинская терминология, словари-справочники, цветовые восприятия, симптом болезни.

DOI 10.25587/v2984-0960-8176-n

БАЙДАШЕВА Эльвира Максумовна – к. псих. н., доцент кафедры латинского и иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета.

E-mail: bem27@mail.ru

BAYDASHEVA Elvira Maksutovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Latin and foreign languages of Astrakhan State Medical University.

E. M. Bajdasheva

Metaphors and terminologically stable expressions with coloronyms in medical terminology

Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia

Abstract. This article discusses the terms-metaphors, terminologically stable expressions with coloronyms in medical terminology. The relevance of the author's research is determined by the interest in the problems related to the theoretical and practical study of the metaphorical term and terminologically stable expression with coloronyms and their use in the language of medicine. The purpose of this research is to study metaphorical terms and terminologically stable expressions with coloronyms in medical terminology. The material for the study was color names of symptoms, organs and their parts included in medical encyclopedic dictionaries and reference books. It is proved that metaphorical terms can express the connection between the language of a nation and the language of science by defining images and associations that are inherent in a metaphor. It is considered that metaphors and terminologically stable expressions in medicine determine their meaning with the use of skin colors, descriptions of the disease and symptoms of the disease. It is revealed that there are different types of similarity of color and disease in medical terminology. It is proved that each of the metaphorical terms is connected with other terms by logical and associative relations with the help of color and terms-metaphors and terminologically stable expressions give a special meaning and uniqueness in medical terminology. It is considered metaphors, terminologically stable expressions in medicine with coloronyms white and red. It is revealed that metaphor terms and terminologically stable expressions with coloronyms are an integral part of the vocabulary of medical terminology in Russian and English.

Keywords: metaphor, coloronym, terminology, term system, term, expressions, medical terminology, dictionaries and reference books, colour perception, a symptom of the disease.

Введение

В настоящее время терминология является неотъемлемым элементом профессионального общения людей, источником передачи информации, главным средством в разных сферах деятельности, в том числе и в медицине.

Терминология – это совокупность терминов в рамках определенного профессионального языка, но не простая совокупность, а именно система – терминосистема. Каждый термин занимает свое строго очерченное место, а все термины вместе так или иначе, прямо или опосредованно взаимосвязаны или взаимообусловлены [1].

Современная медицинская терминология – это система систем. Или макротерминосистема. Макротерминосистема состоит из множества пластов, в котором каждый пласт обслуживает отдельную медицинскую, биологическую, фармацевтическую науку или область знания [1].

Термины отличаются друг от друга как по структуре и семантике, так и по сфере применения. Один и тот же термин может употребляться в двух абсолютно разных областях знания с одной лишь разницей – смысловой составляющей. Слово в языке обычно многозначно, однако, попадая в определенную терминологию, оно приобретает точный смысл и становится однозначным.

Материалом для исследования являлись цветовые наименования симптомов, органов и их частей, включенные в медицинские энциклопедические словари и справочники.

Каждая историческая эпоха, отрасль науки или практической деятельности углубляет и обогащает представления о роли цвета в окружающем мире и жизни человека [2].

Важными, на наш взгляд, для понимания специфики термина являются работы А. А. Реформатского. Термины, по мнению А. А. Реформатского, «это слова, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и называние вещей» [3, с. 110-111]. А. А. Реформатский писал, что терминология как совокупность слов – это «слуга двух хозяев» – системы лексики и системы научных понятий» [3, с. 122]. В работах В. П. Даниленко приводится около двадцати определений термина, причем автор подчеркивает, что этот перечень может быть продолжен, и это подтверждено современными работами [2, 4–6] и др. По мнению многих ученых [2, 4, 7], это новая система взглядов на термин, терминосистему, терминосодержащие тексты разного характера. Термины являются ядром языков профессиональной коммуникации и принадлежат определенной терминосистеме.

Медицинская терминология включает в себя анатомическую, клиническую, фармацевтическую терминологию. Для медицинской терминологии характерно функционирование как слов русского, греческого и латинского происхождения, так и слов, возникших на почве западноевропейских языков [2].

Исследование медицинской терминологии показало, что «термин определяется как сложная и противоречивая единица языка, создающаяся в процессе научного творчества. Термины рассматриваются как быстро развивающийся пласт лексики, образующийся и изменяющийся в соответствии с развитием знаний» [8, с. 83]. Среди них присутствуют и лексические понятия с обозначением понятия «цвет».

Термины расширяют наши научные знания в разных областях. Развитие науки и технологий обуславливает растущую потребность в терминообразовании.

Отсюда можно сделать вывод о том, что дальнейшее изучение в области терминоведения будет сосредоточено на систематизации терминологической базы разных сфер деятельности.

Метафоры и терминологически устойчивые выражения с колоронимами в медицинской терминологии

Метафора (от греч. *metaphora* «перенос») – перенос названия с одного предмета на другой на основе какого-либо сходства их признаков.

Возможны различные типы сходства цвета и болезни в медицинской терминологии, например:

- 1) сходство названия болезней: бронзовый диабет – сахарный диабет;
- 2) сходство клинических болезней: синяя болезнь – синюха, белая асфиксия – синяя асфиксия;
- 3) сходство цвета: желтая лихорадка – желтая дистрофия печени; красная почка – красная печень.

При метафорическом переносе названия с одного предмета на другой на основе их сходства возникает переносное значение.

В словаре-справочнике А. П. Дьяченко насчитывается 60 и более метафорических и терминологически устойчивых выражений, обозначающих различные симптомы, синдромы, заболевания, которые встречаются в медицинской практике, а также методы их диагностики и лечения. При этом глаз человека способен различить во много раз больше цветов (до 100 000 оттенков).

Рассмотрим несколько метафор и терминологически устойчивых выражений в медицине с колоронимами (табл. 1).

Таблица 1

**Метафоры и терминологически устойчивые выражения
и их медицинские значения с колоронимами**

Метафоры и терминологически устойчивые выражения	Медицинские значения, взятые из медицинских словарей с колоронимами
Альбиотическое глазное дно	нормальное глазное дно с малым количеством пигмента; «дощечки» паркета напоминают многоугольники розового цвета различной формы и величины, а «щели» между ними образованы бледными артериальными сосудами
Амавротический кошачий глаз	отмечается при ретинобластоме сетчатки. При этом зрачок расширяется и светится желтым светом, особенно в сумерки.
Арлекина симптом	симптом, характерный для атрезии трехстворчатого клапана: при положении ребенка на боку половина тела, обращенная к кровати, приобретает розово-цианотичную окраску, противоположная половина тела бледнеет.
Бабочка	симметричные эритематозные высыпания, локализирующиеся на щеке и носу; характерны для системной красной волчанки.
Багровый вал	вид краев язвы, окруженной ярко-красной инфильтрированной кожей; наблюдается при бубновой форме чумы.
Багряница	так называют багровую окраску лица, наблюдающуюся у детей при геморрагическом васкулите.

Данные метафоры и терминологически устойчивые выражения в медицине определяют свое значение с употреблением цветовых окрасок кожи, описания заболевания и симптомов болезни.

Метафора запоминается быстро и прочно, например, при заболевании у пациента в стекловидном теле глаза наблюдается «золотой дождь», мы имеем в виду, что у пациента слезы имеют красноватый оттенок или иное выражение: у пациента симптом «кровавых слез» [9, с. 3].

Изучая медицинские словари, можно сделать вывод, что в метафорах или терминологически устойчивых выражениях часто употребляются синонимы в названиях болезни с белым цветом (табл. 2).

Перечисленные в таблицах примеры свидетельствуют о том, что зачастую недостаточно знать лишь основное общеупотребительное значение термина. Чтобы понять медицинский смысл того или иного термина-метафоры, нужно обладать определенными фоновыми знаниями медицины.

Колористические термины закрепляются за научным концептом обычно на первых этапах изучения какого-либо патологического явления, когда этиология и патогенез заболевания ещё неизвестны [6]. По мере углубления и расширения знаний о природе и течении болезни нередко появляются новые метафоры и терминологически устойчивые выражения в медицинской терминологии: мраморная болезнь – врожденный семейный остеосклероз; лимонно-желтый оттенок кожи – болезнь Адисона – Бирмера (цвет

Таблица 2

**Метафоры и терминологически устойчивые выражения
с белым цветом (термины-синонимы)**

Метафоры и терминологически устойчивые выражения с белым цветом (термины-синонимы)	Медицинские значения, взятые из словарей-справочников
Белая пневмония (син.: белое опеченение)	специфическая катарально-десквамационная пневмония, наблюдающаяся у нежизнеспособных или мертворожденных плодов с врожденным сифилисом. Название связано с тем, что гладкая поверхность разреза пораженного легкого имеет белый, беловато-серый цвет из-за обилия лейкоцитов и десквамационных альвеолоцитов.
Белое кровяное тельце (син.: лейкоцит)	термин используется в двух значениях: 1) клетка крови, принадлежащая гранулоцитарно-моноцитарному и лимфоцитарным росткам кроветворения; 2) при подсчете количества лейкоцитов крови: форменный элемент крови, имеющий ядро.
Белокровие (устар.; син.: лейкемия, лейкоз)	опухоль, которая возникает из кроветворных клеток и поражает костный мозг; характеризуется гиперплазией, анаплазией кроветворных органов соответственно морфологическому типу лейкоза.

бледной кожи при анемии), Красный мальчик (ребенок) или Золотой мальчик (ребенок) – патологическое состояние у детей раннего возраста при белковой недостаточности питания и с задержкой физического развития и т. д.

Перейдем к рассмотрению термина-метафоры *lens* (досл. линза) и ее русскоязычного эквивалента хрусталик глаза, которые имеют разные понятийные сферы и образы. Хрусталь представляет стекло прозрачного цвета. Глазной хрусталик – это прозрачная часть, расположенная в глазном яблоке. Следовательно, русский термин хрусталик глаза выражает перенос на основании признака цвета. Англоязычный термин, напротив, демонстрирует перенос на основании признака формы, а именно: сферической поверхности.

Анализируя медицинские словари [9–12 и т. д.], можно сделать вывод, что метафорические термины и терминологические выражения имеют ряд признаков заболеваний с колоронимом «красный» (табл. 3)

Для анализа были отобраны 200 медицинских терминов на русском языке и их аналоги на английском, медицинские термины греко-латинского происхождения, имеющие в своем составе колоронимы. При анализе медицинских словарей выявили следующие метафорические термины и терминологически устойчивые выражения с колоронимами: белый составляет 27,7%; красный – 25,3%; желтый – 15,3%; черный – 10,7%; зеленый – 8,5%; синий – 8,7%; розовый – 3,6%; коричневый – 1,8%.

Мы пришли к выводу, что в русско-английских и англо-русских медицинских словарях и словарях-справочниках [9, 11, 12] преобладают метафорические термины с белым и красным цветом. При этом восприятие цвета зависит от следующих параметров: оттенка, насыщенности и яркости.

Каждый из метафорических терминов связан с другими терминами логическими и ассоциативными отношениями с помощью цвета. Метафора соединяет эмоциональные

Метафорические термины и терминологически устойчивые выражения с красным цветом

Метафорические термины и терминологически устойчивые выражения с красным цветом	Медицинские значения, взятые из словарей-справочников.
Красная волчанка	Кожное заболевание с неясной этиологией; поражает в частности кожу лица: строго ограниченные красные пятна и атрофия на носу и по щекам, обычно в виде бабочки.
Красная лихорадка	Отчетливая гиперемия и одутловатость лица – клинические признаки лихорадки Денге.
Красная плесень	Вид грибков <i>Fusarium</i> , вызывающих фузарионивалетоксикоз (рвоту, диарею, головные боли, конвульсии).
Красный инфаркт	Инфаркт, при котором участок омертвления пропитан кровью, он темно-красный и хорошо отграничен.
Красные вены	Циркуляция светло-красной крови в венах коры головного мозга; визуальный признак избыточной перфузии.

и интеллектуальные сферы человеческого восприятия. В медицинской терминологии метафорические термины и терминологически устойчивые выражения углубленно передают и описывают симптомы заболевания, используя лечебные цвета.

Заключение

Термины-метафоры и терминологически устойчивые выражения придают особый смысл и уникальность медицинской терминологии. За счет метафоризации терминов каждый язык приобретает свой неповторимый стиль и создает все условия для осуществления доступной коммуникации между сотрудниками и персоналом, работающим в области медицины. Многообразие лексических и языковых особенностей, присущих метафорическим терминам, свидетельствует о том, что метафора является неотъемлемой частью лексики медицинской терминологии русского и английского языков.

Литература

1. Фрумкина Р. М. Психолингвистические аспекты изучения цвета. – М.: Наука, 1984. – С. 232.
2. Маджаева С. И., Байдашева Э. М. Термины с компонентом цветообозначения в языке медицины // Научные ведомости БелГУ. – Серия: Гуманитарные науки. – Белгород, 2019. – Т. 38. – № 2. – С. 219–226.
3. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1867.
4. Лейчик В. М. Динамика термина (три возраста) // *Nonmultum, sedmulta*: немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: сб. науч. тр. в честь В. Ф. Новодрановой / редкол. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков. – М.: Авторская академия, 2010. – С. 351–359.
5. Мишланова С. Л. Когнитивный аспект мед. коммуникации // Теории коммуникации и прикладная коммуникация: сб. науч. тр. / под общей ред. И. Н. Родиной. – Ростов-н/Д, 2002. – С. 91–98.
6. Байдашева Э. М. Лексико-семантическое поле «цвет» в языке медицины // Гуманитарные исследования. – 2019. – № 2 (70). – С. 21–22.

7. Новодранова В. Ф. Редукция как способ материализации концептов (на материале медицинской терминологии) // Язык медицины. Межвузовск. сб. научных труд. – Самара, 2004. – С. 8–14.
8. Павлюченкова Т. А. Прилагательные со значением цвета в языке русских былин: автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 15 с.
9. Дьяченко А. П. Метафоры и терминологически устойчивые выражения в медицине: словарь-справочник. – Минск: Новое знание, 2003. – 428 с.
10. Мультиановский М. П., Иванова А. Англо-русский медицинский словарь. – М., 1958. – 635 с.
11. Англо-русский медицинский энциклопедический словарь (дополненный перевод 26-го издания Стедмана). – М.: ГЭОТАР-Медицина. – 2003.
12. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – 4-е изд., стереотипное. – М.: КомКнига. – 2007.
13. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке / Отв. ред. В. П. Филин. – М., 1975. – 288 с.
14. Бекишева Е. В. Формы языковой репрезентации гносеологических категорий в клинической терминологии: дис. ... д-ра филол. – М., 2007.
15. Борисова Д. Н. К проблеме выбора термина для названия форм цветообозначения в языке // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Вып. 23. – № 21(122). – 2008. – С. 32–37.
16. Василевич А. П. Исследования лексики в психолингвистическом аспекте на материале цветообозначений в языках разных систем / Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Наука. – 1987. – 243 с.
17. Гладкова Е. С. Лингвокультурный аспект цветообозначений // Молодой ученый. – 2016. – № 19. – С. 553–556.
18. Розен Е. В. Цветообозначение в составе лексики и фразеологии // Как появляются слова. – М., 2000. – С. 107–121.
19. Чернявский М. Н. Латинский язык и основы медицинской терминологии: учебник. – М.: ЗАО Шико, 2015. – 448 с.
20. Новый большой англо-русский словарь. В 3-х т. / Под общим рук. Ю. Д. Апресяна. – 5-е изд. стереотип. – М.: Рус.яз., 2000.
21. Русско-английский словарь / Под. ред. Р. С. Даглиша. – 8-е изд. стереотип. – М.: Рус.яз., 1991.

References

1. Frumkina R. M. Psiholingvističeskie aspekty izučeniya cveta. – М.: Nauka, 1984. – S. 232.
2. Madzhaeva S. I., Bajdasheva E. M. Terminy s komponentom cvetooznačeniya v yazyke mediciny // Nauchnye vedomosti BelGu. – Seriya: Gumanitarnye nauki. – Belgorod, 2019. – T. 38. – № 2. – S. 219–226.
3. Reformatskij A. A. Termin kak chlen leksičeskoj sistemy yazyka // Problemy strukturnoj lingvistiki. – М.: Nauka, 1867.
4. Lejchik V. M. Dinamika termina (tri vozrasta) // Nonmultum, sedmulta: nemnogo o mnogom. U kognitivnyh istokov sovremennoj terminologii: sb. nauch. tr. v chest' V. F. Novodranovoj / redkol. E. S. Kubryakova, V. Z. Dem'yankov. – М.: Avtorskaya akademiya, 2010. – S. 351–359.
5. Mishlanova S. L. Kognitivnyj aspekt med. kommunikacii // Teorii kommunikacii i prikladnaya kommunikaciya: sb. nauch. tr. / pod obščej red. I. N. Rodinoj. – Rostov-n/D, 2002. – S. 91–98.
6. Bajdasheva E. M. Leksiko-semantičeskoe pole «cvet» v yazyke mediciny // Gumanitarnye issledovaniya. – 2019. – № 2 (70). – S. 21–22.
7. Novodranova V. F. Redukciya kak sposob materializacii konceptov (na materiale medicinskoj terminologii) // Yazyk mediciny. Mezhvuzovsk. sb. nauchnyh trud. – Samara, 2004. – S. 8–14.
8. Pavlyuchenkova T. A. Prilagatel'nye so značeniem cveta v yazyke russkih bylin: avtoref. ... kand. filol. nauk. – М., 1984. – 15 с.
9. D'yachenko A. P. Metaforы i terminologičeski ustojčivye vyrazheniya v medicinine: slovar'-spravochnik. – Minsk: Novoe znanie, 2003. – 428 s.
10. Mul'tanovskij M. P., Ivanova A. Anglo-russkij medicinskij slovar'. – М., 1958. – 635 s.

11. Anglo-russkij medicinskij enciklopedicheskij slovar' (dopolnennyj perevod 26-go izdaniya Stedmana). – М.: GEOTAR-Medicine. – 2003.
12. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – 4-e izd., stereotipnoe. – М.: KomKniga. – 2007.
13. Bahilina N. B. Istoriya cvetooboznachenij v russkom yazyke / Otv. red. V. P. Filin. – М., 1975. – 288 s.
14. Bekisheva E. V. Formy yazykovoj reprezentacii gnoseologicheskikh kategorij v klinicheskoj terminologii: dis. ... d-ra filol. – М., 2007.
15. Borisova D. N. K probleme vybora termina dlya nazvaniya form cvetooboznacheniya v yazyke // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie. – Вып. 23. – № 21(122). – 2008. – С. 32–37.
16. Vasilevich A. P. Issledovaniya leksiki v psiholingvisticheskom aspekte na materiale cvetooboznachenij v yazykah raznyh sistem / Otv. red. V. N. Teliya. – М.: Nauka. – 1987. – 243 s.
17. Gladkova E. S. Lingvokul'turnyj aspekt cvetooboznachenij // Molodoj uchenyj. – 2016. – № 19. – С. 553–556.
18. Rozen E. V. Cvetooboznachenie v sostave leksiki i frazeologii // Kak povlyayutsya slova. – М., 2000. – С. 107–121.
19. Chernyavskij M. N. Latinskij yazyk i osnovy medicinskoj terminologii: uchebnyk. – М.: ZAO Shiko, 2015. – 448 s.
20. Novyj bol'shoj anglo-russkij slovar'. V 3-h t. / Pod obshchim ruk. Yu. D. Apresyana. – 5-e izd. stereotip. – М.: Rus.yaz., 2000.
21. Russko-anglijskij slovar' / Pod. red. R. S. Daglisha. – 8-e izd. stereotip. – М.: Rus.yaz., 1991.

УДК 801.73

А. Т. Бактыбаева

Специфика воплощения философско-юмористического мироощущения в творчестве Б. Каирбекова

Казахский национальный медицинский университет им. С. Асфендиярова, г. Алматы, Казахстан

Аннотация. Цель статьи – проанализировать специфику воплощения философско-юмористического ощущения в творчестве современного казахстанского писателя и поэта. Научная новизна заключается в том, что впервые поэзия и повесть-воспоминание Б. Каирбекова анализируются как единый текст. Использование историко-функционального, типологического, структурно-семантического методов анализа научно-исследовательской литературы позволили проанализировать различные дефиниции понятия «философско-юмористическое мироощущение». Полученные результаты показали, что авторское философско-юмористическое мировидение воплощено, во-первых, посредством смеховой стихии, причем смех становится эмоционально-эстетической настроенностью, определенной формой поведения, которая «материализует» ее посредством диалога с элементами иронии, саркастических образов, доброго юмора. Во-вторых, с помощью авторской маски, носителем которой становится лирический герой: именно он и творец, и персонаж, мыслящий и фантазирующий от собственного лица, исповедующийся перед читателем. Одним из основных способов передачи философско-юмористического мироощущения стала самоирония поэта, которая описывает переживаемые им чувства. Эти эмоции представляют собой иронический сплав осмеяния и осуждающей оценки. Представленные и описанные выводы могут стать основой для написания статьи в учебниках или учебных пособиях по истории русскоязычной литературы Казахстана, а также при издании и комментировании произведений Бахыта Каирбекова.

Ключевые слова: Б. Каирбеков, русскоязычная литература Казахстана, философско-юмористическое ощущение, ирония, сарказм.

DOI 10.25587/x0318-4700-2716-b

БАКТЫБАЕВА Аннель Тлеумагамбетовна – к. филол. н., доцент кафедры языковых дисциплин Казахского национального медицинского университета им. С. Асфендиярова, докторант Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

E-mail: smile_1713@mail.ru

BAKTYBAEVA Annel Tleumagambetovna – PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Language Disciplines of Kazakh National Medical University named after S. Asfendiyarov, Doctoral student of the National Research Mordovian State University named after N. P. Ogarev.

A. T. Baktybaeva

The specificity of the embodiment of the philosophical and humorous attitude in the work of B. Kairbekov

Kazakh National Medical University named after S. Asfendiyarov, Almaty, Kazakhstan

Abstract. The purpose of the article is to analyze the specifics of the embodiment of philosophical and humorous feelings in the work of a modern Kazakh writer and poet. The Scientific novelty lies in the fact that for the first time B. Kairbekov's Poetry and story-memoir are analyzed as a single text. The use of historical-functional, typological, structural-semantic methods of analysis of research literature allowed us to analyze various definitions of the concept of "philosophical and humorous worldview". The results obtained showed that the author's philosophical and humorous worldview is embodied, first, through the element of laughter, and laughter becomes an emotional and aesthetic mood, a certain form of behavior that "materializes" it through dialogue with elements of irony, sarcastic images, good humor. Secondly, with the help of the author's mask, the bearer of which becomes a lyrical hero: it is he who is the creator, and the character who thinks and fantasizes from his own face, speaking out and confessing to the reader. One of the main ways to convey a philosophical and humorous worldview was the poet's self-irony, which describes the feelings he experienced. These emotions are an ironic fusion of ridicule and judgmental evaluation. The presented and described conclusions can become the basis for writing an article in textbooks or textbooks on the history of Russian-language literature in Kazakhstan, as well as for publishing and commenting on the works of Bakhyt Kairbekov.

Keywords: B. Kairbekov, Russian-language literature of Kazakhstan, philosophical and humorous feel to it, irony, sarcasm.

Введение

Литературная ситуация конца XX – начала XXI вв. актуализировала культурно-исторические проблемы, которые проявляются в оппозиции мир – человек. По мнению К. Лоренца, мир сущий, все явления, его составляющие, делятся «на пары противоположностей – это врождённый принцип упорядочения, априорный принудительный шаблон мышления, присущий человеку с древнейших времён» [1]. Подобное сопоставление мира – человека имеет общезначимую природу и вневременной характер. Она охватывает различные области человеческого бытия. Ю. М. Лотман, рассуждая о культуре созвучно австрийскому ученому, подчеркивает, что культура как таковая берет свое начало «разбиения мира на внутреннее (свое) и внешнее (их), которые предстают соответственно как космос и хаос» [2, с. 175-176]. Одна из основных характеристик своего или чужого мира – смех как проявление комического, одно из ключевых его воплощений.

В статье мы придерживаемся позиции литературоведов, согласно которой толчком к появлению комического в художественном тексте становится противоречие или несоответствие. Именно это способствует появлению своеобразной конфликтной ситуации. Одним из способов ее разрешения может быть особая человеческая реакция – смех. При этом смех может являться составной частью, а иногда и целым мировоззрением, которое определяет и от которого зависят бытующие в тот или иной исторический период воззрения на реальность – «части культуры» [3, с. 204].

С этим мнением солидарны А. Б. Есин и Т. А. Касаткина. Согласно их позиции, юмор, сатира, ирония и другие виды комического – эмоционально-ценностные ориентиры, которые являются показателем реальной позиции человека по отношению к окружающему его миру. При этом конкретные ценности могут принимать различные

варианты в зависимости от своеобразия исторического периода времени, от специфики культуры многих народов, от их социокультурного положения [4]. Такой взгляд получил свое дальнейшее развитие в исследованиях современных литературоведов, в частности, Н. С. Выгон. Она считает, что комическое – это важное и неперемное условие, которое оказывает существенное влияние на философско-эстетическое осознание мира и человека в нем [5]. Исследовательница подчеркивает, что одним из современных видов комического является юмор. Именно он создает своеобразное философско-юмористическое мироощущение, которое со временем становится типом художественного понимания [5].

Подобная точка зрения Н. С. Выгон базируется на анализе трудов классиков отечественного литературоведения, в которых уделялось внимание различным аспектам смеха, комического – М. Бахтина, Д. Лихачева, В. Проппа и др. Более того, литературовед подчеркивает, что на протяжении практически всей истории человечества «комическое – это характерный и самодостаточный универсум, которому присущи свои пространственные, хронологические, причинно-следственные и иные свойства, контрастные признакам “серьезного” мира» [5, с. 15].

Подобное философско-юмористическое мироощущение представлено в творчестве современного казахстанского русскоязычного поэта Бахыта Каирбекова. Творчество писателя, поэта, эссеиста Б. Каирбекова опирается на его жизненный и писательский опыт. Его произведения «Осенний диалог», (1978), «Глагол жить» (1982), «За живую водой» (1986), «За решеткой строк» (1996), «Части целого» (1998) – это единство духовных поисков поэта, переводчика, философа, режиссера. Оговоримся, что творческое наследие Б. Каирбекова неоднократно становилось предметом анализа филологов. Так, например, С. К. Серикова анализирует адресатов в лирике поэта. Она отмечает, что местоимения «ты» и «вы» являются опорными в смысловых блоках: любовь, дружба, город и т. д. [6]. Адресатами у Каирбекова, как справедливо замечает исследовательница, могут быть родной город, вещественный или собирательный образ адресата, реальный, т. е. состоящий из близких людей поэта, автокоммуникативный адресат и др.

Ж. Х. Салханова изучает своеобразие жанра эссе в творчестве Бахыта Каирбекова на примере анализа структуры и содержания двух эссе «Лик Времени – Движение Луча», «Беркут – птица счастья» [7]. По мнению исследовательницы, биография поэта – синтез разнообразных видов творческой деятельности, поэтому его обращение к этому жанру вполне оправданно. Эссеистике Бахыта Каирбекова свойственна фрагментарность построения текста, свобода плавного, практически незаметного переключения от одной темы к другой, перенесение на первый план не всей темы повествования, а главного постулата, описание наблюдения, примеров, ощущений для подтверждения основной мысли текста [7]. Размышления поэта-философа представлены сквозь призму сознания лирического героя-кочевника. Ф. К. Исенова, Н. Б. Бейсенова анализируют поэтические произведения Б. Каирбекова с точки зрения функционирования в них концепта «трава» [8]. Они выделяют такие составляющие данного понятия: «жгучих трав родная горечь», «полынный ветер», «мир кочевья – родного уюта», «колыбельный звон», «кузнечиков тревожный перезвон», «обожженный бесстрастный простор», «высота степного неба».

В. В. Бадиков в статье «Стенография души Бахыта Каирбекова» подчеркивает, что если читать подряд его сборники произведений, то несмотря на большое количество его многожанровой поэзии с большой долей вероятности будет проступать стремление к «лирическому сгустку», похожему на афоризм, уходящего своими корнями в славное литературное наследие Абая и Басе, Такубоку и Превера [9, с. 176].

Наше исследование поэзии и повести Б. Каирбекова как единого текста сквозь призму отражения в них философско-юмористического мироощущения писателя

отличается актуальностью в контексте пристального внимания литературоведов к его творчеству: именно подобный анализ позволит сделать выводы о специфике авторского мировоззрения, средствах его репрезентации в творчестве Б. Каирбекова.

Задачами нашего исследования становятся, во-первых, осмысление того, как философско-юмористическое мироощущение воплощается в художественной структуре стихотворений и воспоминаний автора; во-вторых, изучение своеобразия поэтики казахстанского поэта конца XX – начала XXI вв., ключевыми особенностями которой являются юмор, ирония, сатира.

Методы исследования

Своеобразие поэтического и мемуарного текста, цель и задачи статьи позволили нам использовать комплекс таких методов, как историко-функциональный, типологический, структурно-семантический. Практическая значимость заключается в том, что представленные результаты и конкретные выводы могут стать основой для написания статьи в учебниках или учебных пособиях по истории русскоязычной литературы Казахстана, а также при издании и комментировании произведений Б. Каирбекова.

Обсуждение

Прежде чем анализировать произведение Б. Каирбекова в заданном ракурсе, поясним используемый нами терминологический аппарат. Напомним, что А. Шопенгауэр, рассматривая проблемы смеха, комического, небезосновательно указывал на существующую в немецкой литературной критике терминологическую путаницу, связанную с неверным использованием и нередкой подменой понятий «юмористическое» и «комическое». Ученый указывал, что причиной этого становится отнюдь не «жалкое стремление давать вещам более значительное название, чем им подобает, т. е. название более высокого ранга: так, каждая гостиница именуется отелем, каждый меняла – банкиром <...> а, следовательно, и каждый шут – юмористом» [10, с. 188-189]. Поэтому в настоящей статье мы будем придерживаться мнения Н. С. Выгон и под философско-юмористической спецификой комического будем понимать юмористическое мироощущение как своеобразный вид художественного сознания. Такому сознанию характерна своя философско-эстетическая система, которая выражается и на уровне структуры художественного текста, и на уровне жанра и стиля. Подобное выражение характеризует позицию поэта или писателя не только по отношению к культурным традициям, но и другим видам комического.

Важная черта поэтики творчества Б. Каирбекова – эстетический эффект непредсказуемости. Вот как, например, он описывает случай, когда после не совсем удачной аттестации в Литературном институте его поддержал Лев Озеров: «Все, что я сказал там о тебе – всего лишь аванс, который ты должен оправдать в следующем году. Если ты не подготовишь к публикации цикла стихов, то я не смогу тебя защитить на второй аттестации. А пока говорить о тебе так мне позволило то, что ты выдал за этот год... Он сделал паузу. Я приготовился услышать похвалу в свой адрес... – Ты обрадовал меня одной хорошей рифмой: аромат – аргамак. Не поэмой, не стихом и даже не строфой, всего лишь рифмой! Я был сражен окончательно...» [11, с. 367].

На наш взгляд, в процитированном фрагменте наглядно представлен автобиографизм как своеобразный принцип умения посмотреть на себя «со стороны» [12, с. 22-23], причем писатель нередко прибегает к вкраплению автобиографических элементов в сугубо художественное повествование. Прием этот нацелен на то, чтобы ненавязчиво подчеркнуть, что автогерой (авторская маска поэта) – это тот самый персонаж произведений, который содержит в себе не только автобиографическую составляющую, но и является носителем авторского мировидения, миросозерцания, не без иронии изображает и мир окружающий, и себя самого.

Самоирония – один из основных приемов философско-юмористической прозы писателя. Он, осознавая несовершенство мира, вовсе не отвергает его, а, наоборот,

юмористически принимает мир и человека в нем. Иронический взгляд молодого поэта на окружающую его действительность, юмористическое описание страха перед преподавателями – «известными всей стране профессорами и писателям» и чувство стыда, от которого «я готов был провалиться сквозь землю вместе с колченогим скрипучим стулом, который на тот момент был почище электрического» [11, с. 366], являются средством передачи философско-юмористического взгляда на мир и способом гармонизации окружающей действительности.

Наш прадед осознал, что мир двулик,
И радость не бывает без печали... [11, с. 60]

Как со всей очевидностью следует из приведенного нами стихотворного фрагмента, концепт «радость» здесь составляет оппозиционную категорию «печали». При этом исследователи уже неоднократно обозначали их одними из базовых категорий культуры вообще, наряду с концептами любовь – ненависть, жизнь – смерть и т. д. В русском языке слово «радость» используют при описании положительного эмоционального состояния. Данная эмоция очень важна для человека. На сегодняшний день это слово мы используем в таких значениях, как 1) чувство, которое появляется в результате внутреннего комфорта, удовлетворения; 2) то или тот, что или кто, которые являются источником положительного ощущения и тем самым обеспечивают хорошее самочувствие, дарят счастье; 3) причина или условие, которое становится причиной возбужденного состояния; 4) доброе или приветливое обращение [13, с. 593].

На наш взгляд, в процитированном фрагменте радость – это само чувство, которое имеет положительную семиотичность эмоции [14]. Этой эмоции противопоставляется печаль. Печаль – это общее оценочное понятие, которое обозначает неблагоприятные стороны человеческой жизни и деятельности. Чаще всего печаль надо ограничить или преодолеть. В толковых словарях русского языка «печаль» – это состояние глубокой душевной горечи, в качестве синонимичных понятий выступает «скорбь», «несчастье», «чувство грусти» [13, с. 129].

Подобное противопоставление было описано еще философами в Античности. В их трудах «радость – возвышенное чувство», которое должен испытать каждый человек, а не то «глубокая печаль» настигнет тех, кто не будет соблюдать нравственные нормы и законы.

«Машина мчит, – а, кажется, стоит на месте...» [11, с. 52], – иронически пишет Каирбеков, воплощая иронию при помощи оппозиции (машина мчит – машина стоит). Напомним здесь, что ирония – тип комического, в содержании которого плавно переплелись осмеяние и осуждающая оценка. В данном случае она граничит с тонкой, скрытой насмешкой. Комический эффект появляется как результат того, что говорится прямо противоположное подразумеваемому [15]. Ирония, используемая Каирбековым, подчёркивает особенность машины, а точнее того, что ей недостает – скорости. Применяя данный вид иносказания, автор акцентирует внимание на отсутствии данной технической характеристики машины. Как подчеркивает А. А. Щербинина, важная составляющая иронии – намерение не показать настоящее значение сказанного, а завуалировать для того, чтобы это можно было почти с легкостью понять [16, с. 25].

«Бойцу-петуху
Он – символ Солнца и Огня!
Увы, забыв о чести прежней,
Он битвы жаждою объят,
Своей отвагой публику потешит.
Так заразительно бесстрашен,
Красив – в безумии своем!
Он – зеркало убогой жизни нашей,
В нем – в гладиаторе – себя мы узнаем» [11, с. 60].

На наш взгляд, в этом стихотворении для передачи философско-юмористического отношения к миру автор использует сарказм, который выражает более сильную эмоцию – негодование, презрение. Сарказм здесь используется не для того, чтобы рассмешить читателя, а для того, чтобы показать негодование и возмущение «убогой жизнью». Смех в стихотворении позволяет нам акцентировать внимание на, казалось бы, «незначительных» деталях, которые как раз таки используются для передачи как безобидной иронии над прозой жизни, так и едкой саркастической критики. Параллелизм «он и мы» и их взаимозаменяемость – это также способ конструирования авторской маски как средства саркастического самовыражения для передачи читателю непривычного видения окружающего их мира.

Название стихотворения «Бойцу-петуху» передает читателю игриво-ироничное настроение. Своеобразие заголовка настраивает на некую игру. С одной стороны, всем хорошо известна характерная черта петуха – его решимость, боевой характер. Неслучайно молодые люди еще с древних времен часто отождествляли себя с петухами. Как отмечает антрополог К. Гирц, петух – это персонифицированная метафора самого себя, хозяина [17]. Петушьи бои – это игровой вид, бои в игровой форме между людьми разных деревень или общин с целью предотвращения настоящей войны: «вы возбуждаете вражду и соперничество деревенских и родственных групп, но в «игровой» форме» [17]. Для балийца петух – это персонифицированная метафора. Неслучайно язык представителей мужской половины населения Бали пронизан петушьями образами и сравнение с ним для мужчин этого острова – наилучшая похвала [17, с. 66]. С другой стороны, петух олицетворяет собой легкомысленный, слабохарактерный и самоуверенный тип, который не прислушивается к наставлениям опытных людей и старается все делать по-своему. И здесь, на наш взгляд, вновь появляется мотив двойственности. Образ петуха – символа солнца и огня – фамильяризуется, «выворачивается наизнанку» для того, чтобы подчеркнуть, на наш взгляд, близость героя к людям, окружающим автора [12].

Сарказм у Каирбекова выступает как прием абсурдизации окружающей современной действительности, именно он акцентирует читательское внимание на умеренном преувеличении: «Он – зеркало убогой жизни нашей». В данном случае, на наш взгляд, Каирбеков – поэт-постмодернист, хорошо знающий русскую культуру и литературу, – травестирует хрестоматийно известное стихотворение В. Высоцкого «И рассказать бы Гоголю / про нашу жизнь убогую, –/ Ей-богу, этот Гоголь бы нам не поверил бы» («Песня о сумасшедшем доме»), а также М. Грозовского: «Если всем, то жизнь убога, а не всем – для тех у Бога, у кого совсем немного, нету времени совсем...». Подобные параллели отнюдь не случайны: вслед за великими русскими предшественниками казахстанский поэт под словосочетанием «убогая жизнь» подразумевает серое, беспросветное, безразличное бытие.

Заметим, что и в поэзии, и в прозе Каирбекова комический эффект – это не просто использование цитат, а их столкновение, «соединение»: «Увы, забыв о чести прежней» – в этой строчке соединяются лексика «высокого стиля» и разговорного. «Он битвы жаждою объят» – здесь инверсия подчеркивает ироническое использование слова «жажда – сильное, страстное желание чего-либо». Слово, несущее в себе высокую патетику и, казалось бы, ориентирующее горизонт читательских ожиданий на вполне определенный «высокий» сюжет, контрастирует с бытовым контекстом, который передают слова с окраской разговорного стиля «увы, потешить», что также способствует комическому восприятию стихотворения. Наряду с этим, не только использование словосочетания «жажда битвы» в комическо-сниженном значении, но и ритмический строй всего стихотворения отсылают нас к пушкинской цитате «Духовной жаждою томим». Но если у русского поэта данная метафора используется с целью подчеркнуть сильное стремление обрести мудрость, найти новое знание, то у казахстанского автора пушкинская

реминисценция «обытовляется», очевидно «занижается», с ее помощью выражается желание подраться и этим усиливается общий комический характер всего стихотворения. По нашему мнению, юмор в стихотворении выполняет функцию, которую можно подтвердить словами А. Гениса, который подчеркивал, что окружающий нас мир без ошибок – это сомнительная «несбыточная мечта», фантазия-утопия. Если мы стремимся исправить, то мы улучшаем, но совершенствуя, разрушаем [18, с. 66]. В этом стихотворении отчетливо проявляется желание поэта создать комическую маску петуха-бойца, характерную более для детских «потешек» с целью воплотить психологически достоверный комический характер молодого бойца с петушиным, задиристым характером. Сарказм в этом стихотворении – это не прием сатирического осмеяния. Это один из способов обнаружения и показа внутреннего непостоянства героя – молодого человека, в котором сталкиваются потребность живого чувства, пытающегося противостоять обстоятельствам окружающей действительности, и подчиненность определенным ситуациям «убогой жизни». Следовательно, поэт опирается на выработанное литературой философско-юмористическое мироотношение героев своих произведений к окружающей их действительности.

Результаты исследования

В результате исследования мы пришли к следующим выводам. Лирика и проза Б. Каирбекова не просто следуют сложившимся в литературе образцам (достаточно вспомнить творчество А. С. Пушкина, реминисценции к которому казахстанский поэт использует), но и привносят отчетливо выраженный пафос приятия бытия в развитие философско-юмористической позиции писателя, которая в свою очередь обусловлена сугубо авторскими принципами художественного познания и творческой деятельности (опора на традиции предшественников, постмодернистская игра, ирония и т. д.).

Поэтический взгляд писателя на окружающий его мир посредством оппозиций с целью передать философско-юмористическое отношение к миру: непредсказуемость – прогнозируемость; радость – печаль; убогий – отважный и т. п. объединяют все его произведения в целостную книгу, единый текст. Именно в этом «тексте» – в стихотворениях и повести-воспоминании – единым оказывается не только образ лирического героя, иронично осмысливающего и мир вокруг, и себя самого (по сути, именно он является носителем авторской маски, отсюда появление характерных практически для всех его произведений задушевности, искренности, исповедальности, переданных сквозь тонкий юмор и иронию), но и «набор» художественных приемов для изображения реальности: юмор, ирония, гротеск, сарказм, в совокупности конструирующие смеховое поле его произведений. Перспективой исследования, на наш взгляд, может явиться целостный анализ творчества Каирбекова, детальное осмысление преломления в его лирике классических традиций русской словесности, в прозе – юмористической традиции казахской литературы.

Л и т е р а т у р а

1. Лоуренс К. Оборотная сторона зеркала [Электронный ресурс]. – URL: https://ps.vk.me/c539202/u100354823/docs/a264cc832a34/Konrad_Lorents_-Oborotnaya_storona_zerkala.fb (дата обращения: 22.11.2020)
2. Лотман Ю. М., Погосян Е. А. Великосветские обеды. – СПб.: Пушкинский фонд, 1996. – 320 с.
3. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. – Л.: Наука, 1984. – 295 с.
4. Есин А. Б., Касаткина Т. А. Система эмоционально-ценностных ориентаций // Филологические науки. – 1994. – № 5-6. – С. 10–18.
5. Выгон Н. С. Юмористическое мироощущение в русской прозе. – М.: Книга и бизнес, 2000. – 368 с.
6. Серикова С. К. Поэтика адресата в лирике Бахыта Каирбекова // Вестник Казахского Национального университета. Серия филологическая. – 2012. – № 3 (137). – С. 238–242.

7. Салханова Ж. Х. Жанр эссе в творчестве Бахыта Каирбекова // Вестник Казахского Национального университета. Серия. Филологическая. – № 6. – 2014. – С. 102–109.
8. Исенова Ф. К., Бейсенова Н. Б. Этнообраз «трава» в поэтической картине мира Б. Каирбекова как отражение культурной идентичности // Идеи. Поиски. Решения: сборник статей и тезисов XII Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов. Минск, 26 октября 2018 г. В 7 т. БГУ. – Минск: БГУ, 2018. – Т. 6. – С. 73–77.
9. Бадиков В. В. Новые ветра. – Алматы: Жибек жолы, 2005. – 335 с.
10. Шопенгауэр А. К теории смешного // Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. – М.: Наука. 1993. – Т. 2. – С. 188–189.
11. Каирбеков Б. Г. Навстречу солнцу. Дневник путешествий: стихи, эссе. – Алматы, ЖК «Нуракынов». – 2014. – 420 с.
12. Осьмухина О. Ю. Авторская маска в русской прозе 1760-1830-х гг.: автореф. дисс. доктора филол. н.: 10.01.01. – Саранск, 2009. – 40 с.
13. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: ООО «А Темп», 2013. – 874 с.
14. Забавнова О. В. Вербализация эмоциональных состояний человека в английском и татарском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 12 (42): в 3-х ч. Ч. I. – С. 71–73.
15. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. – URL: <http://gramma.ru/LIT/?id=3.0&page=1&wrd=%C8%D0%CE%CD%C8%DF&bukv=%E8> html (дата обращения: 19.11.2020)
16. Щербинина А. А. О двуплановости и противопоставлении смысла и иронии. – М.: АЛМАВЕСТ, 1996. – 124 с.
17. Гирц К. Глубокая игра. Заметки о петушиных боях у балийцев. – М.: Ад Маргинем, 2017. – 96 с.
18. Генис А. Три: Личное. – М.: Подкова, ЭКСМО, 2002. – 456 с.

References

1. Lourens K. Oborotnaya storona zerkala [Elektronnyj resurs]. – URL: https://ps.vk.me/c539202/u100354823/docs/a264cc832a34/Konrad_Lorents_-Oborotnaya_storona_zerkala.fb (data obrashcheniya: 22.11.2020)
2. Lotman Yu. M., Pogosyan E. A. Velikosvetskie obedy. – SPb.: Pushkinskij fond, 1996. – 320 s.
3. Lihachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V. Smekh v Drevnej Rusi. – L.: Nauka, 1984. – 295 s.
4. Esin A. B., Kasatkina T. A. Sistema emocional'no-cennostnyh orientacij // Filologicheskie nauki. – 1994. – № 5-6. – S. 10–18.
5. Vygon N. S. Yumoristicheskoe mirooshchushchenie v russkoj proze. – M.: Kniga i biznes, 2000. – 368 s.
6. Cerikova S. K. Poetika adresata v lirike Bahyta Kairbekova // Vestnik Kazahskogo Nacional'nogo universiteta. Seriya filologicheskaya. – 2012. – № 3 (137). – S. 238–242.
7. Salhanova Zh. H. Zhanr esse v tvorchestve Bahyta Kairbekova // Vestnik Kazahskogo Nacional'nogo universiteta. Seriya. Filologicheskaya. – № 6. – 2014. – S. 102–109.
8. Isenova F. K., Bejsenova N. B. Etnoobraz «trava» v poeticheskoj kartine mira B. Kairbekova kak otrazhenie kul'turnoj identichnosti // Idei. Poiski. Resheniya: sbornik statej i tezisov XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii prepodavatelej, aspirantov, magistrantov, studentov. Minsk, 26 oktyabrya 2018 g. V 7 t. BGU. – Minsk: BGU, 2018. – Т. 6. – S. 73–77.
9. Badikov V. V. Novye vetra. – Almaty: Zhibek zholy, 2005. – 335 s.
10. Shopengauer A. K teorii smeshnogo // Shopengauer A. Mir kak volya i predstavlenie. – M.: Nauka. 1993. – Т. 2. – S. 188–189.
11. Kairbekov B. G. Navstrechu solncu. Dnevnik puteshestvij: stih, esse. – Almaty, ZHK «Nurakynov». – 2014. – 420 s.
12. Os'muhina O. Yu. Avtorskaya maska v russkoj proze 1760-1830-h gg.: avtoref. diss. doktora filol. n.: 10.01.01. – Saransk, 2009. – 40 s.

13. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Pod red. N. YU. SHvedovoj. – M.: OOO «A Temp», 2013. – 874 s.
14. Zabavnova O. V. Verbalizaciya emocional'nyh sostoyanij cheloveka v anglijskom i tatarskom yazykah // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2014. – № 12 (42): v 3-h ch. Ch. I. – С. 71-73.
15. Belokurova S. P. Slovar' literaturovedcheskih terminov [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://gramma.ru/LIT/?id=3.0&page=1&wrд=%C8%D0%CE%CD%C8%DF&bukv=%E8> html (data obrashcheniya: 19.11.2020)
16. Shcherbinina A. A. O dvuplanovosti i protivopostavlenii smysla i ironii. – M.: ALMAVEST, 1996. – 124 s.
17. Girc K. Glubokaya igra. Zametki o petushinyh boyah u balijcev. – M.: Ad Marginem, 2017. – 96 s.
18. Genis A. Tri: Lichnoe. – M.: Podkova, EKSMO, 2002. – 456 s.

М. А. Гусейнов

Кумыкская драматургия первой половины XX века

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук,
г. Махачкала, Россия

Аннотация. В статье рассмотрена кумыкская драматургия 1920–1950-х гг., на которые приходится деятельность известных национальных драматургов А.-П. Салаватова, А. Курбанова, Аткая, Ю. Гереева, Г. Рустамова, А. Баширова и др. Основной массив произведений органично вписывается в контекст советской эпохи, когда словесная культура была нацелена на решение задач, стоявших перед обществом, на строительство новой жизни. В сценических произведениях доминируют присущие указанному периоду проблематика, мотивы, в частности, борьба с духовенством, коллективизация, проблемы просвещения, гневная отповедь фашизму, возвращение к мирной жизни и т. д. При этом в русле деидеологизированного прочтения драматургического наследия советского прошлого отмечено, что индивидуальное мастерство, самобытность авторов обусловили выходы за грани утвердившихся в литературе соцреалистических клише, отражение, пусть и через детали, реалий неоднозначной действительности. Актуальность исследования обусловлена тем, что впервые объектом научного рассмотрения становится кумыкская драматургия первой половины XX в. в целостном виде, с выявлением вех ее развития, эволюции, с высечиванием наиболее знаковых явлений, текстов, с определением вклада в этот процесс конкретных авторов. Базовыми являются социокультурный и аналитический методы исследования. Кумыкская драматургия исследована с учетом принципа историзма, а также опыта современного российского литературоведения по новому прочтению советского литературного наследия. Произведения А.-П. Салаватова «Красные партизаны», А. Курбанова «Поворот», «Любовь Асият», комедии А. Баширова «Манап», М. Курбанова «Молла Насрутдин» и др. осмысливаются как в русле движения литературного процесса, так и социально-политической ситуации времени их создания. В хронологическом разрезе выявлены пути эволюции проблематики, развития жанров, поэтики, в том числе усиление психологизма. В данном контексте, в частности в жанровом плане, отмечены активизация социальной драмы трагедийного звучания в годы строительства советской власти (конец 1920 – начало 1930-х гг.), зарождение комедии (вторая половина 1930 гг.), актуализация в последующем семейно-бытовой проблематики, возникновение психологической драмы (послевоенный период).

Ключевые слова: дагестанская литература, драматургия, кумыкская словесность, проблематика, эволюция, социально-культурная парадигма, драма, комедия, конфликт, образ, поэтика.

DOI 10.25587/f0778-7469-3621-f

ГУСЕЙНОВ Малик Алиевич – д. филол. н., гл. н. с. Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

E-mail: malik60@list.ru

GUSEYNOV Malik Aliевич – Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

M. A. Guseynov

Kumyk dramaturgy of the first half of the xx century

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia

Abstract. The article considers Kumyk dramaturgy of the 1920–1950s, which accounts for the activities of famous national playwrights A.-P. Salavatov, A. Kurbanov, Atkay, Yu. Gereev, G. Rustamov, A. Bashirov and others. The main array of works organically fits into the context of the Soviet era, when verbal culture was aimed at solving the problems facing society, at building a new life. Stage works are dominated by the problems inherent in the specified period, motives, in particular, the struggle against the clergy, collectivization, problems of enlightenment, an angry rebuke to fascism, a return to peaceful life, etc. At the same time, within the framework of the deideologized reading of the dramatic heritage of the Soviet past, it has been noted that the individual skill, identity of the authors determined the exit of socialist-realistic clichés established in literature, the reflection, albeit through detail, of the realities of ambiguous reality. The relevance of the study is due to the fact that for the first time the Kumyk drama of the first half of the 20th century becomes the object of scientific consideration in a holistic form, with the identification of development milestones, evolution, with the highlighting of the most significant phenomena, texts, and the determination of the contribution to this process of specific authors. Sociocultural and analytical research methods are basic. Kumyk drama was studied taking into account the principle of historicism, as well as the experience of modern Russian literary criticism on a new reading of the Soviet literary heritage. A.-P. Salavatov's "Red Partisans", A. Kurbanov's "Turn," "Love Asiyat," A. Bashirov's comedy "Manap," M. Kurbanov's "Molla Nasrutdin" and others are considered with the framework of both the movement of the literary process and the socio-political situation of the time of their creation. In the chronological context, the ways of evolution of problems, the development of genres, poetics, including the strengthening of psychologism, are revealed. In this context, in particular, in the genre plan, the intensification of the social drama of the tragic sound during the years of the construction of Soviet power (late 1920-early 1930s), the emergence of comedy (second half of the 1930s), the actualization of family and everyday issues in the future, the emergence of psychological drama (post-war period) were noted.

Keywords: Dagestan literature, drama, Kumyk literature, problems, evolution, socio-cultural paradigm, drama, comedy, conflict, image, poetics.

Введение

Драматургия кумыков, зарождение которой приходится на дореволюционное, досоветское десятилетие, испытывала определенный подъем в первые три десятилетия советского периода, определяемые периодом ее становления и развития. Ряд сценических произведений национальных мастеров слова, таких, например, как Алим-Паша Салаватов, Амир Курбанов, Магомед Курбанов и др., признаны ныне классическими.

В проблемно-тематическом содержании, идейной направленности кумыкской, всей дагестанской драматургии первой половины XX в. существенно сказались установки официальной идеологии, ориентировавшие драматургию, в частности, и литературу вообще на выполнение социальных функций. Современное прочтение национального драматургического наследия дает основание говорить, что, несмотря на весомость внелитературных факторов, кумыкским авторам удалось создать незаурядные в художественном плане произведения, пережившие свою эпоху, востребованные и современным читателем.

Кумыкская драматургия исследуемого периода не обделена вниманием исследователей. Хотя она не становилась объектом специального монографического изучения, ее отдельные направления, тенденции, творчество авторов, ее представляющих, освещены в трудах С. Д. Говорова [1], К. Д. Султанова [2], М. И. Зульфугаровой [3], А.-К. Ю. Абдуллатипова [4, 5], Л. А. Шабаевой [6], М. А. Гусейнова [7, 8], Г. А. Султановой [9], и др.

Актуальность данного исследования продиктована тем, что, во-первых, кумыкская драматургия первой половины минувшего столетия в целостном, комплексном виде становится объектом изучения впервые, во-вторых, литература идеологизированного периода освещается в русле преодоления навязывавшихся ей стереотипов, клише. Целью исследования является изучение кумыкской драматургии первой половины XX в. в хронологическом аспекте с акцентом внимания на поступательность ее развития, на знаковые тексты, на характерные особенности, обусловленные как общественными явлениями, так и собственно логикой художественного процесса. В этом контексте решаются задачи, касающиеся соотнесенности прежде всего ее проблемно-тематического содержания с социальными факторами; эволюции художественно-эстетической составляющей; жанрового развития и др.

Кумыкские авторы, пусть и в опосредованной форме, находили возможность отразить истинные реалии неоднозначных общественных явлений. Наличие многовековых художественных традиций способствовало убедительности воспроизведения действительности, созданию зримых образов. В плане поэтики очевидно напряжение конфликтов в пору колхозного строительства, которые в последующем имели тенденцию к смягчению. В то же время с течением времени социальные мотивы существенно дополнялись семейно-бытовой проблематикой, а порой выходили на передний план. На фоне доминирования драмы показательно создание комедий, семейно-бытовой, психологической драмы.

Драматургия 1920–1930-х гг.

В годы строительства советской власти развитие кумыкской драматургии имело интенсивный характер. При этом важно отметить, что ее зарождение приходится на начало столетия, на дореволюционный период. Этим временем датируются возникновение и функционирование культурно-просветительских кружков: «Тангчолпан» («Утренняя звезда») в Хасавюрте, «Той» («Свадьба») в Темир-Хан-Шуре (ныне – Буйнакск), в недрах которых происходило зарождение национального сценического искусства, драматургии.

Первые драматические произведения были написаны известным общественным деятелем, поэтом Зайналабидом Батырмурзаевым в 1915–1917-е гг. Постановки его пьес «В медrese пришел мулла», «Даниялбек» и др. были осуществлены самостоятельными артистами, участниками кружка «Тангчолпан», одним из организаторов которого являлся З. Батырмурзаев.

Достаточно бурно развивалась культурная жизнь в тогдашней столице Дагестана Темир-Хан-Шуре, в которой активно функционировал любительский театр. О его популярности свидетельствует тот факт, что самостоятельными артистами устраивались платные спектакли. Ввиду дефицита сценических произведений местных авторов осуществлялись постановки переводных пьес, чаще всего азербайджанских драматургов.

Развитие драматургии кумыков, Дагестана в целом в этот период было тесно связано с театральной жизнью, всплеск которой приходится на вторую половину 1920 – начало 1930-х гг. Определенный смысл заключается в том, что первым из национальных театров в Дагестане был создан кумыкский (1929 г., по иным данным – 1930 г.), да и задолго до этого в национальном театре Дагестана, сформированном в 1927 г., постановки осуществлялись на кумыкском языке.

Кратко характеризуя драматургию этих лет, следует отметить, что она прежде всего имела актуальную для периода строительства социализма идеологическую

направленность. Драматические произведения Т. Мурадова «Жертва шариата», «Коварный кади», А. Батырмурзаева «Мюриды», датируемые второй половиной 1920-х годов, имеют антиклерикальное содержание. Они тесно привязаны к социальным преобразованиям поры своего создания, являют собой ответ на требования эпохи борьбы с религией.

В 1930-е гг. проблематика кумыкской драмы расширяется. Тема исторической, общественной борьбы в годы революции и гражданской войны в Дагестане составляет основу драм «Красные партизаны» А.-П. Салаватова, «Ансар» Аткая, «Горные соколы» А. Курбанова и др. Значительный пласт сценических произведений посвящен событиям коллективизации, в частности, пьесы «В жизнь» Г. Рустамова, «Кто кого» Ю. Гереева, «Чабан Арслан», «Поворот» А. Курбанова и др. Знаковым явлением видится зарождение кумыкской комедии в середине – второй половине 1930-х гг. В этом жанре написаны «Манап» А. Баширова, «Молла Насрутдин» М. Курбанова. Таким образом, спектр жанровых и внутрижанровых разновидностей кумыкской драмы 1920–1930-х гг. достаточно широк. Процесс ее развития представляется правомерным рассмотреть на базе произведений, обретших признание, известность.

Одним из первых авторов, плодотворно трудившихся в жанре драмы, написавших ряд пьес в 1920-е гг. и притом осуществивших их постановки, является известный театральный деятель, певец Татам Мурадов. В пьесе «Жертва шариата» Татама Мурадова ведется речь о любви дочери влиятельного хана Умукусюм к представителю низшего сословия – батраку Ахмеду. Умукусюм, зная, что ее отец не даст согласия на этот неравный брак, решает бежать из отцовского дома со своим возлюбленным. Однако, узнав об этом, хан посылает за ними своих людей, которые настигают их и по его велению обрекают Умукусюм и Ахмеда казни.

В «Жертве шариата» автором обличаются не столько религиозные нормы, как это отражено в ее заглавии, сколько национальные семейные традиции. Ослушание родителей, отца, согласно исконным кумыкским обычаям, считается предосудительным. Автор критически оценивает данную норму традиционного этикета, в ходе художественного ее воплощения придавая ей трагический оттенок.

Аналогично обстоит ситуация и с другими драмами, определяемыми антирелигиозными. Так, в пьесе «Мюриды» («Мюритлер») Абдулазима Батырмурзаева [10] в качестве центральных образов фигурируют шейх Арслан-Али и его мюриды Осман и Алим, подвергающиеся гневному обличению. При современном прочтении нельзя не обратить внимание на то, что критике они подвергаются не на базе трактовок ими канонов ислама. Они шаржируются на основе их поступков, противоречащих морально-нравственным ценностям, в частности, увлечения женщинами, спиртным и т. д. То есть автор изображает своих героев как мюридов плохих, равно как и шейха, которые ведут себя и поступают не по-мусульмански. Словом, критика здесь осуществляется с тех же позиций, которые наблюдаются и в критических произведениях дореволюционных кумыкских авторов, в поэзии М. Алибекова, Н. Батырмурзаева и др., которые ставили целью улучшение нравов среди духовенства, исправления ошибок, во имя утверждения в обществе ислама. Однако в произведении А. Батырмурзаева критика имеет совершенно другой характер. Ведь если за отступление от религиозно-нравственных норм прежде звучала критика, но щадящая, направленная на совершенствование духовных лиц, то теперь за это они караются строго, обличение обретает уничтожающий характер.

Пьеса «Мюриды» является также одним из первых крупных по объему произведений, в котором четко, подробно освещена концепция официальной пропаганды, ориентированная на искоренение религии, на социалистический пафос переустройства жизни. В этом плане «Мюриды» стоят в одном ряду с драмами, посвященными современности, в частности коллективизации, а именно: «В жизнь» Г. Рустамова, «Кто кого» Ю. Гереева, «Чабан Арслан», «Поворот» А. Курбанова.

Следует прежде всего отметить, что авторы вышеназванных произведений были очевидцами происходивших в тот период событий в селе, обобществления хозяйств, колхозного движения. Процесс этот происходил не всегда гладко. В этой связи в произведениях, посвященных событиям коллективизации, одними из характерных примет являются острота, напряженность конфликтов, трагедийный пафос.

В пьесе Г. Рустамова «В жизнь» рассказывается о том, как участник Гражданской войны Аслан приезжает в родное село, чтобы содействовать сородичам в деле коллективизации. Но здесь он встречает сопротивление лиц, стремящихся сохранить в своих руках имущество, нажитое ими годами.

Состоятельные крестьяне, встревоженные успешной деятельностью Аслана на поприще объединения крестьян в колхоз, совершают покушение на него. И вот когда казалось, что чаша весов склоняется в сторону противников колхоза, на сельское собрание является чудом уцелевший, израненный Аслан, который произносит пламенную речь и склоняет сельчан на свою сторону.

Г. Рустамов удачно выстраивает сюжетную конструкцию. Его пьеса держит в напряжении читателя вплоть до последнего эпизода, на который приходится кульминация конфликта.

Кумыкские авторы стремились к убедительному воспроизведению явлений и лиц поры создания колхозов, желая отразить реальную подоплеку художественных конфликтов. Так, в пьесе А. Курбанова «Поворот» («Авланмакъ») [11] значительно число действующих лиц, влекомых идеей создания колхозов: это присланные из города «двадцатипяти тысячники» Гасан, Петров, сельчане Гаджи, Темир, Болат и др. Однако и сторонников частного хозяйства, дающих им решительный отпор, обнаруживается немало.

Содержание пьесы А. Курбанова, написанной на документальной основе, дает основание считать, что нежелание сельчан вступать в колхоз имело веские причины. Ведь сельчанам предлагалось отказаться от нажитого в течение многих лет имущества, скота, во имя нового начинания, создания колхоза, когда им точно неизвестно, что оно сулит им в будущем. Их психологическое состояние, отторжение нового вполне обоснованы. Именно к таким выводам подводят современные трактовки драмы А. Курбанова. Исследователь Л. А. Абдуллатипова подчеркивает: «В пьесе «Поворот» при всей проколхозной ориентации автора глубоко раскрыты и подлинные причины отчаянной борьбы состоятельной части крестьянства, трагизм его положения, перегибы в деле коллективизации» [12, с. 7].

Показательно, что острота конфликтов, напряженность в обществе, нашедшая воплощение в драмах, посвященных коллективизации, приводит персонажей к физическому насилию, убийствам, ранениям их друг другом. Подобные разрешения конфликтов обнаруживаются в большей мере именно в этом пласте кумыкской драматургии.

Определенным откликом на запросы времени, диктуемые партией задачи, являются датируемые началом 1930-х гг. произведения, посвященные революции и Гражданской войне. В драмах «Красные партизаны» А.-П. Салаватова, «Ансар» Аткая, «Горные соколы» А. Курбанова, трагедии «Жертва любви» А. Баширова центральным является изображение переломной эпохи, показ того, какой тяжелой ценой была завоевана «октябрьская» победа простого народа.

Широтой охвата действительности, должной мотивацией поступков действующих лиц, убедительностью воспроизводимых явлений характеризуется драма «Красные партизаны» Алим-Паши Салаватова. Ей присущ увлекательный, динамичный сюжет.

Идейное содержание драмы «Красные партизаны» («Къзыл партизанлар»; опубликована в книге «Пьесы» [13]) вполне определено. А.-П. Салаватов пишет в строгом соответствии с принципами, утвердившимися в советской социалистической литературе. Представители уходящего мира – помещики, князья, муллы, офицеры

царской армии и их прислужники – изображаются в отрицательном свете – хитрыми, алчными, жестокими. Им противостоят красные партизаны, крестьяне, бедняки, борющиеся за социалистические идеалы.

В то же время в этой драме наблюдаются аспекты, в которых отразились тонкие реалии периода революции. Так, например, образ землевладельца Ахмедхаджи дан убедителен. Он знает о процессах, происходящих в стране, читает газеты. Ему известно о декретах большевиков, которыми крестьянам разрешена экспроприация помещичьих земель. В то же время он цитирует выдержки из дагестанской газеты «Мусават», издававшейся в Дагестане в 1917–1918-х гг., в которой говорится о том, что, согласно шариату, чужое имущество отбирать нельзя. К слову сказать, бедняки не опровергают Ахмедхаджи, сетуя на то, что земли ими уже обработаны и засеяны. Этот эпизод свидетельствует о неоднозначности ситуации тех лет. С одной стороны, власть в лице большевиков призывает отбирать у богачей имущество, в том числе землю, с другой стороны, это противоречит мусульманским нормам, которые чтят как богатые, так и бедные. В пьесе эта тема развития не получает, хотя наличие ее уже символично.

Пьеса «Красные партизаны» А.-П. Салаватова характеризуется незаурядными художественными достоинствами. Заслуживает быть отмеченным язык драмы с его обилием пословиц, просторечной лексики, фразеологизмов. Достоинством драмы является и то, что в ней фигурируют зримые, цельные, одержимые образы. Удачно обрисованы характеры, например, брата и сестры Темира и Кистаман. В их трактовках автор четко базируется на национальных этических представлениях. Возмущает, например, Темира известие (как выясняется по ходу повествования, оказавшееся ложным) о том, что его друг Болат флиртует с его сестрой. Возмущает потому, что, какими бы ни были добрачные связи, согласно национальным этическим представлениям, они считаются предосудительными.

Затем, будучи арестованы, Темир и Кистаман даже под пытками не называют белоказакам имена партизан, которые имели приют в их доме. Кистаман в этом эпизоде ведет себя по-геройски, скрывая партизан, даже будучи обесчещенной. Это также символично, ведь по кумыкским традициям выдавать гостя врагу считается позором.

Ярким, драматическим, отчасти трагическим получился образ Кистаман. Волею случая оказавшись в водовороте гражданского противостояния, она подверглась самым тяжким страданиям по сравнению с другими персонажами. Следуя национальным моральным принципам, демонстрируя верность своему возлюбленному, делу, которому он служит, она проявляет стойкость перед лицом грозного врага. Она теряет самое дорогое – девичью честь, но не выдает партизан. Более того, акт возмездия над офицером, самым грозным противником партизан, она осуществляет лично сама, истинно по-геройски, – кинжалом разя его насмерть.

Совершенно неслучайно драма «Красные партизаны» была удостоена высокой оценки, награждена первой премией на первом конкурсе дагестанских пьес (1932). Она привлекательна не только актуальной проблематикой, но и прежде всего художественным ее воплощением.

Пьеса «Горные соколы» («Тав кьарчыгъалар») Амира Курбанова, опубликованная в его книге «Пьесы» [14], также посвященная событиям Гражданской войны в Дагестане, характеризуется своеобычностью, оригинальностью. В этой войне родственники, близкие, в том числе члены одной семьи, становились сторонниками противоборствующих сил, вступивших в непримиримый конфликт. «Пьеса предстает не только как национальная драма общедагестанского масштаба, но и как семейная, когда братья Нурутдин и Муса стоят по разные стороны баррикад, отец Ибрагим на стороне командира партизанского отряда, мать Халимат ни на чьей стороне и выступает против войн, разделяющих членов одной семьи» [12, с. 6], – подчеркивает исследователь кумыкской драматургии Л. А. Абдуллатипова.

В этой связи нами отмечено: «Продемонстрированный автором оригинальный взгляд на историю Гражданской войны придал политически актуальной теме неожиданное, необычное звучание. По существу сюжетом произведения драматург высветил проблемы вневременные, вечные. Пьеса «Горные соколы» А. Курбанова подводит к выводу о том, что в войне гражданской победителей, так сказать, в чистом виде не бывает. Гражданское противоборство, война – это всегда беда народа» [15, с. 366].

С середины 1930-х гг. в кумыкской драматургии, как и во всей литературе, наблюдается существенное обновление проблематики, жанрово-стилевой парадигмы. Показательно, что талантливый драматург А.-П. Салаватов, чье имя в последующем по праву было присвоено Кумыкскому музыкально-драматическому театру, создает две пьесы, написанные на основе фольклорных произведений: на сюжет героической песни драму «Айгази» и на сюжет народной сказки драму «Карачач». В этих произведениях веское звучание обретают национальные художественно-эстетические константы, традиционные нравственно-этические понятия.

Следует оговориться, что в этих пьесах социальный фон имеет место быть (особенно в «Айгази»). Тем не менее, акцент в них делается на этноментальные ценности, оттеняющие характерность типажей, яркость образов.

На фольклорном материале была создана и комедия «Молла Насрутдин» Магомеда Курбанова. В центре внимания автора – образ народного героя, персонажа восточной классики, покорившего читателей своим остроумием, жизнелюбием, оптимизмом.

М. Курбанов на основе бытующих в народе коротких, анекдотичных рассказов о Молле Насрутдине выстроил увлекательный сюжет, самое главное, воспроизвел зримо и осязаемо легендарный народный образ. В пору создания пьесы (ее премьера состоялась в самом начале 1941 г.) центральный герой воспринимался как олицетворение народа, который вобрал его лучшие черты, который, несмотря на все трудности, выпадающие на его пути, находит возможность преодолеть их с достоинством, смекалкой и юмором. Пьеса вдохновляла зрителей, придавала им уверенность, утверждая веру в то, что не мнимые, а истинные национальные ценности, выработанные многовековым развитием, являются вечными и незыблемыми. Подобным смысловым содержанием, обусловленным в немалой степени социально-историческим контекстом, комедия «Молла Насрутдин» М. Курбанова обеспечила себе долгую сценическую жизнь.

«Молла Насрутдин» М. Курбанова, как и драма «Айгази» А.-П. Салаватова, составляет золотой фонд кумыкской драматургии. Подтверждается это и тем, что в течение более семи десятилетий они остаются востребованными, удостаиваясь новых, оригинальных постановок на сцене родного театра.

В качестве отступления правомерно отметить, что обращения кумыкских авторов во второй половине 1930-х гг. к фольклору, жанру комедии (помимо пьесы М. Курбанова, можно назвать и комедию «Манап» А. Баширова) и другие особенности, свидетельствовавшие об эволюции как содержания, так и формы поэтики драматургии, были обусловлены сменой критериев, доктрин официальной идеологией. Ведь к этому времени были решены важные для нее задачи: борьба с религией была практически завершена, коллективизация осуществлена, была принята новая Конституция страны.

Таким образом, на 1920–1930-е гг. приходится формирование и становление кумыкской драматургии, возникновение которой датируется досоветским периодом. В пору строительства советской власти, особенно в конце 1920 – начале 1930-х гг., наблюдается резкое усиление идеологических констант. В эти годы доминирующим становится жанр социальной драмы, одной из характерных черт поэтики которой является острый конфликт, подводящий к человеческим увечьям, лишению жизни персонажей.

Нельзя не отметить, что присущие этому периоду резко негативные характеристики служителей духовенства, знатных сословий прошлого (биев-князей, озденей), являвшихся

столпами общества, нашедшие отражение как в драматургии, так и в словесном искусстве в целом, стали одной из причин деформации национального сознания, не изжитой в полной мере и по сей день. В то же время кумыкские авторы находили возможность отразить в текстах истинную суть конфликтов, неоднозначность воспроизводимых событий и образов.

С середины 1930-х гг. просматриваются приметы эволюции, обновления словесной культуры. Показательными видятся появление произведений легкого жанра, комедий («Манап» А. Баширова, «Молла Насрутдин» М. Курбанова), обращения авторов к фольклорным сюжетам («Айгази» и «Карачач» А.-П. Салаватова, названная выше пьеса М. Курбанова). Словом, пусть и относительное, но раскрепощение художественной мысли стимулировало возрождение распространенных в народной культуре жанров, поэтики, образности.

Драматургия 1940 – начала 1950-х гг.

В годы Великой Отечественной войны в силу объективных причин драматургия не отличалась многообразием. Первоочередное значение имели произведения, призывающие к патриотизму, защите Родины, борьбе с ненавистным врагом. Драмы «Стальной капкан» Аткая, «Мальчик с бомбой» Ш. Абдуллаева сполна выполняли эту функцию, внесли определенную лепту в приближение победы над фашизмом.

В послевоенные годы в национальной драматургии вновь наблюдается оживление. Появляется множество пьес, в основной своей массе посвященных современной жизни села, колхозному производству, в частности, «Друзья», «Подарок Салимат» Г. Рустамова, «Невесты» Аткая, «У снежных гор» А. Курбанова и др. При этом тема труда сопрягалась с частной жизнью персонажей, чаще всего с темой любви, что было продиктовано выдвиганием на передний план молодых персонажей. Сценические произведения служат подтверждением того, что в эти годы конфликты существенно смягчаются, особенно по сравнению с драматургией 1920–1930-х гг. В этом, помимо прочего, сказалась присущая литературе послевоенных лет так называемая «теория бесконфликтности».

В произведениях кумыкских драматургов производственные конфликты прочерчиваются по линии: хороший и лучший. Конфликтуют чаще всего молодые труженики, ратующие за повышение производительности труда, с председателями колхозов либо бригадирами, звеноводцами, отстаивая в итоге свою правоту.

Общепризнано, что «теория бесконфликтности» негативно сказалась на художественном процессе. Тем не менее она имела и позитивные аспекты. В частности, это проявилось в большем внимании авторов к семейно-бытовой проблематике, частной жизни персонажей, что также способствовало раскрепощению словесной культуры от внелитературных факторов. В результате этого актуализировалась конкретика действительности, углублялась индивидуализация образов, высвечивались их внутренний мир, психологическое состояние. То есть совершался поворот к реалиям жизни, к изображению такой, как она есть, без идеологических вывертов и соцреалистических прикрас.

В числе новаторских, знаковых явлений предстает датируемая 1946 г. драма «Любовь Асият» («Асиятны сюювю») А. Курбанова, опубликованная в его книге «Пьесы» [14]. На первый взгляд основу произведения составляет заурядное событие: возвращение солдата с фронта, возвращение к мирной жизни. Однако то обстоятельство, что Рашид вернулся с войны инвалидом, потерявшим зрение, наполняет драму пронзительной интонацией. Отец Темирбек, родня, близкие, ожидавшие радостной встречи, при виде слепого Рашида поначалу оказываются в шоковом состоянии. Такая реакция довольно скоро сменяется чувствами сопереживания, милосердия, готовностью помочь близкому человеку. В еще более удручающей психологической ситуации оказывается сам Рашид. Его тяготит то, что он будет для семьи обузой.

Благородство Рашида проявляется в отношении к любимой девушке Асият. Предполагая, что юная девушка охладит к нему, ставшему незрячим, желая освободить ее от нравственных обязательств, он сообщает ей выдуманную историю о том, что на фронте полюбил другую и она скоро приедет к нему.

На небольшом пространстве драмы разворачивается поистине отчаянная борьба за фронтовика-инвалида, за его жизнь после войны, за его душу и сердце. С большим трудом родне, близким удается убедить героя в обратном, что он дорог им, какой есть. Особенно впечатляют Рашида слова Асият о том, что она горда тем, что ее суженый вернулся с войны героем, награжденным увечьем.

Драма «Любовь Асият» пронизана искренними чувствами, проникновенной тональностью, задевая читателя (зрителя) за живое, пробуждая светлые чувства. И завершается она на счастливой ноте. Кроме того, по ходу развития сюжета выясняется, что утраченное зрение излечимо.

Своеобразие, неординарность данного произведения связаны с тем, что в качестве главного героя в нем выведен образ инвалида войны, что было непривычным. Да и в последующем это не стало нормативным в советской литературе. Ценность драмы «Любовь Асият» А. Курбанова заключается и в том, что она знаменует поворот от социальной проблематики к проблемам частной жизни личности. При этом она впечатляет художественным звучанием, оригинальностью, и по праву может быть определена первой психологической драмой как в кумыкской, так и во всей дагестанской драматургии.

Подытоживая рассмотрение драматургии 1940 – начала 1950-х гг., следует отметить ее интенсивное развитие в послевоенные годы. Кумыкские авторы Аткай, Г. Рустамов, А. Курбанов и др. в русле доминирующих тенденций литературной жизни страны стремились отобразить современную действительность в оптимистическом ключе, изобразить гражданина страны в трудовой деятельности, нагружая произведения событиями личной жизни персонажей.

Творческим своеобразием драматургов определялись оригинальные художественные решения. Так, активизация семейно-бытовой, нравственной проблематики в эти годы была обусловлена определенной реанимацией игнорировавшихся либо преподносившихся прежде в отрицательном свете традиционных этических ценностей, в том числе традиционной обрядности, прежде всего свадебной. Завершение произведений единением ведущих действующих лиц, свадебные финалы становятся характерной особенностью поэтики национальной драмы.

Иногда не совсем свойственный советской литературе сюжет, нетривиальность ситуации, в которой оказывались персонажи, придавали произведению самобытное, свежее звучание (драма «Любовь Асият»). В целом позитивным был намеченный поворот к углубленному постижению личности, который был сопряжен и с маркерами этнической идентичности.

Заключение

Таким образом, кумыкская драматургия первой половины минувшего столетия служит свидетельством того, что за относительно небольшой период времени она прошла этапы формирования, становления, заняла достойное место в национальном литературном процессе. Весьма внушительна численность авторов, обращавшихся к драматургии, а количество сценических произведений переваливает за полусотню (оговоримся, не все тексты сохранились).

При рассмотрении исследуемой литературы в хронологическом разрезе выявляется значительная роль социальной драмы остро конфликтного характера, трагедийного пафоса в конце 1920 – первой половине 1930-х гг. («Жертва шариата» Т. Мурадова, «Поворот А. Курбанова, «Красные партизаны» А.-П. Салаватова и др.). Драматизм периода строительства советской власти, коллективизации сполна находит выражение,

в частности, в том, что обострение между конфликтующими сторонами приводит к ранениям, убийствам. В этой связи очевидно, что сценические произведения, относимые прежде в советский период к жанру драмы, по существу являются трагедиями («Жертва шариата» Т. Мурадова, «Жертва любви» А. Баширова).

В рассматриваемый период драматургия, как и вся литература, эволюционировала. В немалой степени этому способствовало смягчение критериев, диктата официальной идеологии, обусловленных завершением определенных процессов, установлением институтов советской власти (завершение коллективизации, принятие новой Конституции страны и др.). В результате этого во второй половине 1930-х гг. появляются произведения легкого жанра, комедии, активизируется обращение авторов к устно-поэтической, фольклорной эстетике (А.-П. Салаватов, М. Курбанов, А. Баширов). Все больше делается поворот от сугубо социальной проблематики к вопросам семейно-бытового, нравственного характера, активизируется интерес к частной жизни персонажей.

Данные тенденции имели усиление в послевоенные годы. Сценические произведения А. Курбанова, Аткая, Г. Рустамова и др., которым были присущи оригинальность, новизна, показательны тем, что их сюжетную основу составляли проблемы производства. Однако при этом на передний план выносилась частная жизнь персонажей, являвшихся в большей мере представителями молодого поколения. Семейно-бытовая, социально-нравственная парадигма утверждалась в качестве мейнстрима, основного направления словесности.

Творческое своеобразие, самобытность мастеров слова способствовали выходу национальной словесности на новые рубежи. Символично создание в послевоенные годы первой полновесной психологической драмы «Любовь Асият» А. Курбанова, являющегося автором около двух десятков сценических произведений.

Можно однозначно констатировать, что кумыкская драматургия первой половины XX в. прошла впечатляющий путь развития. Кумыкские авторы внесли весомый вклад в становление и развитие национальной и всей дагестанской драматургии.

Л и т е р а т у р а

1. Говоров С. Д. Кумыкский театр. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1955. – 127 с.
2. Султанов К. Д. Къумукъланы адабияты (Литература кумыков). – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1964. На кум. яз. – 232 с.
3. Зулфукарова М. И. Дагестанская советская драматургия. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1965. – 240 с.
4. Абдуллатипов А.-К. Ю., Шабаева Л. А. История кумыкской литературы. II часть. – Махачкала: «Формат», 2017. – 619 с.
5. Абдуллатипов А.-К. Ю., Шабаева Л. А. История кумыкской литературы. III часть. – Махачкала: ДГУ; ДГПУ, 2019. – 619 с.
6. Шабаева Л. А. Жизнь и творчество Амира Курбанова. – Махачкала: ГУП «Типография ДНЦ РАН», 2008. – 126 с.
7. Гусейнов М. А. История кумыкской литературы. Т. 2. Литература 1920–1955 гг. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2018. – 552 с.
8. Гусейнов М. А. Национальная литература кумыков (поэзия, драматургия, критика). – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2009. – 318 с.
9. Султанова Г. А. Дагестанская драматургия XX столетия. – Махачкала: ИЯЛИ ДФИЦ РАН; Алеф, 2020. – 452 с.
10. Батырмурзаев А. Мюритлер (Мюриды). – Махачкала: Даггиз, 1929. На кум. яз. – 64 с.
11. Курбанов А. Авланмакъ (Поворот). – Махачкала: Даггиз, 1934. На кум. яз. – 54 с.
12. Абдуллатипова Л. А. Амир Курбанов. Основные мотивы и жанры творчества: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 1998. – 16 с.
13. Салаватов А.-П. Пьесалар (Пьесы). – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1977. На кум. яз. – 184 с.
14. Курбанов А. Пьесалар (Пьесы). – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1978. На кум. яз. – 157 с.

15. Гусейнов М. А. Кумыкская драматургия 1920–1930-х годов: пути развития, проблематика, поэтика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – Вып. 4. – С. 365–369.

References

1. Govorov S. D. Kумыкский театр. – Махачкала: Dagknigoizdat, 1955. – 127 s.
2. Sultanov K. D. K"umuk"lany adabiyaty (Literatura kumykov). – Махачкала: Dagknigoizdat, 1964. Na kum. yaz. – 232 s.
3. Zul'fukarova M. I. Dagestanskaya sovetskaya dramaturgiya. – Махачкала: Dagknigoizdat, 1965. – 240 s.
4. Abdullatipov A.-K. Yu., Shabaeva L. A. Istoriya kумыкской literatury. II chast'. – Махачкала: «Format», 2017. – 619 s.
5. Abdullatipov A.-K. Yu., Shabaeva L. A. Istoriya kумыкской literatury. III chast'. – Махачкала: DGU; DGPU, 2019. – 619 s.
6. Shabaeva L. A. Zhizn' i tvorchestvo Amira Kurbanova. – Махачкала: GUP «Tipografiya DNC RAN», 2008. – 126 s.
7. Gusejnov M. A. Istoriya kумыкской literatury. T. 2. Literatura 1920–1955 gg. – Махачкала: IYALI DNC RAN, 2018. – 552 s.
8. Gusejnov M. A. Nacional'naya literatura kumykov (poeziya, dramaturgiya, kritika). – Махачкала: IYALI DNC RAN, 2009. – 318 s.
9. Sultanova G. A. Dagestanskaya dramaturgiya XX stoletiya. – Махачкала: IYALI DFIC RAN; Alef, 2020. – 452 s.
10. Bатырмурзаев А. Myuritler (Myuridy). – Махачкала: Daggiz, 1929. Na kum. yaz. – 64 s.
11. Kurbanov A. Avlanmak" (Povorot). – Махачкала: Daggiz, 1934. Na kum. yaz. – 54 s.
12. Abdullatipova L. A. Amir Kurbanov. Osnovnye motivy i zhanry tvorchestva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Махачкала, 1998. – 16 s.
13. Salavatov A.-P. P'esalar (P'esy). – Махачкала: Dagknigoizdat, 1977. Na kum. yaz. – 184 s.
14. Kurbanov A. P'esalar (P'esy). – Махачкала: Dagknigoizdat, 1978. Na kum. yaz. – 157 s.
15. Gusejnov M. A. Kумыкская драматургия 1920–1930-х годов: пути развития, проблематика, поэтика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – Вып. 4. – С. 365–369.

УДК 811.512.1

*П. В. Сивцева-Максимова***Источниковедческий анализ работ
В. Ф. Трощанского по этнографии якутов
в контексте исследований наследия А. Е. Кулаковского**

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье представляются работы В. Ф. Трощанского (1843–1898) «Эволюция черной веры якутов», «Наброски о якутах якутского округа» в сравнительном контексте с материалами по этнографии и социальным вопросам из научного наследия А. Е. Кулаковского (1877–1926). Актуальность исследования заключается в изучении их трудов в аспектах и направлениях концептуальных положений относительно культуры народа саха, в привлечении внимания исследователей к материалам Трощанского, представляющим несомненные интересные источники этнографического плана. Цель исследования – раскрыть параметры научной аргументации выводов в работах Кулаковского как логически выверенных продуманных положений в четких границах темы, определить их переклички с идеями работ Трощанского, где особенную значимость приобретают авторские ракурсы изучения жизни якутов. Методологической базой исследования являются теоретические направления источниковедения как отрасли филологии. В этом плане анализ ранее не изученных или малоизученных текстов Трощанского может выступать в определенной степени новым значительным материалом по этнографии якутов. В работе избраны культурологический, герменевтический методы в сравнительно-типологическом анализе текстов, источников, документов. Результаты изучения представленных материалов заключаются в подтверждении параметров индивидуального авторского начала в систематизации выводов, отраженных в представленных работах, во введении в научный оборот новых сопоставительных материалов в изучении наследия якутских классиков, в частности Кулаковского – глубокого знатока, исследователя культуры, истории родного народа.

Ключевые слова: ранние источники, публикации начала XX в., творческая история, авторский текст, древнее верование, этнография саха, Трощанский в ссылке, Пекарский, Кулаковский, якутская интеллигенция.

Исследование проведено в рамках гранта РФФИ, проект №19-012-00467А «Источниковедческие аспекты изучения роли христианской культуры в становлении якутской письменности и литературы».

DOI 10.25587/p9328-4396-3862-t

СИВЦЕВА-МАКСИМОВА Прасковья Васильевна – д. филол. наук, профессор СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: smpv50@mail.ru

SIVTCEVA-MAKIMOVA Praskovia Vasilievna – Doctor of Philological Sciences, Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

P. V. Sivtceva-Maksimova

Source analysis of V. F. Troschansky's work on the ethnography of the Sakha (Yakut) in the context of the heritage studies of A. E. Kulakovsky

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article presents the works of V. F. Troschansky (1843–1898) "The Evolution of the black faith of the Sakha (Yakut)", "Sketches on the Sakha (Yakut) of the Yakut district" in a comparative context with materials on Ethnography and social issues from the scientific heritage of A. E. Kulakovsky (1877–1926). The relevance of the research lies in the study of their works in the aspects and directions of conceptual provisions regarding the culture of the Sakha people; in attracting the attention of researchers to the materials of Troschansky, which undoubtedly are interesting resources on different issues, and this not only in ethnographical matters. The purpose of the study is to reveal the parameters of the scientific argumentation of the conclusions in the works of Kulakovsky as logically verified thoughtful provisions within the clear boundaries of the topic; to determine their overlaps with the ideas of Troschansky's works, where the author's perspectives of studying the life of the Sakha (Yakut) acquire special significance. The methodological basis of the research lies in the theoretical direction of source study as a branch of philology. In this regard, the analysis of previously unexplored or poorly studied texts of Troschansky may, to a certain extent, be a new significant material on the ethnography of the Sakha (Yakut). The work selected cultural, hermeneutic methods in the comparative typological analysis of texts, sources and documents. The results of the study of the presented materials are in the confirmation of the parameters of the individual author's principle in systematization of the conclusions reflected in the presented works; in the introduction into scientific circulation of new comparative materials in the study of the heritage of the Sakha (Yakut) classics, in particular Kulakovsky, a deep connoisseur, researcher of culture and history of his native people.

Keywords: early sources, publications of the early twentieth century, creative history, author's text, ancient beliefs, ethnography of Sakha, Troschansky in exile, Pekarsky, Kulakovsky, Yakut intelligentsia.

The study was carried out within the framework of the RFBR grant, project No. 19-012-00467A "Source study aspects of studying the role of Christian culture in the formation of Sakha (Yakut) writing and literature".

Введение

В. Ф. Трощанский (1843–1898) родился в Бессарабской губернии, дворянин, окончил Кишиневскую гимназию. Будучи студентом Петербургского технологического института, стал одним из активных членов второго состава группы «Земля и воля». После вторичного ареста в 1878 г. был приговорен к десяти годам каторжных работ, в 1886 г. отправлен на поселение в Ботурусский улус Якутской области. Жил в селе Черкех Жехсогонского наслега, издавал несколько номеров нелегального журнала «Улусный сборник», в котором принимали участие политические ссыльные, жившие рядом или в других улусах Якутии, в том числе Н. А. Виташевский, В. М. Ионов, Э. К. Пекарский и др. Впоследствии Трощанский занимался изучением истории и культуры якутов [1]. Можно предположить, что в этом для него примером стала деятельность составителя «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского (1858–1934), который в 1878 г. был исключен из числа студентов Харьковского ветеринарного института за участие в революционной работе,

через год арестован в Москве и в 1881 г. сослан на поселение в Якутскую область. Он жил в первом Игидейском наслеге Ботурусского улуса. Как написал сам Пекарский в предисловии к первому тому второго издания словаря якутского языка, ко второй половине 1880-х гг. им было систематизировано более 7000 слов якутского языка, в чем активно помогали ему коренные жители, образованные якуты [2].

Другим стимулом в изучении образа жизни якутов для Трощанского можем считать организованную во второй половине XIX в. деятельность Императорского Русского географического общества. В 1894–1896 гг. прошло самое крупное научное мероприятие Восточно-Сибирского отделения ИРГО под названием «Якутская (Сибиряковская) экспедиция», в обширной работе которой по исследованию уникального климата края, общественного строя, материальной и духовной культуры народов приняли участие 26 человек, в том числе 15 политических ссыльных: Н. А. Виташевский, В. Г. Богораз, Л. Г. Левенталь, И. И. Майнов, Э. К. Пекарский, С. В. Ястремский, Н. Л. Ионов, Г. Ф. Осмоловский, В. В. Ливадин, В. Ф. Трощанский и др. [3].

Работы В. Ф. Трощанского по этнографии якутов

При жизни автора были опубликованы довольно объемные труды по систематизации наблюдений и замечаний по итогам Сибиряковской экспедиции: «Материалы по этнографии якутов Якутской области: одежда, посуда, утварь», «Опыт систематической программы для собирания сведений о дохристианских верованиях якутов» [4, 5]. До конца своих дней Трощанский работал над завершением более углубленных исследований на основе представленных в форме отчетов рукописей. По датам первых публикаций 1886, 1888, 1895 гг. можно проследить, что материалы по этнографии представляют итоги начальных представлений Трощанского об особенностях жизни народов на северных территориях России, что, возможно, и послужило мотивом его участия в работе Сибиряковской экспедиции. В этом плане ценность его работ заключается в том, что они могут выступать первоначальным источником в изучении проблем текстологии на материалах научного наследия А. Е. Кулаковского. Как доказывается в монографии А. Л. Гришунина, «текстологическая работа опирается на источники текста: с выявления и изучения этих источников она и начинается» [6, с. 73].

Сочинение «Эволюция черной веры (шаманизма) якутов», как отметил сам автор, было завершено 25 декабря 1895 г. Но после он с отдельными корректировками переписывал его на беловик до 1898 г. Работа опубликована в форме научного труда под редакцией Э. К. Пекарского в издательстве Императорского Казанского университета в 1903 г. [7].

В данное издание дополнительно к материалам Трощанского вводятся «10 фигур» – фотографии и рисунки шаманской одежды, деталей атрибутов; «4 приложения», представляющие краткие комментарии и пояснения, сделанные Пекарским [7, с. 167–185]. Особую ценность представляет выполненный Н. Ф. Катановым обстоятельный указатель в двух частях по всему тексту работы Трощанского, где точно отмечаются страницы книги [7]. В Указателе собственных имен включено 161 имя и название местностей. Указатель якутских слов составляет более 450 единиц описанных или упомянутых предметов и понятий социального, этнографического значения. Помещенное в конце книги данное приложение имеет самостоятельную нумерацию страниц. Эти дополнения подтверждают уважительное отношение к автору рукописи, показывают ответственность издателей в исполнении его завещания.

Основное содержание работы Трощанского состоит из введения (1–5 стр.), двух частей (6–152 стр.) и заключительных замечаний (153–166 стр.). В первой части описываются особенности верования якутов в сравнительных контекстах с культурой и верованием других тюркских и монгольских народов (I–VII главы). Во второй части – традиции и ритуалы якутов, шаманское действо, одежда и атрибуты (VIII–XIV главы).

В предисловии к «Материалам для изучения верования якутов» А. Е. Кулаковский называет работу «Эволюция черной веры (шаманизма) якутов» ценным и серьезным исследованием. Он отмечает, что «религия древних якутов почти совершенно позабита нынешними якутами... Из религиозных поверий в памяти народа остались лишь только жалкие отрывочные данные, и то только из области внешней, обрядовой стороны. ...Воссоздать из осколков разрушенного здания древней якутской религии новое здание, соответствующее прежнему, крайне трудно. Этого достиг до известной степени В. Ф. Трощанский». Кулаковский считает основной заслугой исследования Трощанского то, что «он первый подошел к верованиям якутов с научной точки зрения, провел много параллелей с верованиями родственных якутам народов, пролил свет на многие непонятные термины и понятия» [8, с. 7].

Но, с другой стороны, Кулаковский отмечает дискуссионные стороны в работе Трощанского. Он не соглашается с выводом исследователя о том, что «принцип добра и справедливости якутским богам не присущ». В работе Трощанского читаем: «Верования, обуславливаемые светлыми силами,... начали ослабевать задолго до принятия христианства якутами, замещаясь верованиями, основой которых были темные, враждебные силы, – и вот эти верования стали утрачиваться с приходом русских. Однако и по сохранившимся остаткам мы видим, что верования якутов имели подчас глубокое философское основание» [7, с. 4-5].

Отрицание Трощанским борьбы доброго начала со злом в традиционных верованиях якутов главным образом связывается с суровыми климатическими условиями, их местом жительства по отношению к прародине. А именно с тем, что якуты как народы тюркского происхождения покинули теплые края, а на территории с суровым северным климатом встретили массу трудностей природного характера. Более того, постоянно боролись с «необычайно резко изменившимися условиями жизни»,... что заставило их «всецело обратить свое внимание на те божества, которые, по их понятиям, насылали все эти несчастья» [7, с. 33-34].

В качестве доказательства ошибочности этого заключения Кулаковский пишет: «Боги создают сильных героев со специальной целью обуздать злое начало, сами они заступаются за героев и вообще за правых; строго карают созданных ими же любимых героев за обиды, причиненные последними людям. Вера якутов была далека от идолопоклонства и шаманизма; она перешла эту стадию на несколько ступеней» [8, с. 9].

В этом плане можем уточнить два момента: во-первых, Кулаковский в определенной степени не придерживается общепринятого мнения о переселении якутов с юга на север, он пишет о северных территориях как об исконной земле саха; во-вторых, в работах Трощанского наблюдается личное неприятие природных условий, где девять месяцев в году холодно или крайне холодно, что усугубляется тем, что при завершении труда всей своей жизни, его здоровье было очень слабым. Кроме того, в текстах прочитывается и выражение неодолимой тоски автора по родине.

Кулаковский в предисловии к «Материалам для изучения верования...» крайнюю однозначность заключений Трощанского объясняет тем, что он «не знал якутского языка и не располагал обширным якутским материалом» и по этой причине часто основывался в своем исследовании на единичных фактах. В представленной работе, подчеркивая, что якутское верование развивалось по общему ходу эволюции естественных религий, Кулаковский делает следующий вывод: «Характерной чертой якутской религии была утилитарная и материалистическая точка зрения. Двойственность сил природы выражена в ней довольно ярко, но без резких переходов... Нам, нынешним якутам, остается только удивляться – как могла создаться у такого незначительного народца, каковыми являлись наши предки, – такая религия высокого развития» [8, с. 9].

Рукопись другой работы В. Ф. Трощанского «Наброски о якутах Якутского округа» была завершена 14 декабря 1893 г., что подтверждается записью автора. Здесь он

отмечает и место создания работы: «3-й Жохсогонский наслег, Ботуруссаго улуса, Якутского округа». Данный труд был опубликован под редакцией и примечаниями Э. К. Пекарского в издательстве Императорского Казанского университета в 1911 г. [9]. Таким образом, Пекарский выполнил завещание автора работ, который доверил ему свои рукописи и просил содействовать в их издании.

В предисловии «Набросков о якутах...» Пекарский, выделив в тексте прописными буквами слова «источник» и «скотоводчество», пишет следующее: «Несмотря на сравнительное богатство литературы о якутах, верные сведения о них мало распространены среди обыкновенной читающей публики, которая в большинстве случаев вынуждена довольствоваться так называемыми популярно-научными изданиями, наполненными неизвестно на чем основанными измышлениями по адресу этого интересного племени... На самом деле племя это издавна главным источником своего существования полагает именно скотоводство, а важнейшим подспорьем к нему – земледелие» [9, с. 2-3]. Далее он определяет ценность работы тем, что «наблюдения умного и пытливого человека, кем был несомненно покойный Трощанский», вносят много нового, уточняют и дополняют обширное исследование В. Л. Серошевского «Якуты» [10].

В данной работе Трощанского текст располагается по главам. В их названиях отражается скрупулезное структурирование содержания по конкретным ракурсам и темам наблюдений. Но в его тексте, изданном в форме книги, оглавления нет, нумерация страниц начинается с предисловия (с. 1–3). Первая глава «Якуты в их домашней обстановке» состоит из двух частей, принятых как две главы, где дается описание жилища якутов и якутской семьи, по социальному статусу относящейся к крайне бедному сословию (с. 3–35). Наброски в третьей главе озаглавлены «Любовь и брак якутов» (с. 36–45). Четвертая–шестая главы посвящаются наблюдениям состава и характера работ по хозяйству как основе жизни, а также традиций по верованию и культуре: «Землепользование» (с. 45–60), «Земледелие» (с. 60–72), «Скотоводство» (с. 72–86). В этих главах отражаются в целом размышления о жизни бедной семьи, даются отдельные факты статистического типа, в достоверности которых не уверен сам автор. Он строит свои наблюдения на основе «Записок по вопросу об исследовании отношений между развитием земледелия в Якутской области и благосостояния якутов» (автор этой работы не указывается). Но отмечается, что «Записка» «должна послужить, так сказать, канвой для будущего исследования» [9, с. 63].

Непонятым для Трощанского выступает здесь отношение крестьян к богатым: «Такова неимоверная эксплуатация, но ужаснее всего то, что ни один якут ею не возмущается, да им и в голову не приходит, что тут есть что-нибудь мерзкое. Среди русских крестьян такой человек называется мироедом, а тут он «ага» – «отец» [9, с. 52].

Описания этнографического и социального характера раскрываются в седьмой и восьмой главах работы: «Прирост населения. Происхождение якутов. Брак. Усыновление. Старики» (с. 86–98); «Способы обогащения. «Городчик». Карточная игра. Честность» (с. 98–107). В материалах данных разделов одним из интересных для нас положений является то, что на основе наблюдений метрической книги, Трощанский пишет: «Якуты, судя по данным нашего прихода, во всяком случае не принадлежат к вырождающимся расам» [9, с. 87].

Также здесь он отмечает, что «только поживя более или менее долго среди якутов и приглядевшись к их жизни, поймешь истинный смысл некоторых явлений, которые при беглом знакомстве получают совсем другое освещение» [9, с. 104]. В подтверждение честности и уважительного отношения к богатому человеку Трощанский приводит следующий эпизод из своих наблюдений: «Когда я спросил его, дал ли он голове расписку, то он удивленно посмотрел и отрезал: суох (нет). – Ну, если расписки нет, – сказал я, желая испытать его, – то ты можешь не платить и сказать, что ты ему совсем не должен. Вы не можете себе представить, какое впечатление произвели на него

мои слова. Сначала он был поражен до того, что весь вытянулся аж глаза стали совсем круглые, брови поднялись кверху и лоб покрылся крупными складками; затем, он как-то взвизгнул, согнулся в дугу, замахал руками, затряс головою и закричал: суох, суох, суох!» [9, с. 104].

Девятая и десятая главы: «Органы самоуправления. Школы. Медицина. Нервные болезни» (с. 107–118), «Бюджет якутской семьи. Заработки (кузнечество). Культурная роль духовенства и пришлого русского элемента» (с. 118–128) – посвящаются отрывочным наблюдениям об общественной жизни наслега, где дискуссионным выступает вывод автора, высказанный в форме вопроса (риторического): «...Якуты совсем не интересуются чтением современных книг, как интересуются русские крестьяне, для которых это составляет немаловажный стимул в школьном деле. Точно так же они несколько не могут быть заинтересованы книжками для народного чтения, потому что они им будут совсем непонятны как принадлежащие другому народу, другой культуре. Ну а кто же позаботится о создании специально якутской литературы? И в самом деле, какая может быть польза якутам от школы?» [9, с. 110].

Одиннадцатая глава работы «Соприкосновение якутов с русскими. Остатки родового быта. Роль богачей. Телесные наказания» выполняет функцию заключительной части исследования. В данном разделе рассказывается об особом почитании якутами родовых и национальных традиций, подчеркивается чрезвычайное почитание якутской одежды («сахалы танас»), преклонение духам природы, свадебным обрядам. Трощанский отмечает, что якуты венчаются, но при этом национальные обряды выступают всегда главными. «Кто-то из молодых богачей купит себе городские сани, кто-то из якуток заведет городские серьги, кольца, но обуви никто из них не изменит, точно так же как и покроя платья и шапки. Разумеется, все будет шелковое, шерстяное и даже отделанное блондой (кружевами), но все это будет с а х а л ы ы, по-якутски, и такая девица-богачка, выйдя замуж, поедет в дом жениха верхом на лошади и будет исполнять со всей строгостью все старинные свадебные обряды». В этой связи автор пишет, что «якуты самые завзятые патриоты. Им чрезвычайно льстит», когда русский изучает их язык. «Сами не особенно охотно обучаются русскому, и даже в тех случаях, когда какой-нибудь якут умеет говорить по-русски, он предпочитает говорить по-якутски. Впрочем, им мешает говорить по-русски не только патриотизм, но и чрезмерное самолюбие: они ужасно боятся насмешек из-за какой-нибудь ошибки и охотнее решаются говорить по-русски с глазу на глаз; присутствие понимающего по-русски якута для них более всего стеснительно» [9, с. 130–131].

В конце главы приводятся необыкновенные примеры из жизни якутов. Приведем сокращенный текст одного из них:

«Другой случай еще любопытен. Как-то поселенец был за что-то приговорен окружной полицией 30 ударами розог в родовом управлении, причем предписано было заседателю наблюсти за точным исполнением приговора. Спустя долгое время заседатель приезжает в это родовое управление и, между другими делами, спрашивает старосту, приведен ли в исполнение приговор о поселенце. Тот отвечает, что не приведен, так как ждали его, заседателя. Последний приказал приготовить розги и привести поселенца. Староста ответил, что розги готовы и поселенец тут. Тогда заседатель велел сейчас же произвести экзекуцию, староста же, весь в волнении, предлагает, что не лучше ли будет сделать это не здесь, на глазах заседателя, а в юрте, стоящей тут же во дворе. Заседатель с радостью соглашается на такую комбинацию, – он был еще молод. Тогда староста, двое старшин и еще несколько якутов отправились в юрту, где ждал поселенец. – Нам велено наказать тебя розгами, – сказал староста, – но мы не хотим; пусть наказывают тебя в городе, а мы не хотим. Но так как приказ нужно исполнить, то мы тут побудем некоторое время, а потом пойдем и скажем, что уже высекли тебя, а если ваш заседатель спросит тебя, то ты подтверди наши слова, – согласен ли?

Поселенец согласился, и в результате все остались довольны: и якуты, и поселенец, и заседатель, который исполнил предписание. Таковы-то якуты, но якуты той местности, которая нам известна, – якуты Якутского округа и, главным образом его восточной части». Этим эпизодом завершаются «Наброски о якутах...» В. Ф. Трошанского, и автор ставит дату: «14 декабря 1893 г.» [9, с. 144].

То, что Кулаковский изучал «Наброски о якутах Якутского округа», подтверждается в его письме Э. К. Пекарскому от 18 ноября 1912 г., где он сообщает о своих работах по якутскому языку, фольклору. Выражает искреннее почтение Эдуарду Карловичу, называя его «отцом якутской литературы»: «...без Вас не нашлось бы лица, у которого хватило бы дерзости принять на себя такой колоссальный труд, как Ваш словарь». Пишет и свои соображения по уточнению вопросов относительно функциональных особенностей якутской речи. В этом письме находим и такие строки: «С удовольствием прочитал я русские тексты Худякова, Серошевского, Трошанского. У первых двух большие погрешности наряду с достоинствами... Удивляюсь замечательной выдержанности выводов Василия Филипповича...» [11].

В таких исследованиях Кулаковского, как статья «О происхождении слова «якут» и работа социально-философской проблематики «Якутской интеллигенции», находим соприкосновения различных точек зрения, раскрываемых в содержании и ракурсах освещения вопросов культуры, образа жизни якутов в трудах Трошанского.

Особенности авторского начала в работах А. Е. Кулаковского

Часть этнографических материалов Кулаковского была впервые опубликована по представлению самого автора в «Записках Краевого Географического общества» в 1922 г. под названием «Материалы по изучению верования древних якутов» [12]. В публикации следующего года «Материалы...» в полном объеме издаются самостоятельной книгой [13], где в названии работы исключается определение «древних» без согласования с автором. Таким образом, редакторами не учитываются два существенных момента: во-первых, именно «древние поверья» или «верования древних якутов» выступают в работе Кулаковского основным предметом исследования. Это восемь разделов из одиннадцати – большая часть всех собранных и систематизированных «Материалов». В их названиях: «Вселенная», «Сверхъестественные существа», «Кут-сюр», «Запретительные поверья», «Легенды о животных» и др. – отражаются основные направления и понятия древних представлений окружающего мира и жизни человека. Также в предисловии однозначно четко определяется стремление автора внести уточнения в неверных выводах Трошанского относительно древней религии якутов.

Во-вторых, продуманная систематизация материалов представляет, как со временем претерпевают изменения или постепенно утрачиваются с принятием христианства древние верования якутов. В этом аспекте в «Материалах» Кулаковского представляется естественная линия принятия якутами христианства. Во втором разделе о «высших существах, олицетворяющих начало добра», в пункте втором читаем: «С введением христианства понятие о главном и добром боге Урун Аар Тойон смешалось с понятием о христианском боге, у которого функции оказались тождественными с функциями первого, по крайней мере, в существенном – в отношении создания мира, доброты и справедливости. С другой стороны, христианские священники должны были запрещать вновь обращаемым называть Господа-бога таким фигурным именем как Урун Айы Тойон». Но «согласились на название Айы Тойон (Божество/Творец-Господин), под которым якуты свободно могли подразумевать, в силу значения слова «Айы», своего главного бога Урун Айы Тойона и под которым до сих пор подразумевают христианского доброго бога». Заканчивается этот пункт следующим убедительным выводом Кулаковского: «Итак, Айы Тойон раньше не существовал отдельно от Урун Аар Тойона, и это имя позднейшего происхождения (христианской эры)» [8, с. 17-18].

В других названных работах Кулаковского прямого обращения к исследованиям Трощанского не наблюдается. В «Якутской интеллигенции» его предметные размышления о землепользовании, земледелии и скотоводству выводятся озаглавленными пунктами текста (первый, второй и четвертый пункты) [14]. В работе Трощанского – главы IV, V, VI [7]. Отличия в содержании соответствующих по названию частей заключаются в авторском подходе к поставленным проблемам, что обосновывается формулировками названий работ. В «Набросках...» Трощанский систематизирует свои наблюдения об образе жизни якутов крестьянского сословия. Кулаковский обращается к «якутской интеллигенции». Его размышления в этих разделах представляют не только специальные советы по организации труда, но и раскрывают проблемы экологии, на основе которых ставятся вопросы о необходимости бережного отношения к природе и социально-экономическим вопросам частной собственности. В разделах по сельскому хозяйству он правомерно учитывает научно-технические открытия, опирается на инструкции губернатора И. И. Крафта. В разделах об образовании, общественной жизни и предприятиях выводы о необходимости специализированных школ начальной ступени, о значении библиотек тоже находятся в русле социальных планов губернских мероприятий. Но здесь предложения Кулаковского по вопросам культурного уровня населения, дифференциации форм и методов кредитования, организации труда и жизни рабочих на Ленских приисках подкупают и современного читателя верностью определения необходимых нужных мер по их правильному решению. Кулаковский предлагает развитие сферы труда не только в традиционных для коренного населения направлениях, он убедительно доказывает необходимость организации эффективных форм активного участия в различных подрядных работах, включая монополии по золотодобывающему и рыбному промыслам, подчеркивает экономическую значимость сотрудничества с крупными фирмами Москвы. Во всем этом ставит интеллигенцию надежным руководителем и организатором прогрессивных дел наравне с крупными землевладельцами и купцами, благосостояние которых «улучшается – они составляют поэтому будущее здоровое ядро якутской народности» [14, с. 112].

Автор «письма» не говорит о нарастающей революционной ситуации, хотя Якутия в начале XX в., можно сказать, была одним из региональных центров активного насаждения радикальных идей, что подтверждают восстание политических ссыльных в 1904-1905 гг. в Якутске и Ленские события 1912 г. Но Кулаковский ставит главным вопросом времени возможность постепенного вымирания малочисленного народа и проблему обширной территории его проживания. Он выбирает самый бесспорный аргумент, который «спокойно» доказывается историей цивилизации и эволюцией геополитических отношений. В этом плане значительно его обращение к своим современникам в заключительной части размышлений: «Предупреждаю об одном: каково бы ни было личное мнение каждого из Вас относительно переселения в область русских, вымирания якутов и “желтой опасности” – Вы не должны предаваться обманчивым розовым надеждам, также не должны питать и в других эту надежду; если не солидарны со мной, не доказывайте противного, т. е. желанного лучшего. Действуйте и агитируйте единственно в пользу и ради культуры, насаждение которой стало в нашем веке злостной необходимостью, хотя (сказать, выбирая лучшую сторону) и помимо ужасных признаков переселения и вымирания...» [14, с. 113].

Кулаковский однозначно убежден в общественной значимости интеллигентов, мнениям которых окружающие всегда придают особое значение как людям, сведущим во многих непонятных им ситуациях и событиях. И здесь он подстерегает самих интеллигентов от некоего еще более зловещего, чем переселение, «признака» (нарастающего классового противостояния), на фоне этого еще раз специально подчеркивает необходимость работы по поднятию культурного уровня населения края.

Основной идеей «письма-обращения» является раскрытие социальной роли и патриотической ответственности интеллигенции и обеспеченных, богатых людей перед народом, конкретизированное определением их функции руководящего и организующего начала в самостоятельной деятельности многих в прогрессе нации как части человечества.

В этом направлении анализ социальных проблем начала XX в. отличается от наблюдений, систематизированных в качестве набросков примет и особенностей жизни в Якутии, в работах Трощанского.

Заключение

Проведенный первоначальный сопоставительный анализ работ Трощанского с материалами научного наследия классика якутской словесности расширяет и углубляет значение выводов в этнографических исследованиях Кулаковского как логически выверенных, продуманных положений в четких границах темы. Также можно найти определенные переключки с идеями работ Трощанского в послании Кулаковского «Якутской интеллигенции», где особенную значимость приобретают различные и часто противоположные аспекты осмысления отдельных вопросов истории и культуры народа саха. В этом плане ранее не изученные или малоизученные тексты Трощанского могут выступать в определенной степени новым значительным сопоставительным материалом по исследованию трудов Кулаковского по якутскому языку, фольклору, этнографии.

В исследованиях Кулаковского прочитывается стремление дополнить и уточнить отдельные положения Трощанского, при этом уважительное отношение к его трудам не вызывает сомнения. Кулаковский и сын Трощанского были друзьями по Якутскому реальному училищу, о чем свидетельствуют архивные документы, подтверждающие их переписку после училища [15]. В монографии Л. Р. Кулаковской приводятся отрывки из письма Алексея Кулаковского, подтверждающие их теплые дружеские отношения. Также в ней отмечается, что Кулаковский «сообщает Виктору Жуковскому о смерти отца, последовавшей от чахотки 25 января 1898 г., подробности похорон» [16, с. 125]. В. Ф. Трощанский прожил в Ботурусском улусе 12 лет. После истечения срока ссылки, он не уехал на родину, остался в Якутии. В созданном Д. К. Сивцевым–Суорун Омоллооном мемориальном музее «Якутская политическая ссылка» в селе Черкех была восстановлена юрта Трощанского, есть его фотография и работы, в частности, «Эволюция черной веры (шаманства) у якутов».

Л и т е р а т у р а

1. Патронова А. Г. Энциклопедия Забайкалья. – URL: <http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=3267> (дата обращения 12.01.2021)
2. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Предисловие. – Т. 1, 2-е изд. – АН СССР, 1959. – Ст. 1280.
3. Якутская (Сибиряковская) историко-этнографическая экспедиция. – URL: http://irkpedia.ru/content/yakutskaya_sibiryakovskaya_istoriko_etnograficheskaya_ekspediciya_istoricheskaya (дата обращения 12.01.2021)
4. Трощанский В. Ф. Материалы по этнографии якутов Якутской области: одежда, посуда, утварь // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. – Ч. 1. – 1886. – Т. 17, вып. 1, 2; Ч. 2-3. – 1888. – Т. 18. – С. 1–43.
5. Трощанский В. Ф. Опыт систематической программы для собирания сведений о дохристианских верованиях якутов / Сост. В. Ф. Трощанский. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1895. (Перепечатано: «Живая старина», 1911. – Вып. 2. – С. 247–292).
6. Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. – М.: «Наследие», 1998. – 415 с.
7. Трощанский В. Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Редактированное Э. К. Пекарским, дополненное примечаниями Э. К. Пекарского и Н. Ф. Катанова и снабженное

приложениями Э. К. Пекарского, А. А. Наумова и В. В. Попова. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1903. – 216 с.

8. Кулаковский А. Е. Научные труды. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1979. – 484 с.

9. Трошчанский В. Ф. Наброски о якутах Якутского округа. Под редакцией и с примечаниями Э. К. Пекарского. – Казань: Типография Императорского университета, 1911. – 144 с.

10. Серошевский Л. В. Якуты. Опыт этнографического исследования. Издание Императорского Русского географического общества на средства пожертвования А. И. Громовой. Под редакцией профессора Н. И. Веселовского. – Т.1. – С-Петербург: Типография Главного управления Уделов, 40, 1896. – 738 с.

11. Кулаковский А. Е. Письмо Э. К. Пекарскому // Архив АН СССР (СПб), ф.202, оп. 2, д. 242, лл. 1-7.

12. Кулаковский А. Е. Материалы по изучению верований древних якутов // Сб. материалов к изучению Якутии. – Якутск, 1922. – Вып. 1. – С. 25–29.

13. Кулаковский А. Е. Материалы по изучению верований якутов // Записки Краевого Географического общества. Книга 1. – Якутск, 1923. – 107 с.

14. Кулаковский А. Е. Якутской интеллигенции. – Новосибирск: Наука, 2012. – 189 с.

15. Кулаковский А. Е. Письмо Виктору Жуковскому // Национальный архив РС(Я), ф.1480, оп. 1, д.6, л. 1–2.

16. Кулаковская Л. Р. Научная биография А. Е. Кулаковского. Личность поэта и его время. – Новосибирск: Наука, 2008. – 296 с.

References

1. Patronova A. G. Enciklopediya Zabajkal'ya. – URL: <http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=3267> (data obrashcheniya 12.01.2021)

2. Pekar'skij E. K. Slovar' yakutskogo yazyka. Predislovie. – Т. 1. 2-е изд. – АН СССР, 1959. – Ст. 1280.

3. Yakutskaya (Sibiryakovskaya) istoriko-etnograficheskaya ekspediciya. – URL: http://irkipedia.ru/content/yakutskaya_sibiryakovskaya_istoriko_etnograficheskaya_ekspediciya_istoricheskaya (data obrashcheniya 12.01.2021)

4. Troshchanskij V. F. Materialy po etnografii yakutov Yakutskoj oblasti: odezhdha, posuda, utvar' // Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. – Ch. 1. – 1886. – Т. 17, vyp. 1, 2; Ch. 2-3. – 1888. – Т. 18. – С. 1–43.

5. Troshchanskij V. F. Opyt sistematicheskoy programmy dlya sobiraniya svedenij o dohristsianskih verovaniyah yakutov / Sost. V. F. Troshchanskij. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo Universiteta, 1895. (Perepechatano: «Zhivaya starina», 1911. – Vyp. 2. – С. 247–292).

6. Grishunin A. L. Issledovatel'skie aspekty tekstologii. – М.: «Nasledie», 1998. – 415 с.

7. Troshchanskij V. F. Evolyuciya chernoj very (shamanstva) u yakutov. Redaktirovannoe E. K. Pekar'skim, dopolnennoe primechaniyami E. K. Pekar'skogo i N. F. Katanova i snabzhennoe prilozheniyami E. K. Pekar'skogo, A. A. Naumova i V. V. Popova. – Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1903. – 216 с.

8. Kulakovskij A. E. Nauchnye trudy. – Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izd-vo, 1979. – 484 с.

9. Troshchanskij V. F. Nabroski o yakutah Yakutskogo okruga. Pod redakciej i s primechaniyami E. K. Pekar'skogo. – Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 1911. – 144 с.

10. Seroshevskij L. V. Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya. Izdanie Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva na sredstva, pozhertvovaniya A. I. Gromovoj. Pod redakciej professora N. I. Veselovskogo. – Т.1. – С-Петербург: Tipografiya Glavnogo upravleniya Udelov, 40, 1896. – 738 с.

11. Kulakovskij A. E. Pis'mo E. K. Pekar'skomu // Arhiv AN SSSR (SPb), f.202, op. 2, d. 242, ll. 1-7.

12. Kulakovskij A. E. Materialy po izucheniyu verovanij drevnih yakutov // Sb. materialov k izucheniyu Yakutii. – Yakutsk, 1922. – Vyp. 1. – С. 25–29.

13. Kulakovskij A. E. Materialy po izucheniyu verovanij yakutov // Zapiski Kraevogo Geograficheskogo obshchestva. Kniga 1. – Yakutsk, 1923. – 107 с.

14. Kulakovskij A. E. Yakutskoj intelligencii. – Novosibirsk: Nauka, 2012. – 189 s.
15. Kulakovskij A. E. Pis'mo Viktoru Zhukovskomu // Nacional'nyj arhiv RS(YA), f.1480, op. 1, d.6, l. 1–2.
16. Kulakovskaya L. R. Nauchnaya biografiya A. E. Kulakovskogo. Lichnost' poeta i ego vremya. – Novosibirsk: Nauka, 2008. – 296 s.

О. К. Страшкова, И. А. Бабенко

**Пародирование кодов классической трагедии
в драматургических экспериментах
А. В. Сухово-Кобылина и Н. Р. Эрдмана**

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Аннотация. Пародийная рецепция жанровых признаков трагедии является одной из характеристик организации поэтики драматургических экспериментов А. В. Сухово-Кобылина и Н. Р. Эрдмана. Материалом аналитического прочтения послужили комедия-шутка А. В. Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина» и пьеса Н. Р. Эрдмана «Самоубийца», исследуемые в границах сравнительно-исторического, историко-типологического, герменевтического методов, а также метода структурного анализа. Пьесы Сухово-Кобылина и Эрдмана рассматриваются как пародийная игра с классическим жанром трагедии. Пародирование формы возможно при наличии устойчивых признаков. Наполнение формы новыми неожиданными смыслами предприняли драматурги XIX и XX столетий в процессе пародийного осмысления канонических признаков жанра: конфликта, героического персонажа, стремящегося преодолеть роковую предопределенность структурных элементов. Кажущаяся роковая предопределенность в драмах Сухово-Кобылина и Эрдмана реализуется в пародийном пространстве: рок выдуман (Тарелкин) и навязан (Подсекальников). Если герой трагедии действовал из высоких побуждений (даже если это была кровная месть), то герой нового времени вступает в борьбу с бытовыми, сугубо материальными и даже нарочито сниженными обстоятельствами, что создает пародийный эффект. Герой классической трагедии в драматургических экспериментах пародируется ничем не примечательными персонажами, играющими в борьбу со смертью. Тарелкин и Подсекальников балансируют на грани двух миров, выбирая в финале простой и понятный выход из конфликта. Сухово-Кобылин, оставляя финал открытым, пародирует композиционный строй трагедии: игра с Рокм заканчивается по желанию самого героя. Эрдман разрешает действие пародией на катарсис, инспирированный законом античной трагедии. Пародийное осмысление конфликта, типа героя, его жертвенной функции и страданий, композиционной организации в художественной системе комедии-шутки Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина» и пьесы Эрдмана «Самоубийца» выполняет несколько функций. С одной стороны, расширяется «понимающий» (М. Бахтин) потенциал жанра, что способствует его обновлению и развитию, созданию новых жанровых образований.

СТРАШКОВА Ольга Константиновна – д. филол. н., доцент, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета.

E-mail: olga.strashkova8@gmail.com

STRASHKOVA Olga Konstantinovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and World Literature, North-Caucasus Federal University.

БАБЕНКО Ирина Андреевна – к. филол. н., доцент кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета.

E-mail: irinababenko17488@yandex.ru

BABENKO Irina Andreevna – Ph.D., Associate Professor of the Department of Russian and World Literature, North-Caucasus Federal University.

С другой стороны, презентуется глубина и многогранность художественного мышления авторов, специфика их идиостиля. Трансформация формально-содержательного единства текста, пародирование кодов классической трагедии в пространстве комедийного жанра открывает новые возможности прочтения жанрового канона.

Ключевые слова: пародия, жанр, трагедия, конфликт, герой, катарсис, композиция, экспериментирование.

DOI 10.25587/v3232-3496-6124-h

O. K. Strashkova, I. A. Babenko

Paroding of classical tragedy codes in dramaturgical experiments A. V. Sukhovo-Kobylin and N. R. Erdman

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Abstract. The parodic reception of genre signs of tragedy is one of the most important characteristics of the poetic organization of A.V. Sukhovo-Kobylin and N.R. Erdman. The material of the research was the comedy-joke A. V. Sukhovo-Kobylin “Death of Tarelkin” and the play by N. R. Erdman “Suicide”. The plays of Sukhovo-Kobylin and Erdman within the framework of this work are considered from the point of view of a parody game with a traditional form-meaning genre unit. Parodying a form is possible in the presence of stable, canonical features. And it was the filling of the classical form with new, unexpected meanings that the playwrights of the 19-th and 20-th centuries undertook in the process of parodic comprehension of the genre of tragedy. The seeming fatal predetermination in the dramas of Sukhovo-Kobylin and Erdman is realized in a parody world: Rock is invented (Tarelkin) and imposed (Podsekalnikov). If the hero of the tragedy acted from high motives (even if it was a blood feud), then the hero of the new time enters into a struggle with everyday, purely material and even deliberately reduced circumstances, which creates a parody effect. The hero of a classic tragedy is parodied by unremarkable characters playing a fight with death. Tarelkin and Podsekalnikov balance on the edge of two worlds, choosing a simple and understandable way out of the conflict in the finale. Tarelkin, initially putting on the mask of a tragic hero, and rushing between the desire to live and the “need” to die Podsekalnikov, “resurrecting” from the smell of kutia, “play out” the tragedy, looking at his body from the side. Sukhovo-Kobylin, leaving the ending open, parodies the compositional structure of the tragedy: the game with Rock ends at the request of the hero himself. Erdman allows the action to be a parody of catharsis inspired by the law of ancient tragedy. Parodic understanding of the conflict, such as the hero, his sacrificial function and suffering, compositional organization in the artistic system of the comedy-joke Sukhovo-Kobylin “Death of Tarelkin” and Erdman’s play “The Suicide” performs several important functions. On the one hand, it expands the “understanding” (M. Bakhtin) potential of the genre, contributes to its renewal and development, the creation of new genre formations. On the other hand, it reflects the depth and versatility of the authors’ artistic thinking, the specificity of their idiostyle. The transformation of the formal content unity of the text, parodying the codes of classical tragedy in the space of the comedy genre opens up new possibilities for reading the genre canon.

Keywords: parody, genre, tragedy, conflict, hero, catharsis, composition, experimentation.

Введение

Жанр трагедии в русской драматургии нового и новейшего времени «не прижился». После трагедий А. П. Сумарокова, Я. Б. Княжнина, М. М. Хераскова, А. С. Пушкина, А. К. Толстого его элементы растворялись в синтетических жанровых формах. Тем продуктивнее представляется исследование *пародийной* рецепции канонических признаков классической трагедии, восходящих к античным образцам: роковая предопределенность судьбы, неразрешимый конфликт героя с Роком, смерть, инспирирующая катарсис.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования пародийной трансляции формы и содержания древнейшего жанра являются комедийные пьесы А. В. Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина» (1869) и Н. Р. Эрдмана «Самоубийца» (1928). Их сближает многое: разработка в драматургическом пространстве мотивов ложной смерти и ложного воскрешения, актуализация особого типа героя, балансирующего на грани двух миров, специфическая организация художественного мира, носящая характер драматургического эксперимента, а также обособленное положение пьес в творческом наследии авторов, тернистый путь к постановке на сцене, недооцененность современниками. Кроме того, в обоих произведениях центральной становится тема самоубийства (Тарелкин «убивает» себя, становясь Копыловым, а самоубийство Подсекальников, ожидаемое в течение всего действия, инициирует смерть Феде Питунина). При этом у Сухово-Кобылина трагедия (смерть Копылова) перерастает в шутку, а у Эрдмана шутка (колбаса, принятая за пистолет) превращается в трагедию. Примечательно также, что обе пьесы не имеют устойчивого жанрового определения («Смерть Тарелкина» по авторской трактовке – «комедия-шутка в трех действиях», жанр «Самоубийцы» и вовсе не конкретизирован – «пьеса»), свидетельствуя об экспериментальной сущности драматургических опытов их авторов. Именно экспериментированием Сухово-Кобылина и Эрдмана определяется, на наш взгляд, пародийное осмысление кодов жанра классической трагедии в комедийной форме.

Изучение особенностей рецепции жанровых кодов трагедии проводилось с применением сравнительно-исторического, историко-типологического, герменевтического методов, а также метода структурного анализа. Теоретическая база исследования опирается на труды Аристотеля, М. М. Бахтина, Ю. Н. Тынянова, О. М. Фрейденберг и др.

По замечанию Ю. Н. Тынянова, представленному в работе «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)», «в пародии обязательна невязка обоих планов, смещение их; пародией трагедии будет комедия, пародией комедии может быть трагедия» [1, с. 203]. Именно это утверждение даёт нам основание для прочтения названных пьес как пародийной игры с традиционной формосодержательной жанровой единицей Сухово-Кобылиным и Эрдманом. Пародийная трансляция формы или содержания, по мысли О. Фрейденберг, «есть имитация возвышенного посредством жалкого, несоответствие содержания и формы, <...> перевод с трагического на комическое» [2, с. 493]. При исследовании проблемы пародирования канонических признаков жанра актуальным представляется вопрос о семантической направленности приёма. Нам импонирует убеждение исследователя, видевшей в пародировании не уничтожение, а «усиление содержания, <...> утверждение высокого при помощи благодетельной стихии обмана и смеха» [2, с. 497]. В работе «О пародии» В. И. Новиков утверждает, что «все жанры могут стать объектом пародии: от многотомной эпопеи до афоризма. Любой из жанров может включать в себя пародию как часть, образуя с ней единое целое. Более того – пародия способна объективировать самый феномен жанра, со стороны смотреть на любую жанровую сущность» [3, с. 33–34]. Пародирование жанровых доминант – одна из древнейших форм иронической или саркастической рецепции (скрытой или явной) протекста. Это подтверждается многочисленными примерами из античной литературы.

«Пародия в аттической комедии представляет собой форму внутрикультурной рецепции трагического жанра» [4]. Специфика жанровой природы определяется М. М. Бахтиным, с одной стороны, набором инвариантных характеристик, для которых ученый ввел дефиницию «архаика жанра», с другой – целым рядом исторически изменяющихся факторов. И именно архаика жанра является наиболее продуктивным основанием для пародирования.

Таким образом, пародия формы возможна при наличии твердых, воспринимаемых каноническими, признаков и представляется нам «свидетельством устоявшейся формы и неоднозначности смысла» [5, с. 324]. Именно наполнение классической формы новыми неожиданными смыслами предприняли драматурги XIX и XX столетий в процессе пародийного осмысления жанра трагедии, что можно подтвердить утверждением М. М. Бахтина: «Пародия может быть самоцелью, но может служить и для достижения иных, положительных целей (например, пародийный стиль у Ариосто, пародийный стиль у Пушкина)» [6, с. 258-259].

Пародийная рецепция жанровых признаков трагедии в драматических экспериментах А. В. Сухова-Кобылина и Н. Р. Эрдмана

Пародийному осмыслению в комедии-шутке в трех действиях А. В. Сухова-Кобылина «Смерть Тарелкина» и пьесе Н. Р. Эрдмана «Самоубийца» подвергается основополагающий жанровый признак классической трагедии – конфликт. Конфликт традиционной трагедии, основанный на борьбе героя с Роком, предопределением, с непримиримыми противоречиями, реализуется в пьесах драматургов в «перевернутом» (Ю. Тынянов), т. е. пародийном, ракурсе. Герой сам «сотворяет» роковую предопределенность. «*Тарелкин*. Нужда меня заела, кредиторы истерзали, начальство вогнало в гроб!.. Умру. Но не так умру, как всякая лошадь умирает, <...> а умру наперекор и закону и природе; умру себе в сласть и удовольствии; умру так, как никто не умирал!..» [7, с. 142]. «Игра в смерть» навязана герою извне и надумана (*Александр Петрович*. Все же знают, что вы стреляетесь. <...> *Семен Семенович*. Почему я стреляюсь, скажите пожалуйста? <...> *Александр Петрович*. Потому что вы год как нигде не работаете и вам совестно жить на чужом иждивении» [8, с. 62]). Рок классической трагедии превращается таким образом в антирок, пародийный перевертыш, заданный в завязке пьес самими героями: «*Тарелкин (один)*. Решено!.. не хочу жить...» [7, с. 142] и «*Марья Лукьяновна*. Так, Семен, жить нельзя. Так, Семен, фокусы в цирке показывать можно, но жить так нельзя» [8, с. 53]. Так же пародийно и пространство, в котором реализуется конфликт обеих пьес: Тарелкин как бы мертв, а Подсекальников *якобы* собирается умереть. Сама борьба с «роковой предопределенностью» изначально является игрой. Подсекальников как бы подыгрывает окружающим, Рок подменяется слепым жребием, а трагическая неизбежность – удачливостью «претендентов» на первопричину самоубийства. Александр Петрович, персонаж «Самоубийцы», для убедительности обращается к сопоставлению выбора причины смерти Подсекальникова с риском при покупке лотерейного билета («*Александр Петрович*. Все записочки будут ему предложены, а какую из них он, товарищи, выберет – я сказать не могу» [8, с. 77]).

Если герой трагедии действовал из высоких побуждений (даже в случае кровной мести), то комедийный герой нового времени вступает в борьбу с бытовыми, сугубо материальными (голод, долги, безденежье) и даже нарочито сниженными обстоятельствами, что создает комический эффект. Отсюда и пародийное разрешение конфликта. Оно обусловлено не трагической закономерностью и фатальной неизбежностью, а сугубо физиологическими причинами: жажда и голод заставляют Тарелкина и Подсекальникова отказаться от затейливой игры, признать истинное положение вещей, раскрыть свой обман, перейти снова в «мир живых».

Основными показателями трагедии являются незаурядность героя, его высокая духовная цель и нравственно-волевая установка. Персонажи же Сухова-Кобылина

и Эрдмана как бы нарочито противопоставлены герою трагедии. Высокий сан его в классическом сюжете пародируется ничем не примечательными персонажами, играющими со смертью. Аристотель полагал, что трагический герой «впадает в несчастье не по своей негодности и порочности, но по какой-нибудь ошибке, тогда как прежде был в большой чести и счастье, каковы, например, Эдип, Фиест и выдающиеся лица из подобных родов» [9]. Герои Сухово-Кобылина и Эрдмана своими «бедами» также обязаны ошибкам, но ни в коей мере не являются лицами выдающимися, а их прежняя жизнь прямо противоположна и «большой чести», и «счастью». Они балансируют на грани двух миров, выбирая в финале удобный, простой и доступный им выход из конфликта. Тарелкин, изначально примеряющий маску трагического героя и мечущийся между желанием жить и «необходимостью» умереть, Подсекальников, «воскресший» от запаха кутьи, – оба «разыгрывают» трагедию, взирая на свое «мертвое» тело вместе с другими «зрителями» со стороны. Во второй части триптиха Сухово-Кобылина один из персонажей так аттестует Тарелкина: «...ведь это не человек. <...> Это тряпка, канцелярская затасканная бумага. <...> Это особого рода гадина, которая только в Петербургском болоте и водится» [7, с. 75].

Мечты коллежского советника представляют пародийное снижение устремлений трагического героя: Тарелкин с упоением вспоминает свои юные мечты прокатить в коляске по Невскому, затем более зрелые мечты о чинах и о том, как бы «подцепить какую-нибудь воронопегую купчиху в два обхвата», чтобы залить её «сонным жиром» «раны и истомы служебные». И афера со смертью – это тоже мечта «вот тут хоть копейку сущую заручить на черный день...» [7, с. 138]. Подсекальников, который уже год нигде не работает и включается в действие пьесы эпизодом воровства ливерной колбасы, также максимально приземлен в своих мечтаниях: «Приехать с концерта с хорошим жалованьем, сесть на кушетку в кругу семьи», покуражиться, покомандовать домочадцами, потребовать гоголь-моголь: «Вот это жизнь. Между прочим, я с этой минуты требую, чтобы мне ежедневно давали на третье выше мною упомянутый гоголь-моголь» [8, с. 68].

В то же время в образах Тарелкина и Подсекальникова пародийно осмыслен и непрменный атрибут жанра трагедии – жертвенная функция героя, восходящая к древнейшей песне-пляске, сопровождавшей ритуал жертвоприношения. Герой Сухово-Кобылина затевает игру, в центре которой – собственная смерть. То есть он приносит в жертву себя, правда, в пародийном, игровом, параллельном мире. Тарелкин «обставляет» свою кончину довольно красочно: «В гробу моя кукла, увитая ватой, в моем мундире, лежит, право, недурно... С сурьезом и достоинством!» [7, с. 143]. С новым именем Копылова он выбивает деньги на свои похороны, произносит хвалебную речь о «покойнике». Жертвоприношение Тарелкина имеет сугубо практический умысел, совершается осознанно, чтобы «одним махом» стряхнуть старые грехи, долги, чтобы «сама природа актом моей смерти подмахнула так: получено сполна!» [7, с. 154]. В «Самоубийце» реализован мотив необходимости жертвенного убийства (в данном случае – самоубийства), которое часто является завязкой сюжета классической трагедии. Такой жертвой становится в пьесе Эрдмана Подсекальников, а заинтересованные в его смерти, одновременно и ее инициаторы, представляют его уход именно как ритуал жертвоприношения: «*Аристарх Доминикович*. Вся российская интеллигенция соберется у вашего гроба, гражданин Подсекальников. <...> Катафалк ваш утонет в цветах, и прекрасные лошади в белых пополах повезут вас на кладбище» [8, с. 71]. Актуализированное Ю. Тыняновым «несоответствие плана выражения и плана содержания» проявляется в «Самоубийце» с помощью художественного приема пародии: внешние атрибуты обряда во многом и являются его причиной. Подсекальников, не совсем уверенный в необходимости смерти, но не имеющий воли к борьбе с обстоятельствами, очарован красивой сценой, представленной Гранд-Скубиком, и начинает играть в театрализованном представлении смерти. Травестийно снижен в пьесах экспериментаторов и момент

чудесного спасения жертвы: Тарелкин не выдерживает пытки жаждой и раскрывает обман, моментально принимая обличие Копылова, а Подсекальников «воскресает» дважды, причем оба раза вследствие сугубо физиологических причин (первый раз он очнулся после обильнейшего застолья, во второй раз – выбирается из гроба за кутьей).

Одним из основных компонентов действия классической трагедии, связанным с судьбой героя, являются его страдания, как нравственные, так и физические. На это указывал в своем определении трагедии Аристотель: «Трагедия есть подражание действию важному и законченному, имеющему [определенный] объем, [производимое] речью, <...> [производимое] в действии, а не в повествовании, и совершающее посредством сострадания и страха очищение подобных страстей» [9]. В исследуемых драмах страдания ложные, надуманные и навязанные, совершенно пародийные в соотношении с истинными страданиям трагической личности. Финальный «исповедальный» монолог Тарелкина после всех его обманов и злодеяний звучит пародически: «*Тарелкин*. Насчет честности сами видели – за правду страдал!» [7, с. 188]. «Страдания души» Подсекальникова представлены в фарсовой сцене: «*Семен Семенович*. <...> Разрешите представиться: душа Подсекальникова. *Серафима Ильинична*. Где вы были, Семен Семенович? Что вы делали? *Семен Семенович*. Я страдала. *Серафима Ильинична*. Как страдала? *Семен Семенович*. <...> У меня есть все данные на царство небесное» [8, с. 95].

Переживаемые трагическим героем невзгоды должны вызвать чувство сострадания у зрителя/читателя, в драмах же Сухова-Кобылина и Эрдмана эффект от пародийно представленных страданий обратный. Так, сострадание в сцене пытки жаждой Тарелкина сменяется неприкрытой насмешкой, презрением к нему после финального монолога, наполненного желчью, чувством безнаказанности. Та же ситуация с персонажем Эрдмана: искренний монолог Подсекальникова в сцене с глухим мальчиком, реплики на банкете, выдающие страх и переживания, оборачиваются заявлением на кладбище, лишаящим героя надежды на сострадание: «*Подсекальников*. Товарищи, я хочу есть. Но больше, чем есть, я хочу жить. <...> Как угодно, но жить. <...> Я комод свой продам, если нужно, товарищи, от еды откажусь. Я Марию заставлю на вас работать, тещу в шахты pošлю. Ну, хотите, я буду для вас христарадничать, только дайте мне жить (*Встает на колени*)» [8, с. 111].

Страдания героя в классической трагедии, как правило, заканчиваются его физической гибелью, борьба завершается катастрофой. По мысли Белинского «с идеей трагедии соединяется идея ужасного, мрачного события, роковой развязки» [10, с. 337]. Таковой развязки ни в пьесе Сухова-Кобылина, ни в драматургическом эксперименте Эрдмана не происходит: герои играют со смертью, самовольно переходя из одного мира в другой. Тарелкин кладет в гроб куклу, обложенную тухлой рыбой, Подсекальников ложится туда сам, отлучаясь «купить себе пару булок» [8, с. 109]. Смерть героя существует лишь в сознании других персонажей, поверивших в нее. Главный герой сознательно играет, обманывает остальных, создавая перевернутый, пародийный, «кромешный» (Д. С. Лихачев) мир.

Оба драматурга-экспериментатора пародируют и формальные признаки классического жанра. В сцене складчины чиновников Сухова-Кобылиным переосмыслен характерный для античной трагедии Хор. Эрдман включает в действие конкретно обозначенные цыганский хор и хор церковных певчих. Так же, как и в трагедиях Эсхила («Персы», «Агамемнон») и Софокла («Антигона»), хор представлен гласом народа, но кардинально отличается его функциональная направленность. Если в античном театре хор помогает раскрыть смысл, обнажить душевные переживания героев, то в исследуемых драмах он травестийно снижает должную эмоциональность сцены. В обеих пьесах он включается в действие в самых «трагичных» моментах, связанных с приближением или мнимым наступлением смерти. Собирая деньги на похороны Тарелкина, Варравин

убеждает товарищей, что на доброе дело они охотно взяли бы деньги у другого, точнее – в чужом кармане. На что чиновники отзываются хором: «В чужом кармане? Охотно, очень охотно» [7, с. 146]. Отчетливо пародийно звучат голоса на прощальном банкете, где все провожающие Семена Семеновича, говоря каждый о своем, совместно дистанцируются от Подсекальникова, создавая комический, местами непристойный, нарочито сниженный звуковой фон, не соответствующий тревожному предожиданию катастрофы (*Отец Елпидий (наклонившись к Раисе Филипповне)*). Раз пошел Пушкин в баню... *Раиса Филипповна (сквозь ржанье)*. Фу, бессовестный. Ой, не могу» [8, с. 82]). Предзнаменование, выполняющее в трагедии сюжетобразующую функцию, например, солнечное затмение, выступает у драматургов нового времени пародийным знаком. Тарелкин ликует оттого, что темнота поможет ему повернуть «дело»: «в комнате царствует таинственный мрак, духота и вонь нестерпимые» [7, с. 143]. В завязке «Самоубийцы» и вовсе происходит рукотворное «светопреставление»: «*Семен Семенович*. Сволочь ты! Сукина дочь! Черт! Подсвечник вываливается из рук Марии Лукьяновны, падает на пол и разбивается. В комнате снова совершенно темно» [8, с. 53]. Примечательно, что именно в крошечной тьме Марию Лукьяновну впервые посещает мысль о самоубийстве Подсекальникова.

Пародийно переосмыслен в исследуемых драмах и композиционный строй трагедии. Следуя необходимой в классическом жанре центростремительности (все действия и события разворачиваются вокруг смерти Тарелкина и самоубийства Подсекальникова, что подчеркнуто и названием драм), художники по-своему решают вопрос о разрешении конфликта, о финале. Сухово-Кобылин, оставляя его открытым, пародирует развязку трагедии: обман раскрыт, смерть ложна, конфликт исчерпан, а игра с Роком начинается и заканчивается по желанию самого героя, который прямо на сцене принимает новое обличье («*в глубине сцены снимает парик, вынимает зубы, горбится и принимает прежний вид Копылова*» [7, с. 188]). Эрдман же завершает действие пародией на катарсис, инспирированный законом античной трагедии: «капли крови, пролитые на землю, требуют новой крови» (Эсхил). Подлинная трагедия свершается после вопроса ожившего Подсекальникова: «В чьей я смерти повинен, пусть он выйдет сюда» [8, с. 111]. Вбежавший Виктор Викторович сообщает: «Федя Питунин застрелился. (*Пауза.*) И оставил записку. *Аристарх Доминикович*. Какую записку? *Виктор Викторович*. "Подсекальников прав. Действительно жить не стоит"» [8, с. 111]. Не имевший желаний умереть, Семен Семенович при участии « хора » сочувствовавших и подталкивавших оказался причастным к этой смерти. «Перевернутыми» по отношению друг к другу оказываются и фабулы пьес. Один персонаж умирает вместо другого, который играет роль жертвы: у Сухово-Кобылина – это завязка драмы (смерть Копылова), а у Эрдмана – финал (самоубийство Феди Питунина).

Заключение

Таким образом, А. В. Сухово-Кобылин и Н. Р. Эрдман, пародируя коды классического жанра трагедии, создают особое художественное пространство драматургического эксперимента, в котором происходит игра в трагически неразрешимую ситуацию – самоубийство совершенное (Тарелкин) и планируемое (Подсекальников), – смысл, точнее бессмысленность которой разрешается в финале. В рамках данного исследования не стояла задача обнаружения следов пародирования конкретной трагедии. Вместе с тем мы совершенно убеждены в том, что оба автора «играли» с формой трагедии, представив в своих драматургических экспериментах мигрирующую «тень» трагедии. Это свидетельствует, безусловно, о том, что оба драматурга глубоко чувствовали форму и смело вступали в эстетический диалог, с наслаждением играя с константными признаками трагедии, намеренно «переворачивая», пародируя жанр.

Пародийное осмысление конфликта, типа героя, его жертвенной функции и страданий, композиционной организации в художественной системе комедии-шутки

Сухова-Кобылина «Смерть Тарелкина» и пьесы Эрдмана «Самоубийца» выполняет несколько функций. С одной стороны, оно расширяет «понимающий» (М. Бахтин) потенциал жанра, способствуя его обновлению и развитию, созданию новых жанровых образований, иллюстрируя убеждение Г. Д. Гачева и В. В. Кожина в том, что «каждый художник, обращающийся к жанру трагедии, присваивает себе содержание, выработанное многими поколениями. В то же время он <...> вносит в жанровую содержательность нечто новое, свое, обогащает ее неизвестным до тех пор оттенком, поворотом» [11, с. 25]. С другой стороны, пародийное «перевертывание» признаков разных жанров отражает многогранность художественного мышления пародистов, специфику их идиостиля. Опираясь на суждение В. В. Набокова, разграничивавшего два вида пародии: пародию как «гротескное подражание» и как «изысканную шутивную игру», мы можем определить специфику драматургического эксперимента драматургов. «Смерть Тарелкина» скорее «гротескное подражание», а «Самоубийца» ближе к «изысканной шутивной игре». При этом «пародия здесь выступает как своеобразная форма памяти – не «крушение кумиров», не заполнение пустующих форм новым содержанием, но их творческое обыгрывание, вживание в их казавшуюся мертвой плотью новых смыслов» [12, с. 52].

Трансформация формально-содержательного единства текста, пародирование кодов классической трагедии в пространстве комедийного жанра открывают новые возможности прочтения жанрового канона.

Л и т е р а т у р а

1. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 198–226.
2. Фрейденберг О. М. Происхождение пародии // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1973. – С. 490–497.
3. Новиков В. И. Книга о пародии. – М.: Советский писатель, 1989. – 544 с.
4. Забудская Я. Л. Трагедия глазами комедии: о принципах пародии у Аристофана // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2010. №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tragediya-glazami-komedii-o-printsipah-parodii-u-aristofana> (дата обращения 22.12.2020)
5. Страшкова О. К. Новая драма как артефакт Серебряного века. – Ставрополь: СГУ, 2006. – 576 с.
6. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979. – 317 с.
7. Сухова-Кобылин А. В. Смерть Тарелкина // Картины прошедшего. – М.: Наука, 1989. – С. 139–189.
8. Эрдман Н. Р. Самоубийца // Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. – М.: Искусство, 1990. – С. 51–111.
9. Аристотель. Поэтика // Хрестоматия по античной литературе. В 2 т. Т. 1. // Н. Ф. Дератани, Н. А. Тимофеева. М.: Просвещение, 1965. – URL: http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/aristotel1_1.txt (дата обращения 3.12.2020)
10. Белинский В. Г. Разделение поэзии на роды и виды // Собр. соч. в 9 т. т. 3. – М., 1978. – 614 с.
11. Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры. – М.: Наука, 1964. – 487 с.
12. Млечко А. В. Игра, метатекст, трикстер: пародия в «русских» романах В. В. Набокова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. – 188 с.

R e f e r e n c e s

1. Tynyanov Yu. N. Dostoevskij i Gogol' (k teorii parodii) // Tynyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino. – M.: Nauka, 1977. – S. 198–226.
2. Frejdenberg O. M. Proiskhozhdenie parodii // Trudy po znakovym sistemam. – Tartu, 1973. – S. 490–497.
3. Novikov V. I. Kniga o parodii. – M.: Sovetskij pisatel', 1989. – 544 s.
4. Zaubudskaya Ya. L. Tragediya glazami komedii: o principah parodii u Aristofana // Indoevropskoe

yazykoznanie i klassicheskaya filologiya. 2010. №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tragediya-glazami-komedii-o-printsipah-parodii-u-aristofana> (data obrashcheniya 22.12.2020)

5. Strashkova O. K. Novaya drama kak artefakt Serebryanogo veka. – Stavropol': SGU, 2006. – 576 s.
6. Bahtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo. – М.: Sovetskaya Rossiya, 1979. – 317 s.
7. Suhovo-Kobylina A. V. Smert' Tarelkina // Kartiny proshedshego. – М.: Nauka, 1989. – S. 139–189.
8. Erdman N. R. Samoubijca // P'esy. Intermedii. Pis'ma. Dokumenty. Vospominaniya sovremennikov. – М.: Iskusstvo, 1990. – S. 51–111.
9. Aristotel'. Poetika // Hrestomatiya po antichnoj literature. V 2 t. T. 1. // N. F. Deratani, N. A. Timofeeva. М.: Prosveshchenie, 1965. – URL: http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/aristotel1_1.txt (data obrashcheniya 3.12.2020)
10. Belinskij V. G. Razdelenie poezii na rody i vidy // Sobr. soch. v 9 t. t. 3. – М., 1978. – 614 s.
11. Teoriya literatury. Osnovnye problemy v istoricheskom osveshchenii. Rody i zhanry. – М.: Nauka, 1964. – 487 s.
12. Mlechko A. V. Igra, metatekst, trikster: parodiya v «russkih» romanah V. V. Nabokova. – Volgograd: Izd-vo VolGU, 2000. – 188 s.

УДК 811.512.1

Г. Г. Филиппов

О спряжении прошедшего категорического времени в якутском языке

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В якутском языкознании, начиная с работы «О языке якутов» О. Н. Бётлингга, принято считать формой прошедшего категорического времени аффикс на *-т/-д*, который выражает недавнопрошедшее время в сравнении с формой на *-быт*, которая показывает давнопрошедшее время. В грамматиках других тюркских языков эту форму обозначают по большей части как *-ты* [1] и называют прошедшим категорическим временем. Из-за этого в обозначении формы спряжения имеются разночтения. С одной стороны, когда с аффиксом времени употребляется форма на *-т*, считается, что здесь формой спряжения выступает аффикс принадлежности: *бар-т-ым* (*-ыҥ, -а/та, -быт, -ыгыт, -ылар*); с другой стороны, когда с аффиксом времени употребляется форма на *-ты*, считается, что употребляется стяженная краткая форма аффикса сказуемости: *бар-ты-м* (*-н, -о, -быт, -гыт, -лар*). Данная статья посвящена разрешению этой проблемы в якутском и тюркском языкознании. Анализ спряжения причастных форм якутского языка показал именно характер происхождения спрягаемых форм. Тем самым формами спряжения выступают: в настоящем времени – полный аффикс сказуемости, произошедший от личного местоимения, в прошедшем времени – аналитический аффикс, произошедший от слияния формы категорического прошедшего времени с кратким аффиксом сказуемости. Употребление в данной позиции аффикса сказуемости подтверждает наличие в конце аффикса прошедшего времени узкого гласного. Этот факт свидетельствует о том, что новый аффикс спряжения омонимичен аффиксу принадлежности и имеет значение прошедшего времени и всегда образует именное сказуемое.

Ключевые слова: недавнопрошедшее время, категорическое прошедшее время, якутский, тюркские языки, парадигма спряжения, аффикс сказуемости, аффикс принадлежности, краткий аффикс сказуемости, именное сказуемое, причастие, аналитический аффикс.

DOI 10.25587/v5196-2565-2525-n

ФИЛИППОВ Гаврил Гаврильевич – д. филол. н., профессор кафедры якутского языка СВФУ им. М. К. Аммосова.

E-mail: filippovgg@mail.ru

FILIPPOV Gavril Gavril'evich – Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

G. G. Filippov

Conjugation of the past categorical tense in the Yakut language

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. In Yakutian linguistics, starting with the work "About the language of the Yakutians" by O. N. Betlingk is customary to consider the form of the past categorical tense in the affix -t / -d, which expresses the recent past tense in comparison with the form -byt, which shows the long-past time. In the grammars of other Turkic languages, this form is designated, for the most part, as -ty (Languages of the peoples of the USSR, 1966) and is called the Past Categorical Tense. Because of this, discrepancies occur in the designation of the conjugation form. On the one hand, when the affix of time is used the -t form, it is considered that here the affix is a form of conjugation: bar-t-ym (-yng, -a / ta, -byt, -ygyt, -ylar); on the other hand, when the affix of time uses the -ty form, it is considered that a concise short form of predicate affix is used here: bar-ty-m (-en-ghe, -0, -byt, -gyt, -lar). This article is devoted to the resolution of this delicate problem in the Yakutian and Turkic linguistics. Analysis of the conjugation of participial forms of the Yakut language showed the nominal nature of the origin of the conjugated forms. Thus, the forms of conjugation are: in the present tense - the full affix of the predicate, derived from the personal pronoun, and in the past tense - the analytical affix, derived from the fusion of the form of the categorical past tense with the short affix of the predicate. The use of the predicate affix in this position confirms the presence of a narrow vowel at the end of the past tense affix. This fact indicates that the new conjugation affix is homonymous with the affix of belonging and has the meaning of the past tense and always forms a nominal predicate.

Keywords: recently passed tense, Past Categorical Tense, Yakutian, Turkic languages, conjugation paradigm, predicate affix, affix affiliation, short predicate affix, nominal predicate, participle, analytical affix.

Введение

В тюркском языкознании форму категорического прошедшего времени на -т (-ты) рассматривали с разных сторон: по происхождению [2], по семантике и по форме спряжения. Но до сих пор ученые, исследующие разные проблемы морфологии, а в том числе вопросы спряжения глагола, по традиции своей грамматической школы употребляют разные варианты этой формы. О. Н. Бетлингк, П. М. Мелиоранский считали эту морфему посессивным аффиксом [3, 4], а Н. А. Баскаков, А. М. Щербак [5, 6] и другие – личным редуцированным сокращенным аффиксом лица.

Вслед за О. Н. Бетлингком Л. Н. Харитонов и Е. И. Коркина спряжение этой формы показывают как:

- 1 л. мин бар-д-ым 'я пошел' *биһиги бар-д-ыбыт* 'мы пошли';
- 2 л. эн бар-д-ын 'ты пошел' *эһиги бар-д-ыгыт* 'вы пошли';
- 3 л. кини бар-д-а 'он пошел' *кинилэр бар-д-ылар* 'они пошли' [7, 8].

Все они, не вдаваясь в подробности о составе звуков аффикса спряжения, объясняли эту форму по-разному. О. Н. Бетлингк считал его аффиксом принадлежности [3], Л. Н. Харитонов называл временной и лицевой аффиксы вместе показателями преждепрошедшего времени [7]. Только Е. И. Коркина высказала сомнение в том, «что личными окончаниями прошедшего времени в якутском языке служат аффиксы принадлежности». Во всяком случае, 3-е лицо множественного числа имеет оформление -лар (с фонетическими вариантами), а не -лара, т. е. здесь мы явно имеем дело не с аффиксом принадлежности, а с аффиксом сказуемости» [8]. Таким образом, в якутском языке она

предполагала существование краткой формы сказуемости вместе с полной формой. Но не смогла объяснить наличие в 3-м лице ед. ч. широкого гласного *-a*. Она писала: «Это – широко известное в тюркологии отклонение, когда вместо тюркских узких *ы* и *и* в якутском языке обычно выступают широкие *а* и *э* (татарское *барды*, якутское *барда* ‘он ушел’, *ятты – сытта* ‘он лег’)...» [8].

Здесь уместно констатировать следующий факт спряжения аффиксом сказуемости именных предикатов в тюркском языке: спрягается именное сказуемое, находящееся в 3-м лице, не имеющее личного показателя. То есть имя в форме основного падежа ед. ч. воспринимается в языке как подлежащее и как сказуемое. Например, *устудуон* ‘студент’ без особой интонации выражает наименование субъекта, предмета, а с особой интонацией – предикативный член 3-го лица. Поэтому имя без специальной формы как бы находится потенциально в функции сказуемого, выраженного в нулевой форме аффикса сказуемости 3-го л. ед. числа. Присоединяемые к нему аффиксы сказуемости выражают одновременно предикативный член, лицо и число предикативного члена. Таким образом, имеющаяся в предикате форма на *-ты* не может разлагаться на *-т+ы*. Это неразлагаемая форма предикативного члена, находящегося в форме 3-го л. ед. ч. Поэтому спряжение прошедшего категорического времени должно иметь следующую форму:

1 л. *мин бар-ды-м* ‘я пошел’ *биһиги бар-ды-быт* ‘мы пошли’;

2 л. *эн бар-ды-н* ‘ты пошел’ *эһиги бар-ды-гыт* ‘вы пошли’;

3 л. *кһини бар-да* ‘он пошел’ *кһинилэр бар-ды-лар* ‘они пошли’.

Форма прошедшего категорического времени на *-ды* – одна из самых древних личных форм глагола, т. к. она во всех тюркских языках существует до сих пор, имеет единую форму, одинаковую семантику и почти одинаковое спряжение (табл. 1).

Анализ спряжения прошедшего категорического времени

Особенности спряжения прошедшего категорического времени в тюркских языках сводятся к следующему: 1) в единственном числе все формы 1-го, 2-го и 3-го в соответствующих лицах не имеют узкого вставочного гласного, кроме турецкого [9], кумыкского, чувашского, чулымского-тюркского, якутского [1], в которых форма на *-ды* выражается как *-т*, что является не фактическим, а субъективно исследовательским явлением. Из-за этого в 3-м л. ед. ч. показателем лица выделяется гласный звук; 2) показатели 1-го л. мн. ч. различаются и выражены двумя разновидностями формы: *-к (-х, -г, -ых)* и *-быс, -мыз, -вис, -быт, -ам*; показатели 2-го л. представлены множеством аффиксов: *-һыз, -гар, -нды, -һыздер, -нар, -сыз, -ёр, -аар, -һыт, -ыһыт*; показатели 3-го л. мн. ч. в основном сводятся к формам на *-лар, -0, -ылар, -һлар, -ла, -ес*; 3) данный аффикс сказуемости представляет более древнюю форму, чем полный аффикс сказуемости, что доказывается следующими фактами: во-первых, краткими формами спряжения в ед. ч.; во-вторых, употреблением в 1-м л. мн. ч. аффикса *-к/-х*; в-третьих, спряжением самой древней и единой формы прошедшего категорического времени на *-ды* в тюркских языках.

В тюркском языке имеются различные гипотезы о происхождении формы прошедшего категорического времени на *-ды*, которые не всегда учитывают типологическое развитие агглютинативных и тюркских языков. Первую гипотезу высказал О. Н. Бетлингк, который выводил форму на *-ды* от стяжения причастия на *-тах* аффиксом принадлежности: *бар-тах-ым – бардаһым – бардыым – бардым*; *бар-тах-ыг – бардаһ-ыг – бардыыг – бардыг*; *бар-дах-ы – бардаһы – барды – барды – барда* [3]. Подобную точку зрения высказали Н. А. Баскаков [5], П. И. Кузнецов [10]. В. В. Радлов выводил данную форму от глагола *тур-* [11], П. М. Мелиоранский считал, что *-ды* – это отглагольное имя [4], Н. К. Дмитриев полагал, его форма *-т* – это отглагольное существительное *-ыт* [12].

Таблица 1

Спряжение прошедшего категорического времени

Язык	форма	1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.	3 л.
Азербайджанский	-ды/-ты	-м	-н	0	-г	-ныз	-лар
Алтайский	-ды/-ты	-м	-н	0	-быс/-к	-гар	-лар
Барабинский	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-ныс	-лар
Башкирский	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-ныз	-лар
Гагаузский наст. -мээр	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-нуз	-лар
Казахский	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-нгыз, -нды, -гыздер	
Караимский	-ды/-ты	-м	-н(й)	0	-н(х)	-йыз, -ныз	-лар
Кара-калпакский	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-нгыз	0
Карачаево-балкарский	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-гъыз	-ла
Киргизский	-ды/-ты /-й	-м	-н	0	-к	-нар -нгыздар	0
Крымско-татарский	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-нгыз	-лар
Кумыкский	-д /-т	-юм/ -ум	-ын/ынг	-ы	-ыкъ	-ыгъыз	-ылар
Ногайский	-ды/-ты	-м	-н	0	-мыз	-сыз	-лар
Татарский	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-сыз	-лар
Тувинский	-ды/-ты	-м	-н	0	-вис	-нар	-лар
Турецкий	-ды/-ты	-ым	-ын	-ы	-ых	-ыныз	-лар
Туркменский	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-нгыз	-лар
Узбекский	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-нгиз	-лар
Уйгурский	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-нгыз	-лар
Хакасский	-ды/-ты	-м	-н	0	-быс	-нар	-лар
Чувашский	-р/-т	-ам	-ан	0	-ам	-ёр	-ес
Чулымско-тюркский	-д(ы)/- т(ы)	-(ы)м	-нг -ынг	0	-быс	-(ы)ннар	-лар
Шорский	-ды/-ты	-м	-н	0	-быс	-аар	-лар
Якутский	-ды/-ты, -д/-т	-м -ым	-н -ынг	0 -а	-быт -ыбыт	-быт -ыбыт	-лар -ылар

В кумыкском языке А. Г. Магомедов прошедшее категорическое время образует аффиксом на -т/-д. Примеры: 1 л. *гер-д-юм* 'я увидел'; *оху-д-ум* 'я прочел'; *бар-дым* 'я ходил'; 2 л. *бар-дынг* 'ты ушел'; 3 л. *бар-ды* 'он ушел'; мн. ч., 1 л. *бар-дыкъ* 'мы ушли'; 2 л. *бар-дыгъыз* 'вы ушли'; *бар-дылар* [1]. Здесь спрягаемой формой не может быть

аффикс принадлежности, т. к. в 3-м л. мн. ч. стоит аффикс на *-ылар/-лар*, который соответствует аффиксу сказуемости. Если в этой позиции стоял аффикс принадлежности, то он имел бы форму на *-лара*. Таким образом, аффиксом спряжения формы прошедшего категорического времени выступает аффикс сказуемости, но тут необходимо уточнить следующее. Во-первых, если верно то, что формой прошедшего категорического времени выступает форма на *-т/-д*, тогда спряжение с аффиксом сказуемости должно иметь как бы вставочный узкий гласный «ы». Тогда аффикс спряжения должен иметь следующую парадигму: ед. ч.: 1 л. *-ым*, 2 л. *-ын*, 3 л. *0*, мн. ч.: 1 л. *-ыкь*, 2 л. *-ыгьыз*, 3 л. *-ылар*, но тут получается несоответствие наличия узкого гласного на «ы» в 3-м л. ед. ч. Это как бы форма принадлежности, но мы в 3-м л. мн. ч. видели отсутствие элемента на «ы», необходимого для аффикса принадлежности. Во-вторых, для того чтобы исправить это противоречие, вставочный элемент парадигмы спряжения необходимо перенести на спрягаемую форму на *-т/-*: *-ты/ды*. Тогда парадигма спряжения станет без вставочного элемента и будет соотноситься с полной формой сказуемости: ед. ч. 1 л. *бар-а-бын*, 2 л. *бар-а-бын*, 3 л. *бар-ар*. Мн. ч. 1 л. *бар-а-быт*, 2 л. *бар-а-быт*, 3 л. *бар-ар-лар*; 1 л. *гер-дю-м* ‘я увидел’, *оху-ду-м* ‘я прочел’, *бар-ды-м* ‘я ходил’, 2 л. *бар-ды-нг* ‘ты ушел’, 3 л. *бар-ды* ‘он ушел’, мн. ч.: 1 л. *бар-ды-кь* ‘мы ушли’, 2 л. *бар-ды-гьыз* ‘вы ушли’, *бар-ды-лар*. Эта парадигма соответствует якутскому спряжению формы на *-ты/-ды*: ед. ч. 1 л. *бар-ды-м* ‘я ушел’, 2 л. *бар-ды-нг* ‘ты ушел’, 3 л. *бар-да* ‘он ушел’. Мн. ч. 1 л. *бар-ды-быт* ‘мы ушли’, 2 л. *бар-ды-гыт* ‘вы ушли’, 3 л. *бар-ды-лар* ‘они ушли’. В-третьих, семантическая дифференциация так называемой краткой формы аффикса сказуемости от притяжательной формы спряжения представляется сложной. Аффикс сказуемости добавляет временной форме предикативное значение лица и числа, а аффикс принадлежности добавляет именной и причастной словоформе значение лица и числа обладания. Часть тюркологов и исследователей якутского языка полагает, что аффикс принадлежности превращает причастную форму в имя действие этого субъекта. Например, *бар-ых-ым* ‘мой предстоящий уход, я уйду’; *бар-быт-ым* ‘мой заверченный уход, я уходил’. Данное предположение слишком умозрительно, но другого убедительного объяснения функционирования аффикса принадлежности в качестве показателя лица мы пока не увидели. Тюркологи форму на *-ты/-ды* выводят от стяженного причастия на *-дык/-дук*. В якутском и в других тюркских языках данное причастие функционирует в качестве личной формы глагола. Например, в якутском языке имеют следующую парадигму спряжения: ед. ч. 1 л. *бар-дах-ым* ‘я возможно ушел’, 2 л. *бар-дах-ын* ‘ты возможно ушел’, 3 л. *бар-дах-а* ‘он возможно ушел’. Мн. ч. 1 л. *бар-дах-ыт* ‘мы возможно ушли’, 2 л. *бар-дах-хыт* ‘вы возможно ушли’, 3 л. *бар-дах-тара* ‘они возможно ушли’. Здесь формой спряжения выступает аффикс принадлежности. Но его семантика не выражает притяжательное значение, т. е. оно явно не проявляется. В якутском языке от этой формы образуются вторая форма условного наклонения: *көрдөхпүнэ этиэм* ‘если увижу, скажу’; форма инфинитива: *куоракка киирдэххэ* ‘если войти в город’. Якутская форма на *-тах*, если она действительно соответствует причастию на *-тах*, не дает убедительного основания тому, что форма *-ты/-ды* присходит от ее стяженного варианта: во-первых, не соответствует по семантике, во-вторых, не соответствует спряжению.

В турецком языкознании форму прошедшего категорического времени иногда выделяют как *-т/-д*, а спрягают с вставочным узким гласным (Кононов): ед. ч.: 1 л. *-ым*, 2 л. *-ын*, 3 л. *-ы*, мн. ч.: 1 л. *-ых*, 2 л. *-ыгьыз*, 3 л. *-ылар*, но тут получается несоответствие наличия узкого гласного ‘ы’ в 3 л. ед. ч., тем самым в кумыкском языке половина спряжения в ед. ч. приобретает форму аффикса принадлежности, а вторая половина во мн. ч. – форму аффикса сказуемости.

В чувашском языке форму прошедшего категорического времени И. А. Андреев показывает в виде *-р/-т* [1], тем самым парадигма спряжения получается с вставочным гласным «а/е»:

ед. ч. 1 л. *мухта-р-ам* ‘я хвалил’, мн. ч. 1 л. *мухта-р-ам-ар* ‘мы хвалили’;
тавран-т-ам ‘я возвратился’, *тавран-т-ам-ар* ‘мы возвратились’;
 2 л. *мухта-р-ан* ‘ты хвалил’, 2 л. *мухта-р-ар* ‘вы хвалили’;
тавран-т-ан ‘ты возвратился’, *тавран-т-ар* ‘вы возвратились’;
 3 л. *мухта-р-е* ‘он хвалил’, 3 л. *мухта-р-е-с* ‘они хвалили’;
тавран-ч-е ‘он возвратился’, *тавран-ч-е-с* ‘они возвратились’.

Здесь, как и в других тюркских языках, формой спряжения в 3-м л. мн. ч. выступает аффикс сказуемости «с». Таким образом, вставочный гласный аффикса спряжения нужно переставить к форме прошедшего категорического времени на *-р/-т*, чтобы образовать *-ры/-ты*, как во всех тюркских языках. Тем самым исправленная парадигма спряжения формы прошедшего категорического времени выглядит следующим образом (табл. 2):

Таблица 2

Спряжение прошедшего категорического времени

Язык	форма	1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.	3 л.
Азербайджанский	-ды/-ты	-м	-н	0	-г	-ныз	-лар
Алтайский	-ды/-ты	-м	-н	0	-быс/ -к	-гар	-лар
Барабинский	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-ныс	-лар
Башкирский	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-ныз	-лар
Гагаузский наст.-мээр	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-нуз	-лар
Казахский	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-ныз, -нды, гыздер	
Караимский	-ды/-ты	-м	-н(й)	0	-н(х)	-йыз, -ныз	-лар
Кара-калпакский	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-ныз	0
Карачаево-балкарский	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-гъыз	-ла
Киргизский	-ды/-ты /-й	-м	-н	0	-к	-нар -ныздар	0
Крымско-татарский	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-ныз	-лар
Кумыкский	-ды /-ты	-м/	-н	0	-къ	-гъыз	-лар
Ногайский	-ды/-ты	-м	-н	0	-мыз	-сыз	-лар
Татарский	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-сыз	-лар
Тувинский	-ды/-ты	-м	-н	0	-вис	-нар	-лар
Турецкий	-ды/-ты	-м	-н	0	-х	-ныз	-лар
Туркменский	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-ныз	-лар
Узбекский	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-нгиз	-лар
Уйгурский	-ды/-ты	-м	-н	0	-к	-ныз	нлар
Хакасский	-ды/-ты	-м	-н	0	-быс	-нар	-лар

Чувашский	-ры/-ты	-м	-н	0	-мар	-р	-с
Чулымско-тюркский	-ды/-ты	-м	-нг	0	-быс	-ннар	-лар
Шорский	-ды/-ты	-м	-н	0	-быс	-аар	-лар
Якутский	-ды/-ты,	-м	-н	0	-быт	-ҕыт	-лар

Заключение

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы: во-первых, формой категорического прошедшего (недавнепрошедшего) времени глагола во всех тюркских языках является аффикс на *-ты/-ды* (в чувашском *-ры/-ты*). Форма на *-т/-д*, которую употребляют некоторые исследователи в своих работах, в действительности является исследовательским субъективизмом или ошибкой, оставшейся по традиции; во-вторых, парадигмой спряжения данной формы является так называемый краткий аффикс сказуемости, а не аффикс принадлежности, как ошибочно считали некоторые исследователи тюркских языков; в-третьих, спряжение в ед. ч. во всех тюркских языках показывает единую форму, что свидетельствует о том, что она формировалась в более раннее время, чем спряжение во множественном числе; в-четвертых, спряжение 1 л. мн. ч. имеет две разные формы: *-х/-к* и *-быс/-быт/-мыз/-мар*, что доказывает существование во времена формирования аффикса спряжения либо, как утверждают многие исследователи, двух типов множественности, либо эти два вида аффиксов образовались в результате ассимиляции сочетающихся элементов; в-пятых, спряжение 3 л. мн. ч. по типу соответствует согласованию именного предиката во мн. ч. на *-лар*. Поэтому в языках, в которых не требуется согласование по числу, показатель мн. ч. отсутствует; в-шестых, формы спряжения 2 л. мн. ч. имеют разнообразные показатели, в отличие от 1 л. и 3 л. мн. ч., которые по типу образования схожи с показателем 1 л. мн. ч., но из-за фонетического разнообразия сочетающихся элементов в каждом языке образовали разные формы лица.

Отсутствие в спряжении формы на *-ды/-ты* ни в одной полной форме сказуемости хотя бы в нескольких тюркских языках наводит на сомнения о в верности теории о том, что личные местоимения с начала образования имели полную форму и аффиксы сказуемости соответственно имели такую же полную форму. Впоследствии от него образовалась краткая стяженная парадигма спряжения аффикса сказуемости. Нам представляется, что сначала появились краткие формы личного местоимения, от которого образовались краткая форма спряжения аффикса сказуемости и полные личные местоимения, и соответственно от них позже появилась полная форма аффикса сказуемости.

Литература

1. Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. – М., 1966 – 531 с.
2. Труды Московского института востоковедения. – Вып. 6. – 1951. – с. 205–2017.
3. Бетлингк О. Н. О языке якутов. – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с.
4. Мелиоранский П. М. Араб-филолог о турецком языке. – СПб., 1900. – 297 с.
5. Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. Т. 11. Фонетика и морфология. Ч. 1. (Части речи и словообразование). – М.: Наука, 1952. – 543 с.
6. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). – Л: Наука, 1981. – 183 с.
7. Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. – Якутск: Госиздат, 1947. – 312 с.

8. Коркина Е. И. Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970. – 307 с.
9. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. Ред. Э. Р. Тенишев. – М.: Наука, 2002. – 767 с.
10. Кузнецов П. И. Происхождение прошедшего времени на -ды и имен действия в тюркских языках. – В кн.: Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. – М.: Наука. – С. 40–71.
11. Rudloff W. Die altturkische inschriften der Mongolei, Neue Folge. – Спб., 1897. – С. 92.
12. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. – М.-Л.: Наука, 1948. – 276 с.

References

1. Yazyki narodov SSSR. T. 2. Tyurkskie yazyki. – М., 1966 – 531 s.
2. Trudy Moskovskogo instituta vostokovedeniya. – Vyp. 6. – 1951. – s. 205–2017.
3. Betlingk O. N. O yazyke yakutov. – Novosibirsk: Nauka, 1990. – 646 s.
4. Melioranskij P. M. Arab-filolog o tureckom yazyke. – SPb., 1900. – 297 s.
5. Baskakov N. A. Karakalpakskij yazyk. T. 11. Fonetika i morfologiya. Ch. 1. (Chasti rechi i slovoobrazovanie). – М.: Nauka, 1952. – 543 s.
6. Shcherbak A. M. Ocherki po sravnitel'noj morfologii tyurkskih yazykov (Glagol). – L: Nauka, 1981. – 183 s.
7. Haritonov L. N. Sovremennyy yakutskij yazyk. Ch. 1. Fonetika i morfologiya. – Yakutsk: Gosizdat, 1947. – 312 s.
8. Korkina E. I. Nakloneniya glagola v yakutskom yazyke. – М.: Nauka, 1970. – 307 s.
9. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Regional'nye rekonstrukcii / Отв. Ред. Е. Р. Тенишев. – М.: Наука, 2002. – 767 с.
10. Kuznecov P. I. Proiskhozhdenie proshedshego vremeni na -dy i imen dejstviya v tyurkskih yazykah. – V kn.: Tyurko-mongol'skoe yazykoznanie i fol'kloristika. – М.: Nauka. – S. 40–71.
11. Rudloff W. Die altturkische inschriften der Mongolei, Neue Folge. – Сpb., 1897. – S. 92.
12. Dmitriev N. K. Grammatika bashkirskogo yazyka. – М.-Л.: Nauka, 1948. – 276 s.

УДК 82(091)

*Е. Ю. Шестакова***Образ детства в эпопее И. С. Шмелева «Солнце мертвых»**

Центральная библиотека им. Н. В. Гоголя, г. Северодвинск, Россия

Аннотация. Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении специфики художественного воплощения образа детства в эпопее «Солнце мертвых» выдающегося писателя русского зарубежья первой половины XX в. И. С. Шмелева. Актуальность исследования определяется заметно возросшим интересом в современном литературоведении к творческому наследию писателя, стремлении осмыслить всю полноту и сложность его художественного мира. Методами предпринятого исследования стали интерпретация, сопоставление, наблюдение и обобщение. Полученные в ходе литературоведческого анализа результаты показали, что в рассматриваемом произведении детские образы предстают олицетворением духовной чистоты, невинности, силы и истинной красоты. Сохраняя внутреннюю близость Богу, герои-дети в тяжелейших внешних обстоятельствах оказываются способны проявлять любовь и доброту к окружающим людям, сострадать их горю и несчастью. Бытийный план земного существования, онтологическое осмысление действительности оказываются наиболее органичными для детского мировосприятия. Образ-символ голубя становится характерным выражением чистоты детского сердца. В эпопее преимущественно показаны образы страдающих детей, испытывающих голод и нищету, потерявших родной дом и близких людей. Мотивы детской смерти, духовной омертвелости, развращающего влияния взрослых на хрупкие детские души, являющиеся одними из ключевых мотивов текста, определяют развитие его важнейшей нравственной проблемы – меры ответственности взрослых за принятые решения и совершенные поступки. Исторический контекст произведения – события Гражданской войны и послереволюционного террора в Крыму – возводит обозначенную проблему к размышлениям Ф. М. Достоевского о «слезинке ребенка», целях и средствах достижения гармонии и счастья человечества. Важнейшую роль в «Солнце мертвых» играет принцип контрастности образов и мотивов, реализованный в отдельных эпизодах и главах, посвященных детям, а также включение их в широкий библейско-символический контекст. Размышления автора-повествователя о необходимости возвращения к Богу и Евангельским заповедям о любви, прощении и милосердии становятся ведущей смысловой доминантой финала произведения.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, литература русского зарубежья, детство, образ детства, герой-ребенок, детские образы, образ смерти, мотив, мотив голода, тема «утраченного рая», эпопея «Солнце мертвых».

DOI 10.25587/10955-6465-5918-n

ШЕСТАКОВА Елена Юрьевна – к. филол. н., библиотекарь Центральной библиотеки им. Н. В. Гоголя.

E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

SHESTAKOVA Elena Yur'evna – Candidate of Philological Sciences, librarian, Central Library named after N. V. Gogol.

E. Yu. Shestakova

The image of childhood in I.S. Shmelev's epic «Sun of the dead»

Central Library named after N.V. Gogol, Severodvinsk, Russia

Abstract. The purpose of this research is to consider the specifics of the artistic embodiment of the image of childhood in the epic «Sun of the dead» by the outstanding writer of the Russian Diaspora of the first half of the XX century I. S. Shmelev. The relevance of the research is determined by the noticeably increased interest in modern literary studies in the creative heritage of the writer, the desire to comprehend the fullness and complexity of his artistic world. The methods of the research were interpretation, comparison, observation, and generalization. The results obtained in the course of literary analysis showed that in the work under consideration, children's images appear as the personification of spiritual purity, innocence, strength and true beauty. While maintaining an inner closeness to God, child heroes in the most difficult external circumstances are able to show love and kindness to people around them, to sympathize with their grief and misfortune. The existential plan of earthly existence, the ontological understanding of reality are the most organic for children's perception of the world. The image-symbol of the dove becomes the most characteristic expression of the purity of the child's heart. The epic mainly shows images of suffering children experiencing hunger and poverty, who have lost their homes and loved ones. The motives of child death, spiritual deadness, and the corrupting influence of adults on fragile children's souls, which are one of the key motives of the text, determine the development of its most important moral problem – the measures of adult responsibility for decisions made and actions performed. The historical context of the work – the events of the Civil war and the post – revolutionary terror in the Crimea – raises this problem to F. M. Dostoevsky's reflections on the «teardrop of a child», the goals and means of achieving harmony and happiness of mankind. The most important role in the «Sun of the dead» is played by the principle of contrasting images and motifs, implemented in individual episodes and chapters dedicated to children, as well as their inclusion in a broad biblical and symbolic context. The author-narrator's reflections on the need to return to God and the Gospel commandments about love, forgiveness and mercy become the leading semantic dominant of the final work.

Keywords: I. S. Shmelev, literature of the Russian abroad, childhood, image of childhood, hero-child, children's images, image of death, motive, motive of hunger, theme of «lost Paradise», epic «Sun of the dead».

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в настоящее время творчество И. С. Шмелева находится в центре пристального внимания литературоведов. Определены следующие задачи исследования: во-первых, показать своеобразие авторского постижения образа детства и внутреннего мира ребенка; во-вторых, раскрыть образно-мотивную структуру текстовых эпизодов, посвященных детским образам; в-третьих, выявить специфику воплощения принципа противопоставленности героев-детей и взрослых персонажей в эпосе; в-четвертых, рассмотреть проблематику произведения, связанную с образом детства. Теоретической базой исследования явились труды М. А. Голованевой, М. М. Дунаева, П. А. Новиковой, Н. В. Норинной, Е. А. Осьмининной,

О. Н. Сорокиной, Л. А. Спиридоновой. Методология предпринятого исследования включает в себя наблюдение за художественными элементами текста, их интерпретационного осмысления, сопоставления и обобщения результатов. Материалом исследования явилась эпопея И. С. Шмелева «Солнце мертвых» (1923). Практическая значимость работы заключается в расширении представлений о многогранности творчества писателя, а ее результаты могут быть использованы в изучении курса русской литературы в вузах и школах.

Результаты исследования

Жизненный и творческий путь Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950), отмеченный социальными и историческими катаклизмами, разделен на два больших этапа – доэмигрантский, характеризующийся возможностью создавать произведения на родине, и период эмиграции, принадлежности к литературе русского зарубежья. Эпопея «Солнце мертвых», созданная в трагической ситуации оторванности от России, стала отражением «скорбных переживаний художника, постигающего и осмысливающего то страшное, что в нем и кругом него происходит» [1, с. 318] – событий Гражданской войны и террора в Крыму. Это произведение «называли плачем по России, которая пала, сравнивая автора с пророком Иеремией, а описанную им жизнь в советском Крыму – с адом Данте» [2, с. 185].

Образ детства попадает в поле художественного осмысления И. С. Шмелева в начале его творческого пути, когда в 1906–1907 гг. появляются повести «Распад», «В новую жизнь» и «Служители правды», продолжающие традиции произведений Ф. М. Достоевского, Н. Г. Гарина-Михайловского, А. П. Чехова, А. И. Kupрина, В. Г. Короленко, Л. Андреева и др., отобразивших «судьбу угнетённых несправедливостью» детей [3, с. 61], утративших родной дом и близких людей, ведущих полуголодное нищее существование. Эти тенденции, утвердившиеся в раннем творчестве писателя, получают свое продолжение и дальнейшее развитие в эпопее «Солнце мертвых».

Центральными детскими образами произведения становятся «босоногая», «хрупкая, беленькая <...> восьмилетка» Ляля и ее брат – «пятилетний белоголовый Володя» [4, с. 380–382]. Описывая внешность детей, автор подчеркивает вопиющую бедность их одеяний («На ней – единственное ее – белая кофточка и красная юбка, с весны самой»; «Вот уж и появляется он под своими дубками, за моим садом, в белой, пестро заплатанной рубашке, в штанишках – наполовину коричневых, из барыниной кофты, наполовину своих, белых» [4, с. 380–382]), определяемую суровым временем, в котором им выпало жить и расти. Детство маленьких героев омрачено страшными событиями – голодом, крайней нищетой, ежедневными смертями окружающих людей, страхом за жизни близких.

Несмотря на то, что постоянное соприкосновение с жестокой реальностью приводит к раннему взрослению Ляли («Она говорит, как взрослая, – всегда серьезна»), девочка сохраняет детские черты характера – стремление подражать взрослым («Складывает на груди руки, как ее мать-няня, и начинает сокрушенно: – А как же <...> этой ночью у них гуся украли!»), искреннее любопытство («Пытливая у ней голова: все знает, что делается в округе, в городке, у моря») [4, с. 381]. Детскость героини – это и душевная чистота, и праведность, а сама она предстает воплощением лучших человеческих качеств. Не случайно другие взрослые персонажи книги (к примеру, «молодой писатель Борис Шишкин») тоскуют по утраченной «детской ясности» души [4, с. 426], страстно мечтают вернуться в безмятежный и благодатный мир детства хотя бы силой творческого воображения. Даже счастливое выражение лица взрослого человека, на взгляд автора эпопеи, несет в себе отсвет «детски-наивной» [4, с. 428] веры в добро, любовь и справедливость.

Ведущим мотивом в художественной структуре исследуемого текста становится мотив голода, наиболее интенсивно развернутый в эпизодах, посвященных Ляле и Володе. Особенно отчетливо мотив голода звучит в главе «Хлеб насущный», построенной в форме разговора взрослого повествователя с маленькой героиней. Все его попытки

перевести предмет беседы на тему, отвлеченную от мыслей о постоянном голоде, обречены на провал. Вместе с тем автор подчеркивает необыкновенную стойкость девочки, ее стремление сохранить чувство собственного достоинства («Она ни за что не скажет, что не ели, что понесла няня продавать коврик»), тактичность, умение отказаться от еды в ситуации страшного голода («Она вся вспыхивает и пьтится, а глаза не могут оторваться от лепешки. <...> – Ай, что вы <...> да не надо, что вы»), душевную щедрость, способность поделиться полученной лепешкой с голодным братом, искреннюю благодарность за неожиданный дар. Чистота и душевное благородство присущи и маленькому Володе: мальчик от души выражает свою признательность доброму соседу за лепешку – необыкновенную драгоценность в голодном Крыму. На фоне «рычащих» [4, с. 382] взрослых голосов звук детских голосов Ляли и Володи в восприятии повествователя наполнен небесной благодатью. Так, под обычной и, казалось бы, совсем невзрачной внешностью детей раскрывается истинная, духовная сила и красота.

Примечательно, что главной портретной деталью, на которой автор-повествователь постоянно задерживает свое внимание, становятся глаза Ляли, отражающие ее характер и внутреннее духовное состояние. Они то быстро «стреляют», подмечая каждую мелочь окружающего мира, то «не смеются, – высккивают дали» [4, с. 380]. Глаза девочки выражают ее устремленность к иной действительности, словно ее душа желает оторваться от земных забот и ищет небесный, высший смысл бытия. Цвет глаз героини – «светло-синие, как дали» [4, с. 380] – делает очевидной ее внутреннюю надмирность, обращенность к духовной реальности. Интересное наблюдение, встречающееся в работе М. А. Головановой, подтверждает это наблюдение: «Глаз – особый образ эпопеи – <...> есть созерцание, сверхзрение, сверхволя, сосредоточенная в космической надмирной точке – Боге» [5, с. 11].

Одухотворенность образа Ляли усиливается его уподоблением «белой голубке», получающим расширительное значение в дальнейшем движении текста, когда все дети без исключения сравниваются автором с «голубями, любящими горох» [4, с. 408]. Голубь – образ, часто упоминаемый в Священном Писании. Отличающиеся чистотой, простотой и кротостью, голуби стали воплощением нравственного идеала, выраженного в словах Господа: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10: 16). Известно, что голубь принес лист Ною, указав ему на окончание потопа: «Голубь возвратился к нему (Ною – Е. Ш.) в вечернее время. <...> и вот свежий масличный лист во рту у него» (Быт. 8: 11). Дух Святой сошел на Спасителя в виде голубя (Мф. 3: 16; Мк. 1: 10; Лк. 3: 22; Ин. 1: 32), зримо показав возможность для человека внутреннего очищения через Крещение. Образ голубя обрел символическое значение благой вести, надежды на спасение, стал выразителем идеи чистоты и святости. Ляля, героиня шмелевской эпопеи, сохраняя, как библейский голубь, внутреннюю безгрешность и праведность, наделяется способностью выражать Божественные истины о любви и милосердии, напоминать взрослым людям о необходимости возвращения к жизни по Евангельским заповедям.

Отдельно отметим, что образы-мотивы птиц получают движение во всем тексте эпопеи, им посвящены целые главы («Птицы», «Конец павлина») и эпизоды внутри отдельных частей книги. Можно согласиться с утверждением исследователя о «единой системе образов птиц <...> и человека» [6, с. 121], составляющей важную смысловую доминанту произведения. В «Солнце мертвых» образы птиц обретают символическое значение, воплощая идею беззащитности мира природы перед произволом жестокого человека. В главе «Хлеб насущный» птицы одушевляются, уподобляются детям: повествователь берет их на руки, ласково называет «маленькими», старается «объяснить», что «за горкой внизу живут «дяди», которые любят кушать <...> и курочек любят кушать!» [4, с. 382]. Образы птиц, воссозданные в тексте, соотносятся со словами Господа: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф. 6: 26). Ляля, подобно птице, живет не ради земного

пропитания, как многие взрослые герои эпопеи, но довольствуется духовной пищей, составляющей истинный «хлеб насущный», – любовью, заботой о ближнем, добротой по отношению к окружающим людям.

«Голубиная» детская чистота в тексте противопоставляется «ястребиной», хищной натуре взрослого человека. Эти «стервятники», руководствовавшиеся одним принципом – «Подать крови!» – «убивали и зарывали», «заваливали овраги», «выкидывали в море» ради одной заветной цели – «сделать человечество счастливым» [4, с. 385]. Среди них особенно выделяется образ «мелкозубого музыканта Шуры Сокола», который творил страшные беззакония, но не получил за это никакого наказания и по-прежнему «кушает молочную кашку, вечерами <...> поигрывает на рояле, перебрался в дачу поудобней и принимает женщин» [4, с. 383-384]. Шура Сокол лишен патриотического чувства, «не знает ни Родины, ни России» [4, с. 384]. Вывод автора неутешителен: «<...> тех, что убивать ходят, не испугают и глаза ребенка» [4, с. 383] – совесть и Бог, отражающийся в детских глазах. В мире взрослых «хищников» ребенок оказывается беззащитным перед их злой волей, обрекается на духовную и физическую гибель. Описывая «стервятников», писатель проявил себя «как истинный мыслитель, слишком прозревающий смысл творящейся жизни <...> и смерти» [7, с. 186].

Эпопея «Солнце мертвых», преимущественно посвященная теме «несчастливого детства», развивает один из традиционных ее мотивов – детского сиротства. Автор указывает на причину потери детьми своих близких – утрату взрослыми людьми нравственных ориентиров, в результате чего произошло обесценивание человеческой жизни. Так, глава «В Глубокой балке» содержит эпизод, повествующий о «конопато Гришке Рагулине» – «завидушем» «вихлястом матросе, курокраде и словоблуде, комиссаре лесов и дорог округи» [4, с. 425], предельно развращенном безграничностью собственной власти и полной безнаказанностью. Получив отпор от «работницы фермы», он, рассвирепев, «заколол (ее – Е. Ш.) штыком в сердце» [4, с. 425], оставив сиротами детей. В главе «Круг адский» повествуется о старухе Юрчихе, у которой «убили сына», а «невестка умерла от холеры» [4, с. 458], оставив на ее руках двухлетнего внука. Над маленьким ребенком постоянно висит угроза гибели, ведь быть сыном «лейтенанта российского флота», врага новой власти, означает, что за это «убить могут» [4, с. 458]. Сиротой осталась и пятилетняя девочка, чьи трогательные отношения с дедом наблюдал автор-повествователь во время своих прогулок. Расстрелян старик по нелепому недоразумению – вскользь брошенному присловью «теперь я вольный казак», воспринятому «людьми с красными звездами» [4, с. 392] как признание в принадлежности к врагам – донским казакам.

Важной составляющей художественного мира «Солнца мертвых» выступает мотив развращающего влияния взрослых на незащищенные детские души, наиболее очевидно звучащий в главе «Нянины сказки», построенной в форме беседы «соседки-няни» [4, с. 387] с автором-повествователем. Ведущий мотив эпопеи – голод – становится структурообразующим элементом монологов героини, повествующих о детях, которые «по советским садам работают» и получают за свой труд «полфунта хлеба» и «полбутылки вина» [4, с. 388]. Голодные дети, выпивая вино, «валяются <...> пьяне-ошеньки» [4, с. 388]. Намеченные здесь образы детей, сада и вина вводятся в библейско-символический контекст. Дети в Евангелии предстают чистыми и невинными душами, сохраняющими возможность простоты, искренней любви и веры, что выражено в словах Господа: «Будьте как дети, ибо таковых есть Царствие Божие» (Мф. 18: 3; Мк. 10: 14). Сад в Библии неразрывно связан с представлением о рае – месте блаженства, безмятежности, счастья и единства человека с Богом (Быт. 2: 8; Лк. 23: 43; 2Кор. 12: 4; Отк. 2: 7). Вино как символ Божьего благословения и радости появляется в евангельском эпизоде посещения Иисусом Христом брака в Кане Галилейской и чуде претворения воды в вино (Ин. 2: 1-11). Кровь Господа преобразуется в вино во время Таинства Причащения согласно Его заповеди,

данной во время Тайной вечери: «<...> сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов. Сие творите в Мое воспоминание» (Мф. 26: 28). В художественном мире «Солнца мертвых» сад становится «потерянным раем», в котором дети развращаются и оскверняются вином, утрачивая душевную и телесную чистоту. Вино перестает обладать благодатной Божественной силой «духовного питания» (Кор. 10: 4), воплощенной в образе Христа, приносит не счастье и радость жизни, но горе и страдание, отдаляя от благословляющей силы Господа. В «советском саду», в отличие от Божьего райского Эдема, царствует не жизнь, но смерть. Картина опьяненных детей, воспринимаемая как утрата человеком последних нравственных законов, вызывает в «соседке-няне» крик ужаса: «Всем, значит, помирать скоро?» [4, с. 388].

Мотивы смерти, омертвелости духовной и душевной, распада и разрушения пронизывают все главы и эпизоды произведения. Как отмечает О. Н. Сорокина, «смерть (в эпопее – Е. Ш.) довлеет над всем» [3, с. 65]. Эта мысль продолжена исследователем Н. В. Норинной: «Предметом эмоциональной рефлексии автора становятся события, приносящие смерть, усиливающие её активность» [6, с. 119]. Целый ряд эпизодов эпопеи, посвященных героям-детям, отмечен мотивами их нравственной деградации и духовной смерти. «Мальчики-собачонки», которые «лежат на брюхе, копыто (умершей от голода лошади – Е. Ш.) гложут! грызут-урчат!» [4, с. 389], упоминаются в главе «Нянины сказки». В этом эпизоде автор прибегает к приему «натурализма изображения, детализации физиологических ощущений» с целью «достижения эффекта ошеломления» [5, с. 13]. Уподобление детей животным трактуется писателем как страшное нравственное преступление взрослых, отказавшихся от Бога, превративших мир в пространство голода, смерти и взаимной жестокости. В главе «Волчье логово» повествователь замечает ребят, с восторгом мчащихся посмотреть на то, как «под Линденом убивают» [4, с. 411]. Здесь показано «перевернутое» детское сознание, для которого страдание и смерть человека не выбиваются из привычного течения жизни, а воспринимаются как нормальное, естественное событие, вызывающее неподдельный интерес и чувство душевного подъема. Автор-повествователь, наблюдая подобные сцены, с горечью размышляет о Боге – «Солнце Правды», который скрыл «Лице Свое», а «Зло <...> набирает силу», и все громче «рык зычный, звериный рык» [4, с. 413]. По меткому замечанию А. И. Солженицына, в эпопее «Солнце мертвых» писатель воссоздает «жизнь, сведенную к первобытности» [8]. В этом «пещерном мире» зло начинает поглощать даже чистые детские души, вытесняя все представления о сострадании, любви и нравственности. В главу «На пустой дороге» включен рассказ о девочках, продающих себя за еду. Примечательно портретное описание одной из них, «лет двенадцати», с «обведенными синевой, усталыми, ввалившимися глазами» [4, с. 438], говорящими о крайней степени истощенности от голода. Девочка внутренне готова встать на путь продажи себя за кусок хлеба, объясняя это тем, что она и ее брат с сестрой «с голоду калеют» [4, с. 438]. Тем более, что перед глазами есть пример тринадцатилетней Пашки, уже переступившей страшную черту.

По контрасту с героями-детьми, измученными голодом, выстраивается образ сытого, довольного, «пузатого мальчугана-трехлетки» «с кусищем пышного ситного в кулачке» [4, с. 425], возникающего в памяти автора-повествователя. Этот детский образ становится воплощением дореволюционной России, ушедшей безвозвратно и воспринимаемой как идиллическое прошлое. Мотив изобилия и безмятежности, звучащий в эпизоде, получает продолжение в словах автора: «Что за благодатная сыть! какое море молочное!.. благодатное какое солнце!» [4, с. 425]. Образы «благодатного солнца» и «молочного моря», связанные с темой «утраченного рая», противопоставляются образам-мотивам «холодного и пустого солнца», «синего и пустого моря» [4, с. 386–390]. Образ солнца в эпопее «соединяет в себе автологичность («самозначимость»), металогичность, аллегоричность и символ» [5, с. 11]. Мертвенность солнца указывает на утрату людьми веры в Бога, называемого в

Библии «Солнцем Правды» [Мал. 4: 2]. В мире «оловянного солнца» [4, с. 386] возможно увидеть детей, роющихся «на свалке» и ищущих «колбасную кожицу, обгрызенную баранью кость, селедочную головку, картофельную ошкурку» [4, с. 475]. Под «пустыми небесами» шестилетняя Анюта, чей маленький брат умирает от голода, «уносит горстку крупы в бумажке», а ее «запуганный детский голосок» сотрясается «от ужаса, который она предчувствует» [4, с. 416-417, 490]. Девочка уже познала «все, <...> чего не могли познать миллионы людей – отшедших» [4, с. 490]. В этих эпизодах, как пишет И. А. Ильин, «Шмелев, подобно Достоевскому» проявляет себя как «ясновидец человеческого страдания»: «Он принимает его, чтобы художественно изболеть его и пронести его к осмыслению и освобождению» [9, с. 401].

Смерть выступает композиционно значимым образом в структуре эпопеи. Он «растворен в каждом смысловом сегменте, буквально “заливает” художественное пространства произведения» [5, с. 12]. «Мертвое солнце» – образ-символ мира, отказавшегося от Бога, – распространяет вокруг себя гибельные лучи, смертельные для всех живущих на земле, и, прежде всего, для беззащитных и хрупких детей. В художественном мире эпопеи детская смерть, встроенная в ряд бесконечных и ежедневных смертей взрослых, «становится привычной» [10, с. 13]. Вместе с тем мотив детской смерти, занимающий, без сомнения, особое место в ценностной структуре произведения, высвечивает предельную аномальность окружающего мира. В главе «Чатыр-Даг дышит» автор вскользь сообщает о смерти от голода трехлетнего сына Рыбачихи. Горе безутешной матери, потерявшей долгожданного ребенка («Послала судьба на конец дней радость: к полдюжине девчонок прикинула мальчишку, – придет время, будет с отцом в море ездить!»), получает отзыв в состоянии природы: «Гудит ветер в недостроенной даче, в пустом бетоне. Воеет в своей лачуге Рыбачиха» [4, с. 465]. Природа, в отличие от обезумевших от голода и жестокости людей, оказывается сострадательной и способной к соучастию. От переедания после длительного голода «помер у Одарюка мальчик, промучился – требушиной объелся, будто» [4, с. 489]. Встретившаяся повествователю женщина (эпизод из главы «Конец концов») несет на руках умирающего от голода сына, а «двое у ней уже померли» [4, с. 499]. «Особая поэтика отличает» речь отчаявшейся матери – «поэтика бреда <...> с рваными, короткими фразами, исчезновением логических связей, сдвигом во времени и пространстве» [11, с. 2]: «– Скажу <...> проклятым <...> убейте лучше <...> Муж-то мой ихним был <...> семью бросил <...> спутался с ихней какой-то, вот эти-то вот <...> как их <...> слова-то голова моя <...> с нитилигентной <...> Петичка <...> последышек мой <...> желанный <...> три годочка <...> С голоду спится <...> Гляжу, а у подушечки-то <...> уголочек <...> сжеван» [4, с. 499].

Художественная интерпретация мотива детской смерти получает свое наивысшее развитие в финальной главе «Конец концов», где появляется образ «смертеныша» – «мальчика лет десяти – восьми, с большой головой на палочке-шейке, с ввалившимися щеками, с глазами страха» [4, с. 499]. Герой-ребенок выступает образом-символом всех детей, страдающих и гибнущих от безответственности и жестокости взрослых. Получая обобщающее значение, образ мальчика-«смертеныша» в восприятии повествователя превращается в «видение из больного мира» [4, с. 499]. Ребенок становится самой Смертью во плоти, а его портретное описание напоминает смертную маску: «серое лицо» с «беловатыми губами», которые «присохли к деснам, а синеватые зубы выставились – схватить» [4, с. 499]. Этот детский образ, являясь предельным выражением человеческого страдания, соотносится с размышлениями Ивана Карамазова о «слезинке ребенка» из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (ч. 2, кн. 5, гл. «Бунт»). И. С. Шмелев, вслед за писателем XIX в., утверждает, что за счет мучений и смерти невинных детей нельзя достичь никаких высоких социальных и исторических целей.

Размышлениями о смерти пронизана вся ткань художественного произведения, однако самые глубокие и мудрые суждения об этой непростой теме вложены автором в уста

героя-ребенка. В главе «Миндаль поспел» восьмилетняя Ляля так отвечает на вопрос об ее отношении к смерти: «<...> чего бояться <...> как сон <...> А потом все воскреснут! И все будут в белых рубашечках, как ангельчики, и вот так вот ручки <...> Под рукой-то <...> четыре целых миндалика!» [4, с. 444]. Образ-мотив миндаля, появляющийся в монологе героини, выступает важной сюжетно-образной основой эпопеи. Впервые на страницах произведения он возникает в главе «С визитом». Образ «светлых и чистых садов миндальных» [4, с. 445], растущих около дома доктора, соотносится с образами райского сада и родного дома – воплощениями созидательного, гармоничного бытия человека, счастливой и благодатной жизни в согласии с Богом и ближними. Гибнущие от рук представителей новой власти миндальные сады доктора – подхваченный и развитый И. С. Шмелевым образ чеховского вишневого сада, обреченного на уничтожение. Писатель показывает, что исторические потрясения привели к полному разрушению налаженной и безмятежной жизни, а человек потерял семью и дом, отказался от веры в Бога и превратился в скитальца, обреченного на одинокое, полуголодное, нищее существование, или стал чудовищем, несущим лишь зло, разорение и смерть. Ляля, рисуя образ воскресшего усопшего с «миндаликами в руках», без сомнения, выражает мысль о надежде, намечает неизбежность пути восстановления духовной связи человека с Богом, возвращения к состоянию счастливого и благодатного бытия. Этой надеждой наполняется и сердце повествователя, финал эпопеи оптимистичен: «Чаю Воскресения Мертвых! Я верю в чудо! Великое Воскресение – да будет!» [4, с. 498]. Образ-мотив цветущего миндаля «в розовато-белой дымке» [4, с. 502], появляющийся в завершающем эпизоде произведения, выражает веру И. С. Шмелева в возможность обретения людьми утраченных духовных и нравственных ориентиров. По словам И. А. Ильина, писатель «как бы прорывает выход из тьмы к свету, из мятущегося злосчастия к Господу» [9, с. 401].

Заключение

Осмысление художественного своеобразия эпопеи И. С. Шмелева «Солнце мертвых» показало, что в произведении находят продолжение гуманистические идеи литературы XIX – начала XX вв. Образ детства в рассматриваемом тексте получает развитие через мотивы и образы-мотивы голода, смерти, птиц, детской смерти, детского сиротства, миндаля, детских глаз, «пустого неба» и др. Детские образы в авторской интерпретации предстают воплощением чистоты, душевной ясности и безгрешности, сохраняющими внутреннюю связь с Богом. Являющиеся носителями Божественной мудрости, герои-дети интерпретируют вопрос о смерти в ключе христианского понимания. Важным для поэтики произведения является принцип противопоставленности образов и мотивов («голуби»-дети / «стервятники»-взрослые, «развращенный ребенок» / духовно чистый ребенок), раскрывающий одну из ключевых проблем произведения – судьба детей напрямую зависит от ответственности взрослых людей за свои поступки и решения. Антиномия образов-символов «мертвого солнца» и «Солнца Правды» акцентирует тему потери духовной связи человека с Богом, результатом чего становятся страдания и гибель невинных детей. По мнению автора, прекратить этот страшный процесс может только возвращение к Богу, восстановление веры в Божественную справедливость, любовь и милосердие. Концовка-финал эпопеи, окрашенная в оптимистические тона, выражает надежду писателя на духовное возрождение русского человека, итогом которого станет возвращение ребенку счастливого детства. Дальнейшим направлением исследования может стать рассмотрение авторского видения образа детства в других произведениях эмигрантского периода.

Литература

1. Ладыженский В. Н. Новая книга Ив. Шмелева // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. – М.: Сибирская Благовонница, 2009. – С. 317–319.
2. Спиридонова Л. А. Художественный мир И. С. Шмелева. – М.: ИМЛИ РАН, 2014. – 240 с.

3. Сорокина О. Н. Творческий путь И. С. Шмелева в эмиграции // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. – М.: Сибирская Благовонница, 2009. – С. 60–87.
4. Шмелев И. С. Собрание соч. в одной книге. – М.: ЗАО Фирма «Бертельсман Медиа Москау ОА», 2013. – 832 с.
5. Голованева М. А. Проблема автора в творчестве И. С. Шмелева. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2002. – 19 с.
6. Норина Н. В. Трагическое состояние мира в «Солнце мертвых» И.С. Шмелева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 25. – Филология. Искусствоведение. – Выпуск 58. – С. 119–126.
7. Дунаев М. М. Духовный путь И. С. Шмелева // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. – М.: Сибирская Благовонница, 2009. – С. 171–197.
8. Солженицын А. И. Иван Шмелев и его «Солнце мертвых». Из «Литературной коллекции» // Новый мир. – 1998. – № 7. – С. 184–193.
9. Ильин И. А. Собрание соч. в 10 т., Т. 6. Кн. 1. – М.: Русская книга, 1996. – 560 с.
10. Новикова П. А. «Пространство смерти» в европейской литературе XX века (И. Шмелев, Б. Виан, В. Шаламов, А. Солженицын, Ф. Ксенакис). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2005. – 20 с.
11. Осьминина Е. А. Радости и скорби Ивана Шмелева // И. С. Шмелев. Лето Господне. – М.: АСТ: Олимп, 1996. – С. 1–5.

References

1. Ladyzhenskij V. N. Novaya kniga Iv. Shmeleva // Duhovnyj put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya. – M.: Sibirskaya Blagovonnica, 2009. – S. 317–319.
2. Spiridonova L. A. Hudozhestvennyj mir I. S. Shmeleva. – M.: IMLI RAN, 2014. – 240 s.
3. Sorokina O. N. Tvorcheskij put' I. S. Shmeleva v emigracii // Duhovnyj put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya. – M.: Sibirskaya Blagovonnica, 2009. – S. 60–87.
4. Shmelev I. S. Sbranie soch. v odnoj knige. – M.: ZAO Firma «Bertel'sman Media Moskau OA», 2013. – 832 s.
5. Golovaneva M. A. Problema avtora v tvorcestve I. S. Shmeleva. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 2002. – 19 s.
6. Norina N. V. Tragicheskoe sostoyanie mira v «Solnce mertvyh» I.S. Shmeleva // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 25. – Filologiya. Iskusstvovedenie. – Vypusk 58. – S. 119–126.
7. Dunaev M. M. Duhovnyj put' I. S. Shmeleva // Duhovnyj put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya. – M.: Sibirskaya Blagovonnica, 2009. – S. 171–197.
8. Solzhenicyn A. I. Ivan Shmelev i ego «Solnce mertvyh». Iz «Literaturnoj kolekcii» // Novyj mir. – 1998. – № 7. – S. 184–193.
9. Il'in I. A. Sbranie soch. v 10 t., T. 6. Kn. 1. – M.: Russkaya kniga, 1996. – 560 s.
10. Novikova P. A. «Prostranstvo smerti» v evropejskoj literature XX veka (I. Shmelev, B. Vian, V. Shalammov, A. Solzhenicyn, F. Ksenakis). Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. – Samara, 2005. – 20 s.
11. Os'minina E. A. Radosti i skorbi Ivana Shmeleva // I. S. Shmelev. Leto Gospodne. – M.: AST: Olimp, 1996. – S. 1–5.

Ю. Д. Петров

Жизнь, связанная с университетом (к 85-летию со дня рождения профессора И. С. Сивцева)

Иннокентий Семенович Сивцев родился 1 февраля 1936 г. в г. Якутске. После окончания средней школы работал бухгалтером, заведующим архивом, служил в частях Тихоокеанского флота Военно-воздушных сил СССР. В 1963 г. окончил историко-филологический факультет ЯГУ и по окончании был избран секретарем комсомольской организации университета. Здесь И. С. Сивцев стал подлинным лидером студенческой молодежи. Во многих начинаниях комсомольцев он принимал личное участие: становился лауреатом смотров самодеятельности, чемпионом ЯГУ по боксу, стоял у истоков студенческих строительных отрядов.

В 1970 г., став кандидатом исторических наук, Иннокентий Семенович связал свою судьбу с кафедрой истории КПСС, где прошел путь от ассистента до профессора. Именно на этой кафедре сложились его лучшие качества преподавателя-

обществоведа. Совсем не случайно он был назначен на должность проректора университета. По его инициативе произведены структурные изменения в ЯГУ, открыты новые специальности, новые кафедры, налажены международные связи: впервые состоялся обмен студентами ЯГУ и университета г. Фэрбенкса (Аляска, США).

ПЕТРОВ Юрий Дмитриевич – д. полит. н., профессор кафедры истории, обществознания, политологии исторического факультета СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: petrovyd@mail.ru

PETROV Yuri Dmitrievich – Doctor of Political Science, Professor of the Department of History, Social Studies, Political Science of the History Faculty of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

В 1990-х гг. И. С. Сивцева избрали на должность ректора Якутского сельскохозяйственного института, где он произвел кардинальные изменения в постановке научно-исследовательской, учебно-методической, воспитательной работы, развитии социальной инфраструктуры и материальной базы. Он поднял институт на уровень государственных стандартов МО РФ по всем основным направлениям работы, явился основателем Аграрной академии в республике. С октября 2000 г. по июль 2003 г. работал проректором Якутского государственного инженерно-технического института, с июля 2003 г. – профессором кафедры политологии СВФУ, председателем Совета наставников СВФУ.

Вся сознательная жизнь Иннокентия Семеновича связана с высшим образованием. Символично то, что к своему 80-летию он преподнес сам себе подарок – издал книгу «Мой университет». В книге нашли место его статьи, воспоминания о становлении ЯГУ и СВФУ, интересные материалы о развитии образования и культуры, современных политических процессах, коллегах, друзьях и спорте.

Заслуги И. С. Сивцева высоко оценены республикой и государством: он удостоен ордена «Дружба народов», стал заслуженным работником высшего образования РФ, награжден знаками «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», «Заслуженный работник образования РС (Я)», «Ветеран профессионального образования Якутии», «За вклад в развитие семейной политики РС (Я)», получил медаль первого президента республики М. Е. Николаева «Во славу и пользу РС (Я)», является отличником физической культуры и спорта республики, членом-корреспондентом Петровской академии наук и искусств, академиком Академии Северного Форума, Почетным гражданином Намского и Горного районов, ветераном спорта РСФСР, лауреатом Премии комсомола Якутии.

Иннокентию Семеновичу присущи оптимизм, сильная воля, внимательное и уважительное отношение к окружающим, исключительные организаторские способности. Мы высоко ценим его как ученого-педагога, близкого друга, наставника, уважаем и любим его как человека большой души и доброго сердца, отличают его огромная эрудиция, широта профессиональных способностей и исключительное трудолюбие. Он открыт и доброжелателен к людям, его знают, уважают, любят и за пределами республики.

Иннокентий Семенович – хороший семьянин, вместе с супругой отметили золотую свадьбу, дочь – доктор исторических наук. Растет молодое поколение Сивцевых.

Поздравляем Иннокентия Семеновича с достойным юбилеем и желаем доброго здоровья, бодрости духа, комфортного человеческого окружения и активного долголетия.

Yu. D. Petrov

Life associated with the University (To the 85th anniversary of the birth of Professor I. S. Sivtsev)

Innokenty Semyonovich Sivtsev was born on February 1, 1936 in Yakutsk. After graduating from high school, he worked as an accountant, head of the archive, served in units of the Air Force of the Pacific Fleet, in 1963 he graduated from the Historical and Philological Faculty of YSU and upon graduation was elected as a secretary of the Komsomol organization of the university. Here I. S. Sivtsev became a true leader of the student youth. In many undertakings of Komsomol members, he took a personal part: he became a laureate of amateur performances, a champion of YSU in boxing, stood at the origins of student construction teams.

In 1970, becoming a candidate of historical Sciences, he tied his fate with the Department of History of the CPSU, where he became from assistant to professor. He developed his best qualities as a social scientist teacher exactly at this department. It was not by chance that he was appointed to the position of vice-rector of the university. On his initiative, structural changes were made at YSU, new specialties, new departments were opened, international relations were established: for the first time, an exchange of students of YSU and the University of Fairbanks (Alaska, USA).

In the 90s, I. S. Sivtsev was elected to the post of rector of the Yakut Agricultural Institute, where he made fundamental changes in the formulation of research, educational work, the development of social infrastructure and material resources. He raised the Institute to the level of State Standards of the Ministry of Defense of the Russian Federation in all major areas of work, was the founder of the Agrarian Academy in the Republic. From October 2000 to July 2003, he worked as a vice-rector of the Yakut State Engineering and Technical Institute, from July 2003 - Professor of the NEFU Department of Political Science, Chairman of the NEFU Council of Mentors.

I. S. Sivtsev's entire conscious life is connected with higher education. It is symbolic that he presented himself with a gift for his 80th birthday—he published the book "My University". The book contains his articles, memories of the formation of YSU and NEFU, interesting materials about the development of education and culture, modern political processes, colleagues, friends and sports.

I. S. Sivtsev's merits are highly appreciated by the Republic and the state: he was awarded the order "Friendship of peoples", became honored worker of higher education of the Russian Federation, awarded "Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation", "Honored worker of education of Sakha (Yakutia)", "Veteran of professional education of Yakutia", "For contribution to the development of family policy of the Republic of Sakha (Yakutia)", received a medal of the first President of the Republic M. E. Nikolaev "To the glory and favor of the Republic of Sakha (Yakutia)", he has excellence in physical culture and sports of the Republic, he is a corresponding member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts, an academician of the Academy of the Northern Forum, an Honorary citizen of Namskiy and Gornyy districts, a sports veteran of the RSFSR, a laureate of the Komsomol Prize of Yakutia.

Innokenty Semyonovich is characterized by optimism, strong will, attentive and respectful attitude to others, exceptional organizational skills. We highly appreciate him as a scientist-teacher, close friend, mentor, we respect and love him as a man of great soul and good heart, distinguished by his great erudition, breadth of professional abilities and exceptional hard work. He is open and friendly to people, he is known, respected, and loved outside the republic.

I. S. Sivtsev is a good family man, with his wife they celebrated a golden wedding, their daughter is a doctor of historical sciences. The younger generation of the Sivtsevs is growing.

We congratulate Innokenty Semyonovich on a worthy anniversary and wish him good health, good spirits, a comfortable human environment and active longevity.

**ВЕСТНИК
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

1 (81) 2021

Редакторы

С. В. Антонова, Н. В. Дмитриева, М. И. Кысылбаикова

Компьютерная верстка *В. А. Максимова*

Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 26.02.2021

Формат 70×108/16. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная.

Печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 13,0

Тираж 250 экз. Заказ .

Дата выхода в свет 26.02.2021

Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского дома СВФУ
Адрес типографии: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58